

Ю.В. Чайковский

**Иваны Васильевичи,
государы Арктики**

Когда я думал, что достиг дна,
снизу постучали

Станислав Ежи Лец

Чайковский Ю.В. Иваны Васильевичи, государи Арктики

В прежних работах автора для нескольких научных дисциплин показано, что система научных знаний не имеет обоснования, что это искажает всю процедуру дальнейшего познания и картину нынешнего знания. В данной книге то же самое проделано для первых известных нам шагов освоения Российской Арктики (примерно от последнего десятилетия правления Ивана III до Смутного времени). Эти ранние события достоверно имели место, но слабо документированы, обычно их едва упоминают (если упоминают). Их анализ привел к неожиданному выводу: они были не началом, а концом процесса, прерванного Малым ледниковым периодом. Этот процесс представлен в книге 1) плаванием датских и русских дипломатов вокруг Норвегии, 2) приходом русских в устье Индигирки, 3) Тазовским городком (ранее Мангазеи) и 4) первыми русскими (ранее Е.П. Хабарова) на востоке Таймыра и на Олёмке. В нем не видно следов насилия, что разительно противоречит как правлению Ивана III и Ивана IV Грозного, так и дальнейшему вторжению России на север Азии. Рассказ – назидательный и в то же время правдивый – о мирном начале освоения Арктики и Сибири должен быть полезен в преподавании истории. В отличие от прежних работ автора, требующих от читателя понимания хотя бы азов соответствующих дисциплин, данная книга не требует от него ничего, кроме благожелательного внимания, и предназначена всем, кому интересно проникнуть в проблематику обоснования научного знания на примере родной истории.

На передней обложке:

карта Тартарии (западная часть) из Атласа Абрахама Ортелия (1570 г. и позже). Раскрашено от руки. Северный фрагмент карты см. на с. 33. Перед большим шатром изображен «Герцог Московитов» – видимо, так на Западе представляли Ивана Грозного.

На задней обложке:

внешкольные работы тазовчан (см. п. 1 главы 4). **1** – предполагаемый водный путь из Оби в Енисей до похолодания 1600-х годов; красным обозначен волок, белый контур внизу – место поисков городка, во врезке учитель С.А. Кунин; **2** – место поисков городка на космическом снимке; красным обведено место находки старинных монет; **3** – Анна Кусаева с подружкой (точнее узнать не удалось) искали торговый городок времен Ивана Грозного, а нашли лишь колхозную лодку времен Сталина, вросшую в почву берега; **4** – отшлифованный спил лиственницы времен Ивана Грозного; **5** – Алёна Даниленко за шлифовкой спила; **6** – Никита Макаренко и **7** – Максим Богородицкий, оба получили призы за доклады о Мангазейском морском ходе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступление</i>	4
Глава 1. Русская Арктика до Колумба.....	6
Зауральские княжества и города.....	12
Глава 2. В дни Колумба: интерес к Арктике.....	14
1. Письмо об открытии Новой Земли.....	14
2. Посольские плавания.....	17
3. Личность Истома.....	21
Где именно плыл Истома.....	23
Истома, скандинавы и русские.....	27
4. Загадочные карты.....	31
5. Карты теряют загадочность.....	37
Глава 3. После Колумба: к Русскому Устью.....	39
1. Непонятные вещи.....	39
2. В бегах от обоих Иван Васильичей.....	42
О проблеме русскоустынцев.....	47
3. Как, когда на чем плыли и где поселились.....	51
4. Русское Устье не вполне уникально.....	59
5. Голландец в зимовье Усть-Оленёк.....	61
Глава 4. Глаз истории и глас нынешний.....	64
1. Тазовский городок и ранние Строгановы.....	66
2. Как было без карт.....	70
<i>Заключение</i>	76
Приложения.....	82
1. О методе.....	82
Ряды.....	86
2. Письмо было секретным.....	87
3. <i>Сигизмунд Герберштейн</i> . Плавание по Ледовитому морю.....	90
4. Когда состоялось плавание Истома и где проходило.....	99
5. Отзвуки Русского Устья.....	100
6. От Русского Устья к Аляске.....	103
7. Открытия, которые не понадобились.....	106
<i>Литература</i>	108
Работы автора, упомянутые в тексте.....	111

Обозначения

АН – Академия наук; РАН – Российская АН

ВСЭ – Великая Северная экспедиция

МЛП – Малый ледниковый период

ПСФ – плавание Симса – Фаддея (см. п. 5 главы 3)

РУ – русскоустынцы

СВ – северо-восточный

Ч-91, Ч-06 и т.д. – работы автора (см. их список)

Кавычки-лапки “ ” – переносный смысл или ирония, а также цитата в цитате

Вступление

А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля.
Растаял в далеком тумане Рыбачий,
Родимая наша земля

Николай Букин, морской артиллерист
полуостров Рыбачий
1942 год

Эта песня («Прощайте, скалистые горы») мне очень нравилась в юности (во многом из-за музыки Евгения Жарковского, написанной на слова Букина в 1943 г.), и Рыбачий виделся как подходящее название любому береговому поселку. Лишь не так давно, к старости, узнаю, что это полуостров на Мурмане и что звался он Рыбачьим давным-давно.

Почему именно он – Рыбачий? Так можно бы назвать любое приметное место на Мурманском побережье, а назвали его. И почему его северо-западное оконечье зовется мысом Немецким? Да, немцы отчаянно и не раз пытались взять его (полегло там без числа их и русских), однако так и не смогли. (Неподалеку от мыса стоял пограничный столб – единственный, говорят, что простоял всю войну на всей западной границе СССР.) Только звался мыс Немецким тоже гораздо раньше.

Дело в том, что к востоку от мыса, в небольшой бухте Вайда-губа, издавна была стоянка норвежских судов – промысловых, добывавших у Мурманского берега рыбу и морского зверя, и торговых, всё добытое увозивших в Западную Европу. Новгородцы, с тех пор, как обосновались там в XV веке, продавали морской улов норвежцам. Близ мыса, у губы Вайда, возникла норвежская фактория, а русские постепенно стали звать всех западных иноземцев одинаково – *немцами*. Точно так же, как чуть ли не все иноземцы восточной Руси для русских были *татарами*.

Маяк на мысе Немецкий. Почтовая марка

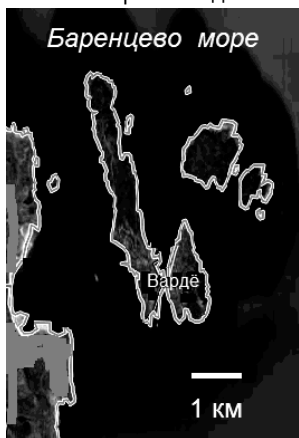

Было у полуострова и древнее местное название *Мотка*, от саамского *моатък* – *волок*, *перешеек*, однако с первых же летописей XV века мы читаем только о столкновениях здесь новгородцев с норвежцами. Видимо, саамы (или саами; их прежнее название у русских: *лопари*) нашествиям не противились.

Летописи более чем кратки, так что о времени и характере столкновения говорит лишь одно обстоятельство: уже в 1306 году норвежцы были вынуждены построить в той неоглядной от мест их жизни дали сторожевую крепость Вардехус. Под именем Вардё она живет поныне. Кого и от кого она охраняла, стоя к тому же на острове, узнаем позже.

Мой интерес к Арктике много лет, до конца XX века, составлял лейтенант Александр Колчак, знаменитый полярник, и, прежде всего, его героическая попытка спасти Эдуарда Толля (своего начальника), а они ни в Вардё, ни на Рыбачьем не были. Проплывая в 1900 году в тех краях, Колчак (он стоял в те предутренние часы вахту в ходовой рубке), записал после вахты в дневнике: «Море было спокойно и на другой день рано утром мы увидели берега Рыбачьего полуострова, а к полудню стали на якорь в Екатерининской гавани», то есть Вардё не помянул. Толль, наоборот, в дневнике не помянул Рыбачьего, зато записал: «В 10 часов вечера стал виден Вардё». Этим, разумеется, моего внимания они привлечь не могли.

Лишь много позже, 20 лет назад, читая книгу [Старков, 1998], изумляюсь: экспедиция англичан в Арктику (1553 г.) описана не просто как подвиг (каковым и была: вернулся лишь один корабль из трех, экипажи двух других замерзли¹), но как подвиг первопроходцев: ведь их судно «смогло дойти лишь до устья Северной Двины. Несмотря на, казалось бы, скромные результаты похода, его значение в истории северного мореплавания достаточно велико. Было доказано на практике, что плавания из Атлантики в моря Северного Ледовитого океана вполне возможны».

То же через 16 лет видим у В.С. Корякина [2014]. Как так? морская крепость Вардехус стояла там уже два с половиной века – что, к ней ни разу не плавали? Неужто брёвна для перекрытий, а позже и пушки, таскали через горы Скандинавии? Нет, конечно, и легко нахожу в литературе, что англичане плыли именно в Вардехус, но лишь один их корабль, третий (им командовал Ричард Ченслер), нашел ту гавань (плывя с севера и не имея карты, это совсем непросто – см. картосхему) и вел там ремонт.

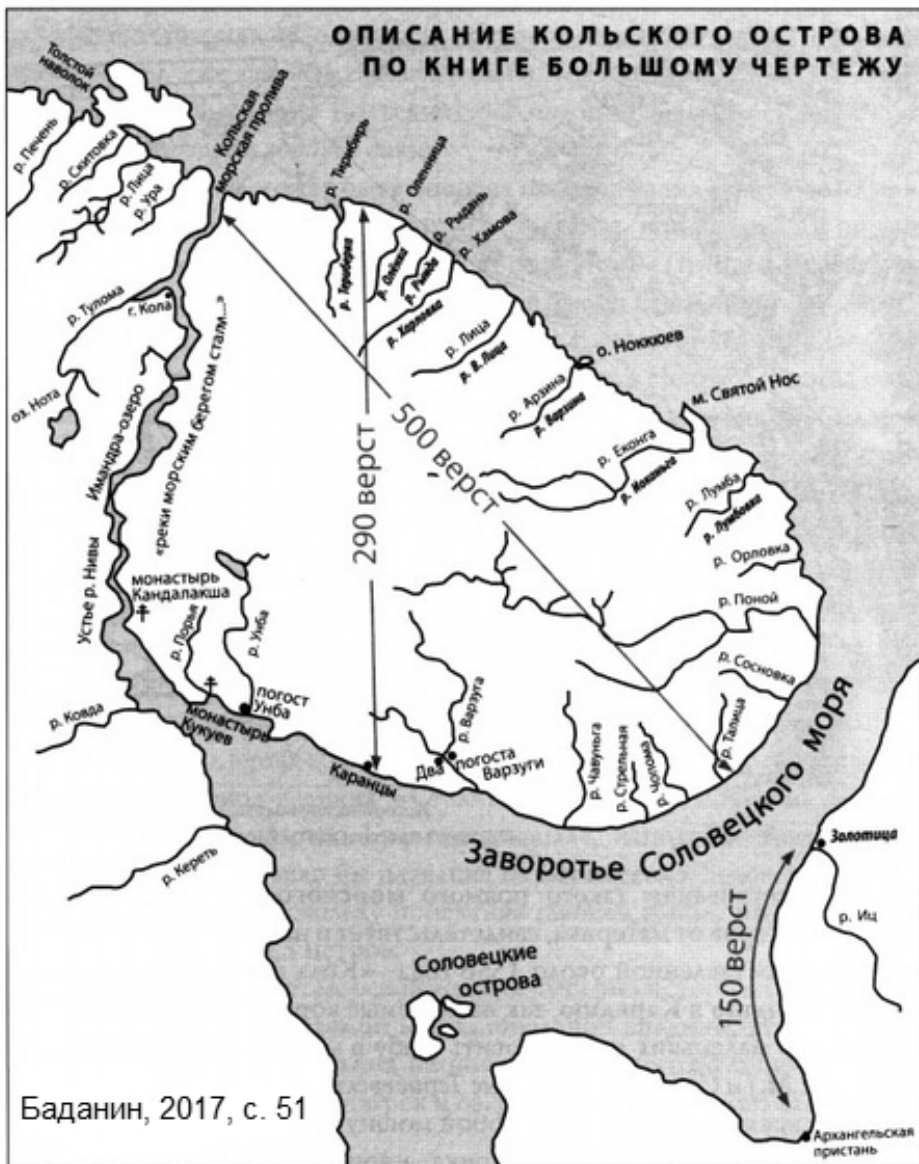
Почему же анализ начат с англичан, а не со скандинавов? И где были тогда русские?

Чтобы разобраться в этом, мало знать факты, нужен еще и метод исследования. Он был изложен в Прологе к книге Ч-20 и воспроизведен далее в **Приложении 1**. Позволю себе считать далее, что читатель с ним знаком.

¹ Поскольку уже начинался МЛП – обозначения см. выше, после Оглавления.

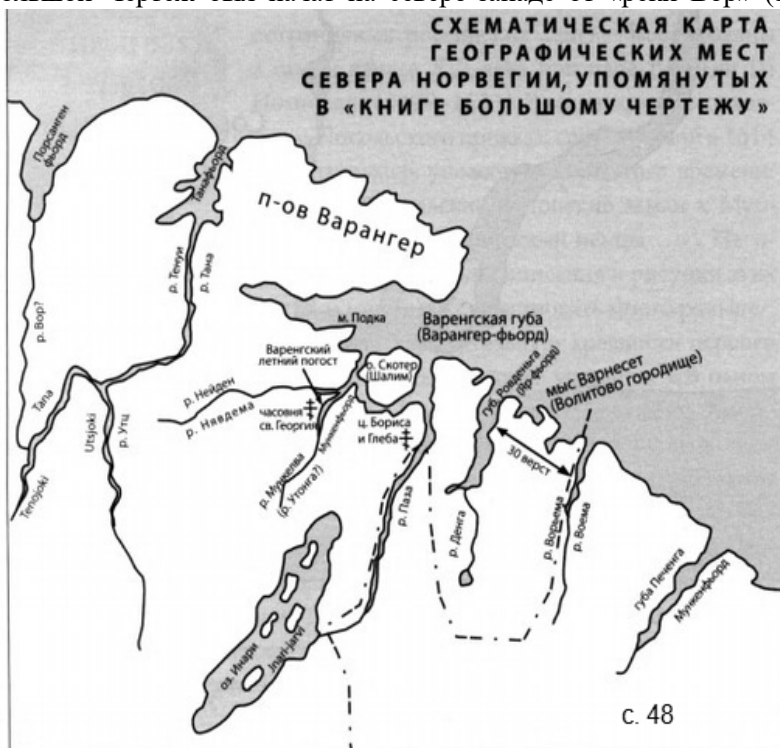
Глава 1. Русская Арктика до Колумба

Если покорение русскими (новгородцами и двинцами) севера Восточной Европы кое-как описано, то проникновение их в Арктику известно намного хуже. На сегодня самая древняя дата на Кольском полуострове,

обоснованная радиоуглеродным методом, – это основание Никольской церкви в Варзуге около 1325 года [Баданин, 2017, с. 68], хотя заселение Мурмана произошло много раньше. Лишь почти через триста лет (около 1600 г.) была составлена карта, «Большой чертеж». Он до нас не дошел, но дошло его подробное описание [Книга Большому Чертежу], где, в частности, упомянут берег Студеного моря. А.В. Баданин² показал на картосхеме (см.) упомянутые там топонимы. Комментария требует только топоним «р. Вор?».

Большой Чертеж был начат на северо-западе от «реки Вор» (это, по-

² Фундаментальный труд игумена (затем епископа, затем митрополита) Митрофана (А.В. Баданина) замечателен вниманием к подробностям, картосхемами и широким привлечением старых трудов, давно вышедших из оборота. Однако новая литература ему известна хуже (так, он не знает о МЛП, отчего не смог описать причин обезлюдения), часто он не критичен (например, принимает на веру, не обсудив, произвольные выводы Олофа Далина, сто лет как оставленные), а его суждения о пределах влияния русских в полярной Норвегии (например, о сборе ими дани близ Тромсё) основаны на старых вольных прочтениях скандинавских топонимов и выводах об их связи с русскими. Словом, обойтись без этого трехтомника затруднительно, но всё приходится проверять.

видимому, Карашок, Karasjohk), а Порсангер-фьорд, хоть и обозначен Бада-ниним, там отсутствует (впадает в него другая река, Лаксельва, см. гл. 2).

Первое дошедшее до нас норвежское свидетельство о набегах из Арктики, ныне российской, содержится в Гулатингской правде³ (около 1200 г.):

«Если ожидается военное вторжение в нашу страну, люди должны нести вахтенную службу на маяке. Вахтенные должны засветить маяк, когда увидят три военных корабля и более. Служба на самом северном маяке оценивается в тринадцать марок серебром, а также на ближайшем к нему маяке, **если войско ожидается с севера**, и так повсюду, где вероятнее всего может появиться войско» [Баданин, 2018, с. 54].

Запись скудна, но приходится исследовать именно ее. Поскольку точно известные (по времени и месту) коренные народы Арктики никогда и никем не были замечены в морских организованных нападениях, запись принято относить к русским (новгородцам). Однако столь ранних сведений о русских в Студеном море не существует⁴, и запись вернее отнести к *бьярмийцам*. Это часто упоминаемый, но не локализованный однозначно народ севера Восточной Европы, живший там до прихода русских.

О Бьярмии уверенно можно сказать только то, что это было государство (а не совокупность племен), способное воевать, знавшее деньги и имевшее богатые храмы. В 1227 году оно было разгромлено и разграблено норвежцами, и «после этого Бьярмия перестала упоминаться в скандинавских источниках» (см. [Баданин, 2018, с. 43] и многие другие труды).

Зато появились русские. Набеги новгородцев в западную (норвежскую) Арктику известны из норвежских источников, как минимум, с 1271 года. В начале XIV века норвежский король Хакон V (Хакон Магнуссон, Хакон Святой) был вынужден, при всех своих южных войнах и иных государственных заботах, строить, притом в дикой дали, крепость Вардехус на острове, и надо понять, кого и от кого она была призвана защищать.

На материке было бы свозить строительный камень куда проще, но потребности в такой крепости, очевидно, не было: сухопутные набеги русские вели не вдоль берега моря (он местами непроходим, это отвесные

---

³ Гулатингская правда (Gulatingsslova) – свод норвежских средневековых юридических норм. Старейший сохранившийся полный свод (около 1200 г.) хранится в Королевской библиотеке Копенгагена.

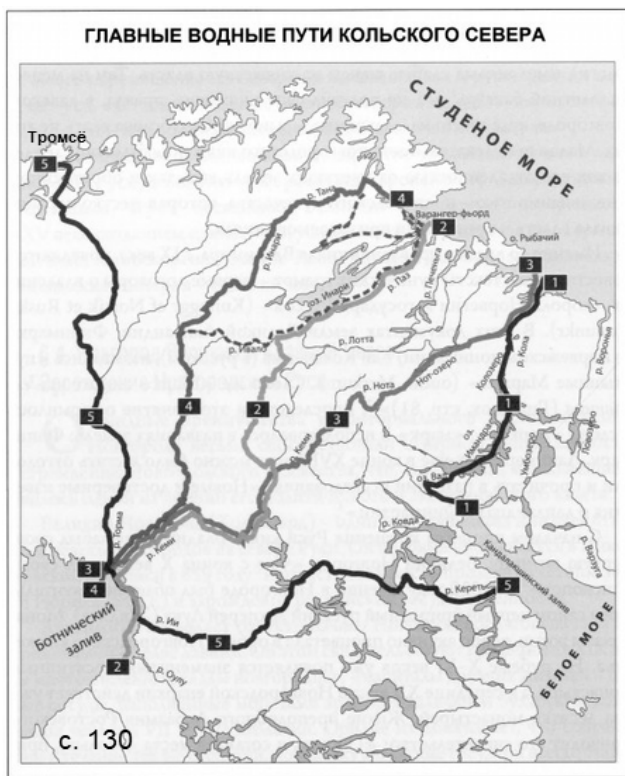
⁴ В средневековом скандинавском «Описании Земли» (видимо, 1170-1190) есть указание на то, что Бьярмия подвластна Руси, т.е. новгородцам [Мельникова, 1986, с. 198]. Это самое раннее свидетельство появления русских в тех краях (вероятно, на юге Кольского п-ова) говорит против того, что они уже имели военный флот, способный обогнуть Норвегию, но позволяет допустить, что бьярмийцы, теснимые русскими с юга, направили активность на север.

скалы), а много южнее, через плоскогорье Лапландии. Кроме того, защищать небольшим, безнадежно удаленным от родины, гарнизоном можно было только небольшой остров. От морских же набегов одинокая небольшая крепость, неспособная держать большой флот, помочь не могла: русские корабли попросту обходили ее открытым морем, что произошло, как минимум, в 1323 и 1349 годах. Но зачем тогда крепость была нужна и почему не была вскоре же заброшена? Ответ оказался довольно прост: она призвана была охранять норвежские морские промыслы.

Традиционный объект промысла, многовековой источник питания норвежцев и основа норвежского экспорта – треска. В конце Высокого средневековья Норвегия переживала краткий творческий подъем, «золотой век» (прерван в 1349 г. Черной Смертью, отнявшей у Норвегии больше половины населения). Полемика для свободной деятельности норвежцев во многом как раз и стал Крайний Север, поскольку в более южных морях командные высоты были уже захвачены торгово-военным флотом Ганзы (германских государств) и промысловым флотом Голландии и Англии.

Масса трески, сельди и тюленей (их жир, наряду с китовым, был главным средством освещения) оказалась близ Рыбачьего неслыханной, транспорт улова в Швецию пошел через фьорды и порт Тромсё, а далее, зимой, в санях (см. картосхему из книги А.В. Баданина) в Швецию, т.е. минуя ганзейский флот.

Зато встал новый вопрос: как довести рыбу до норвежских, а затем до иностранных покупателей? До тех пор норвежцам продавали треску, в основном, свежей, а иностранцам – сушеной, и ни то, ни другое теперь не годилось: необработанная рыба в дальней дороге протухала, а на сушку не

было в Арктике ни времени, ни условий. Рыбу надо было солить, благо сельдь и треска солятся прекрасно. Солить свежую рыбу требовалось здесь, в Арктике, чем и занялись жители Мурманского побережья.

Когда и кем на Мурмане были основаны первые солеварни, неизвестно, зато первые же летописи XVI века показывают нам процветающими как сами норвежские промыслы, так и русские солеварни при них. В частности, главным занятием Печенгского православного монастыря (основан в 1533 г. в устье реки Печенги; Баданин намекнул на более старый монастырь в тех местах, но конкретных данных не привел) были солеварение, заготовка дров для него и торговля. Монастырь несомненно включился в дело, уже освоенное русскими при Иване III, если не раньше.

Прежде в Арктике новгородцы собирали дань (в основном, оленьими шкурами) и уходили до нового сбора, а теперь московиты и бежавшие от зверств Ивана III в Арктику новгородцы стали осваивать ее иначе, примерно так же, как прежде новгородцы осваивали Подвинье – поселяясь там. Они селились там давно: уже в 1137 году в новгородской грамоте упомянута Пинега («в Пинезе»), восточный приток низовья Двины, притом как место сбора церковного налога [Древнерусские..., 1976, с. 148].

Иван III разгромил Новгород в 1470-х годах, и описывать его жуткие зверства, поразившие даже привыкших ко всему современников, не стану. Желаящих отошлю к замечательным трудам Н.И. Костомарова (это и «Севернорусские народоправства», и глава 13 его «Русской истории», и статьи). Замечу лишь, что при Сталине массовые выселения, с гибелью чуть ли не половины выселяемых, как бы копировали деяния Ивана III.

Новгород потерял почти всё население (замененное Иваном на иных, тоже несчастных, переселенцев), а с тем и свою необычайную культуру. Уцелевшие бежали, в основном, в бывшие новгородские владения, прежде всего, в Подвинье. Просторы Северной Двины с притоками были слишком велики, чтобы отловить и замучить всех, и в Подвинье новгородская культура во многом сохранилась. Нам особо важно, что богатые новгородцы бежали вместе со своими сокровищами, казалось бы, в тамошней глуши бесполезными, но лет через 70-80 те весьма пригодились их потомкам, – см. главу 3.

Разгром Новгорода и Пскова прискорбно отразился на жизни всего Северо-западного края, однако устранение могучего конкурента вызвало некоторое оживление у скандинавов. Для нашей темы важно, что норвежцы и шведы пытались вытеснить русских из Арктики. Возникла война за прежние владения, по итогам которой Иван III, умирая, смог завещать сыну Василию, среди прочих земель, «дикую Лопь». А именно, государь отдавал сыну «всю Корельскую землю, со всем тем, что к Корельской зем-

ле потягло, и с Лопью с лешею (лесною – Ю. Ч.) и с дикою Лопью». Дикая Лопь здесь в первый раз упомянута в русском документе. Лешей Лопью именовали тогда части Карелии и Финляндии, т.е. еще не Арктики, а Дикой Лопью – Кольский полуостров, это уже Арктика.

Московские сборщики дани заходили и немного дальше, в норвежскую Арктику, и сами лопари этим фактом всю пользу пользовались: сказывали сборщикам норвежским, что уже заплатили дань русским.

* * *

Само по себе плавание из Западной Европы в Баренцево и Белое моря было известно очень давно. Даже не считая плавания норвежца Отера (Other) в IX веке из Средней Норвегии к Мурманскому берегу (он достиг, как минимум, Варангер-фьорда), очень интересного самого по себе, но важных последствий не имевшего, мы видим активность викингов (норманнов) на этом берегу как минимум с XII века. И название *Мурманский* произошло от слова *норманны*.

Хотя, судя по всему, викинги впервые вышли к берегу Белого моря по суше со стороны Ботнического залива, через систему рек и волоков, однако позже они ходили туда морем. Как уже сказано выше, в начале XIV века норвежцы основали, по велению короля Хакона V, морскую крепость Вардехус (нынешний Вардё). С утверждением шведов в Лапландии и русских (новгородцев и двинцев) на Мурмане морской путь в Вардё остался для норвежцев основным и едва ли не единственным.

Торговой базой русских служил Николо-Корельский монастырь в устье Северной Двины. В 1417 году там уже была «Николаевская церковь на Корельском берегу на Лявле острове», а значит, стояло там и село, оно было, как минимум, на 170 лет старше, чем Архангельск.

О летописях данного монастыря неизвестно; их, вернее всего, никогда не вели. Монастырь был заведением торговым и вел приходно-расходные книги, сохранившиеся с 1551 года. Он вел широкую торговлю мехами и морепродуктами (особенно моржовым зубом), каковые скупал у местного населения и продавал купцам – русским, шведским и норвежским. Последние, ясное дело, приплывали через Студеное море, через Арктику.

Столь же стар Михайло-Архангельский монастырь, располагавшийся выше подВине (не сохранился, поглощен застройкой Архангельска).

Всё это происходило при климате, близком к таковому середины XX века. Однако во второй половине XV века в Арктику пришло заметное похолодание – *Малый ледниковый период* (МЛП). Совсем холодные годы чередовались с более теплыми, так что для понимания хода северной ис-

тории следует исследовать многолетние ряды средних температур – летних и среднегодовых, местных и для всего Севера. Среднегодовые температуры показывают наступание и отступление многолетних льдов, а каждая летняя – о возможности в тот год далеко плыть. Ряды научились строить в последние 60 лет по косвенным данным – толщине донных осадков, толщине годовых колец деревьев, датам начала сбора урожая и т.п.

Норвежцы («мурманы») плавали в устье Северной Двины Ледовитым морем в кораблях, а шведы ходили и плавали из Лапландии, через Канда-лакшу Белым морем, в лодках. Известно, что «мурманы» в 1419 году вошли в Белое море и разорили Николо-Корельский монастырь, сожгли и разграбили находящиеся в дельте реки русские поселения, при этом безжалостно истребив их обитателей, как мирян, так и монахов.

Данное событие стоит соотнести с тем, что в 1411 году двинской воевода Яков Стефанович, как гласит летопись, «по новгородскому велению... повоеваша мурман» и вернулся из Скандинавии с богатой добычей. Так что набег скандинавов в 1419 году был, надо думать, мстью, вызванной недавними действиями жителей Поморья. Неразумное веление, поступившее из далекого Новгорода, вероятно, было вызвано опьянением от победы того же года над свеями (шведами), с которыми новгородцы воевали постоянно на Балтике. Расплата, как видим, настигла незащищенных жителей устья Двины через 8 лет. О путях набегов мы можем лишь гадать. А о самих побоищах там не слышно целых 85 лет.

Ничего не слышно вообще о плаваниях в те годы русских на запад.

Зауральские княжества и города

Поняв, что на западе успехи окончены, новгородцы и двинцы обратили усилия на восток, независимо идя по суше за горы Полярного Урала. Река Обь впервые упомянута в новгородской летописи за 1364 год:

Лето 6872 (1364) «Той зимы с Югры новгородци приехаша... воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реке и до моря, а другая половина рати в верх Обе воеваша; и Двиняне стаха противу их полком, избиша Двинян на Курье» (Полн. собр. рус. летопис., т. 4. СПб., 1848, с. 64-65).

Запись интересна весьма: Обь названа как уже известная, и новгородцы прошли «до моря», т.е. уже в Азиатскую Арктику. Там воевали они с Обдорским княжеством (протогосударство хантов (остяков), столица: городок Пулноват-Вош, на его месте русскими был построен Обдорск, ныне Салехард). В отличие от разгрома двинян, про Обдорию этого не сказано.

Она затем дольше века успешно противилась новгородцам. Позже даже Иван III, хоть и добился там военной победы («Во время похода кн. Курб-

ского в 1499 /1500 г. было завоевано более 40 городков, взято в плен 58 князей» [Бахрушин, 1935, с. 37]), хоть и включил в 1500 году слова «князь Обдорский» в свой титул, но «до моря», как удалось когда-то, не доходил.

То, что С. Герберштейн упоминал Обдорский и Надымский остяцкие городки в описании России, едва ли можно считать (как допустил археолог О.В. Кардаш [2011, с. 200]) доводом о захвате их ратью Ивана III.

Обдорья была главным из десяти тамошних княжеств (о них в школе не говорят ничего, и я узнал лишь недавно), а к югу от них лежало Сибирское царство, о котором в школе сообщают лишь, что его покорил Ермак. О культурной истории Обдории см. [Кулемзин, Лукина, 1992], а о политической [Перевалова, 2000], где дана и литература.

Основным богатством обдорцев была рыба, они сушили ее и меняли у лесных ненцев на меха, а меха меняли у двинян на металл и прочие западные вещи. Позже меха ненцам пришлось возить уже из Тазовского городка и Мангазеи (так звали страну, город Мангазея возник позже, в 1601 г.), а обдорцы платили ими ясак московскому правителю.

Выгодный обмен не мешал им жестоко воевать между собой, и явная польза русской власти была в их замирении. Например [Бахрушин, с. 38]:

«В 1485 г. при посредничестве пермского владыки (епископа – Ю.Ч.) кодские князья заключили под Вымским городком мир с вымскими князьями и с вычегодцами, скрепленный с обеих сторон торжественной клятвой. Этим же договором был скреплен оборонительный союз кодских остяков с обдорцами».

Помогали местные князья и русским побеждать местных (с. 12, 15 и др.):

«Русская администрация ценила военную доблесть остяков и привлекала вспомогательные отряды их к участию в походах».

Основную заслугу Ивана III в самой России принято видеть в централизации, каковая прекратила междоусобицы и позволила покончить с остатками ордынского ига. Покончила она с усобицами и в Сибири, но лет через двести, зато воздвигла здесь свое многовековое иго, притом более тяжкое и приведшее почти все сибирские народы к потере лица, а то и самого народа (чего об ордынском иге никак не скажешь).

Те, кто говорит о более высокой культуре, какую вроде бы несли русские в Арктику и Сибирь, кривят душой, о чем много написано. Неграмотная и дико жестокая у себя, Русь не могла нести новой, более гуманной, культуры, по крайней мере, до реформы Сперанского (1822 г.), даровавшей «иногородцам» нечто вроде самоуправления, а с тем и некоторые права. Что касается религии, то местный шаманизм не был ни столь жесток, ни лицемерен, как насаждаемое христианство, и был он людям духовно ближе.

Как бы оправдание этому видят в том, что в Америку Колумб и после несли то же самое. Например, привычку считать исконно своими города, поставленные на месте туземных городков. Таким был и Пулноват-Вош.

Глава 2. В дни Колумба: интерес к Арктике

Иван III не числится среди правителей, покорявших Арктику, но в его время было иначе. Правил он очень долго, в 1462-1505 годах, так что вся эпоха открытий Колумба уложилась в конец эпохи Ивана III. Колумб «открыл Америку» в 1492 году, а уже в следующем году Иван, недавно назвавший себя «Государем всея Руси», был назван в одном письме еще и властелином изрядной части Европейской Арктики.

1. Письмо об открытии Новой Земли

14 июля 1493 года немецкий врач и картограф Иероним Мюнцер послал португальскому королю Жуану II секретное письмо от имени Максимилиана, римского короля и императора Священной Римской империи. В нем, в частности, сказано, что недавно в Ледовитом море был открыт огромный остров по имени *Груланда*, который пребывает во владении «Великого герцога Московии», т.е. Ивана III.

Остров открыт недавно, но уже, по словам Мюнцера, имеет огромное поселение. Леонид Чекин [2004], историк средневековой географии, сделал допущение, что речь могла идти как об острове, так и о береговой суше. Место в письме, где речь о Груланде, у Чекина начато так:

«Мюнцер намечает перспективы, которые откроются перед Жуаном, если он пошлет экспедицию на поиски Китая. “О, какая слава тебя увенчает, если ты добьешься того, чтобы обитаемый Восток стал известен твоему Западу”».

Далее в письме идет главное:

«Уже славят тебя как великого правителя немцы и итальянцы, и рутены. [И] аполлоновы скифы, коим суждено быть под сухою звездой арктического полюса. И великий герцог Московии; ведь немного лет назад под сухостью той звезды стал известен впервые большой остров Груланда, чья длина берега 300 лиг. Там огромное селение людей из известного владения названного господина герцога».

Триста лиг – это полторы тысячи вёрст. Текст несколько загадочен, анализ его можно найти в работах [Обручев, 1964; Чекин, 2004; Ч-06], о чем см. **Приложение 2**, а здесь отметим только следующее.

Жуану предложено отнюдь не повторение плавания Колумба, а нечто совсем новое – португальцам следует освоить дорогу в Китай через Арктику, пока этого не сделали государства Северной Европы.

А что такое Груланда? Можно ли указать ее на карте? До сих пор историки называли в качестве нее три объекта – Гренландию, Шпицберген (Свальбард, Грумант) и Новую Землю. Гренландия могла послужить про-

тотипом для самого слова «Груланд», но и только: русские там не бывали, Грумант же был открыт для Западной Европы лишь через сто лет, и его имя – тоже, как полагают историки, есть искажение слова «Гренландия». Данные археологии говорят о поселениях там только с середины XVI века, так что говорить о нем здесь вряд ли стоит.

Наоборот, Новая Земля и только она одна имеет длину западного побережья 1300-1500 вёрст – смотря насколько огибать извилистый берег. Она – реальный уже в то время объект, о котором могли быть получены сведения от моряков. И они действительно были получены, их подробно описал Л.С. Чекин. Так что примем, что Мюнцер писал о Новой Земле. Данный вывод очень важен и понадобится нам не раз.

Что касается «огромного селения» на Груланде, то это явная выдумка (возможно, самого Мюнцера): никаких поселений на островах Арктики не было тогда ни в природе, ни на картах, ни в текстах. Полагаю, что выдумка понадобилась ее автору, дабы привлечь португальцев к идее *Северо-восточного* прохода (СВ прохода): если в середине пути в Китай есть огромное селение (притом, как намекает автор, дружественное), значит, там, якобы, можно будет и пополнить запасы, и учинить ремонт.

Но союз двух королей (Максимилиана и Жуана) не состоялся, и селение на Груланде больше не поминалось, как и она сама. Жуану, по всей видимости, вполне хватало новооткрытого пути в Индию, так что Максимилиану надо бы обратиться не к нему, а к северным приморским королям, что, подозреваю, он вскоре и сделал. О следах таких контактов, всегда секретных, чаще всего можно судить лишь косвенно – по их следствиям. В данном случае примечательно вот какое наблюдение:

«По стопам соотечественника (Колумба – Ю.Ч.) шел и Паоло Чентурионе, предлагая очередной “индийский” (на этот раз арктический) проект в Генуе, Риме, Москве, Копенгагене, Лондоне» [Головнёв, 2015, с. 380].

Согласно письменной истории, откликнулся только Лондон. Его первые корабли уплыли при полной секретности (см. Ч-19, с. 12), что наводит на мысль, что были и иные экспедиции, но в тексты попавшие.

Письмо Мюнцера представляется мне первым известным науке призывом искать СВ проход. Призыв состоялся за 60 лет до первого известного нам появления англичан на русском Севере, и факт письма заставляет признать, что проход в Китай начали искать в Арктике намного раньше, чем принято писать. Л.С. Чекин [2004, с. 41] верно сказал, что вопросы о названии «Груланд» и об открытии острова не следует смешивать, так как название родилось вне связи с открытием, видимо, в кругу Мюнцера. В таком случае добавлю, что открытый остров – это и есть Новая Земля.

На мой вопрос, почему он даже не рассматривает Новую Землю как возможный вариант, Чекин в свое время ответил, что, якобы, никто до него сей вариант не рассматривал, и ему спорить не с кем (что просто неверно). В статье [Chekin, 2017] нового материала он не привлек и новых по сути суждений не привел. Его занимала иная тема (открытие русскими Шпицбергена), каковую он и отработал.

Зато Чекин [2004] привел важную цитату из труда Помпония Лэта:

«Есть большой остров и на крайнем севере, по направлению к востоку, недалеко от материка: там редко... загорается день; все животные там белые, особенно медведи; и птицы, которых мы называем соколами (*falcones*) по причине серповидных (*falcatis*) когтей, летают в этих краях. Близ берегов Ледовитого океана живут вдали от прочих смертных лесные люди, угары или угры».

Она ставит всё по местам. Остров необитаем, но рядом на материке (очевиден Югорский полуостров) живут «угры» и всюду водятся соколы – а это, вернее всего, Новая Земля и рядом Вайгач.

С радостью могу отметить, что главное Чекин всё же сделал: собрал малоизвестные данные об открытии русскими Новой Земли и даже о дате ее открытия (состоявшегося совсем незадолго до письма Мюнцера⁵), и, кроме того, назвал неизвестного по имени русского кормчего, открывшего остров, «российским Колумбом». Это верно с той оговоркой, что «российский Колумб» не мог быть одним лицом.

Во-первых, поморы, ведя долгий промысел, заведомо давно открыли остров, лежащий недалеко от острова Вайгач, где вели промысел давным-давно. Во-вторых, указание его огромной длины явно сделано не тем, кто его посетил впервые. А в-третьих, идентификация его как острова говорит о целой веренице плаваний, в том числе дальних и вдоль его восточного побережья тоже. Ведь позже, когда западный берег открыли заново, Новую Землю долго считали западной частью неведомого материка. Тот факт, что Новую Землю вскоре же по открытии осознали как остров, тоже понадобится нам не раз.

---

⁵ «Русские из Бьярмин... плавая по Северному Океану, примерно 107 лет тому назад нашли в этом море ранее неизвестный остров, обитаемый славянским народом. Каковой... подвержен и осужден вечному холоду и морозу..., по величине он превосходит остров Кипр; и на нынешних картах мира ему дается имя *Nouazemglia*» [Orbini, 1601, p. 94]. Рукопись окончена 1 марта 1600 г. Сравнение с Кипром удивительно (неужели был моряк, который видал оба острова?) и указывает скорее на Вайгач (хотя Кипр почти втрое больше), уже освоенный русскими промысловиками, чем на Новую Землю. Замечу, что на полях книги Орбини остров обозначен несколько иначе: *Noua zëglia*. Интересно, какой язык был родным для информатора, который к тому же сравнил вновь открытый остров с Кипром?

Любопытно, что ни Мюнцер, ни кто другой представить себе не могли, что поморы открывают и осваивают новые земли сами, без воли властей. Что «великий герцог Московии» даже не ведаёт об их открытиях.

Историк Андрей Введенский в свое время привел два пересказа XVII века старинной поморской молвы, по которой на Новой Земле вели промысел (силами своих крестьян) новгородские предприниматели Строгановы, бежавшие от зверств «царя Ивана Васильевича» [Введенский, 1962, с. 54]. Сам он не верил этому, имея в виду Ивана Грозного, но молва могла смешать (позже, как мы еще узнаем, и смешала) двух Иванов Васильевичей, а при Иване III новгородцы (в широком смысле слова) действительно бежали от его зверств, в том числе на Север. На юго-западе Новой Земли есть небольшая (4 версты) губа Строгановых (см. карту в книге Ч-20, с. 163), но датировка ее названия неизвестна.

Впрочем, если бы Мюнцер даже и знал, то едва ли написал бы, что на острове не бывает никого, кроме промысловиков (и те только летом). Зато Ивану III неожиданно пришлось направить туда, в Студеное море, послов, причем сразу два посольства.

2. Посольские плавания

Покорителей русского Севера, тех, кто ходил на восток, в Угорскую землю (за Полярный Урал), поминают часто, а вот тех, кто ходил или плывал на запад, называют крайне редко и немногих. Летописи вообще скупы, но дело не только в этом: того, о ком известно довольно много, называют тоже редко и не по делу – это дипломат Григорий Истома. Вот недавнее упоминание, и, к сожалению, оно для историков типично:

«Григорий Истома в 1493 или 1496 г. прошел морским путем из устья Северной Двины вокруг Кольского полуострова и вдоль побережья Скандинавского полуострова до Копенгагена. Этот маршрут был в Западной Европе тогда совершенно неизвестен» [Бойцов, 2013, с. 164].

Следует ссылка на труд Зигмунда Герберштейна (1549 г.), вот и всё.

Недоумения встают горой. Что, после этого никто сей вопрос не исследовал? Никто даже не уточнил дату? Что, Истома был еще и мореплавателем, притом полярный? Кто строил для него корабль, способный одолеть столь огромный путь, да еще во льдах? Кто указал ему путь (ведь Истома был *послан* в Данию через Арктику, значит, путь был известен в Москве), кто вёл корабли? И где та школа мореходов, что привела Истому к столь поразительному успеху? Ведь Бартоломеу Диаш, обогнувший юг Африки (где льдов нет) в 1487 году, имел до себя поколения корабелов и мореплавателей, включая арабских.

А Михаила Бойцова, историка, хочется еще и спросить: как путь Истомы мог быть «в Западной Европе тогда совершенно неизвестен»,

если на самом севере Норвегии уже полтора века стояла (и стоит по сей день) норвежская крепость Вардё? В нее что, ни разу не плавали?

Разумеется, литераторы пытаются заполнить познавательные пустоты: замысел Истома был-де «поразительно дерзок» (разве не Иван III его послал?), поморы-де ходили этим путем давно (почему же норвежские хроники отметили их лишь в Арктике?), Истома-де сам строил себе корабли и сражался с океаном, он даже был уже тогда «известным мореплавателем» (где его прежние плаванья?), ну и так далее.

Авторы не заглядывают в книгу Герберштейна, в наш основной источник об Истомае, а там сказано ясно: послов было двое – русский и датский (Дэвид Коран), они были пассажирами в нанятых ими лодках, а лодки моряки переносили через волок на плечах. Неужели можно проплыть в Ледовитом океане почти 4 тыс. км в лодках? Притом не спасаясь после катастрофы, а в заранее назначенном посольстве? Так не бывает.

* * *

История эта в самом деле началась, насколько знаю, в 1493 году:

«В июне 1493 г. к Иоганну (Юхану), королю Датскому, были отправлены русские послы Дмитрий Ларев Палеолог и Дмитрий Зайцев... Летом 1494 г. послы вернулись»; «выехав из Москвы, послы шли на Колывань (т.е. Ревель, Таллинн) обычным для русских послов путем через Балтийское море» – пишет историк Юрий Алексеев [2009, с. 349]. Далее он пересказал цитату, которую, однако, приведу полностью:

«1496 В лета 7004. Князь великии Иван Васильевич посылал на Каяны воевод своих князя Ивана Ляпуна да брата его князя Петра Ушатых, да с ними устюжане да двиняне. И ... добра поимали много, а полону бесчисленно. А ходили з Двины морем акияном⁶ да через Мурманскои Нос».

«1497 В лето 7005. Князь великии Иван Васильевич всеа Руси послал послов своих к датскому королю в Немцы – Дмитрея Заицева да Дмитрея Ларева грека. И шли на Колывань, а назад туде не смели проити. И они пришли на Двину около Свеискаго королевѣства и около Мурманскогo Носу морем акияном мимо Соловецкои монастырь на Двину, а з Двины мимо Устюг к Москве. Да с ними пришел датского короля посол, имянем Давыд, да с собою привели Якова Разбойника немѣчина сам трети» (Устюжский летописный свод. М.- Л., 1950, с. 100).

Здесь историки исправляют легко заметную ошибку: известно, что поход братьев Ушатых был не до проезда послов (посольство «Давыда», т.е. Дэвида Корана, в Москву на самом деле состоялось в 1493 году; в 1496-1497 оно уже возвращалось), а через три года после. Тогда многое

---

⁶ «Море-акьян» – устойчивое выражение, не имевшее отношения к океану.

проясняется⁷. Выходит, что этот путь, который «был в Западной Европе тогда совершенно неизвестен», уже знали на Балтике и сочли приемлемым. Тот же Ю.Г. Алексеев справедливо отметил:

«Известие о путешествии Лазарева и Зайцева – первое летописное упоминание об океанском плавании русских людей».

Как видим, арктический путь где причем тут Соловки?

Легко признать ошибку и пройти мимо, но Гамель [1865, с. 166-167] разумно указал на похожее плавание: вскоре впервые был пройден русским и датским посольствами в 1493 году *с запада на восток*. Посольство Истома лишь возвращалось по уже известному пути. Истома не был первым, но нам еще важнее другое: в Великом Устюге помнили, как 120 лет назад («Летописец» датирован 1614 годом) через их город проследовала необыкновенная процессия. И мы должны проследовать за летописцем со всею внимательностью.

География устюжского автора двояка: с одной стороны, послы ехали домой «мимо шведского королевства», т.е. Балтикой и реками, но, с другой стороны, Мурманский Нос, какой мыс так ни назвать, – находится на арктическом берегу; но тодвое русских послов, Юрий Траханиот (грек, он привез Софию Палеолог в Россию) и Третьяк Далматов,

«не могли возвратиться в Россию обыкновенным путем, и этим объясняется, отчего они в августе 1501 года прибыли к Двине, оплыв Мурманский нос. Может быть, они, для избежания Святого носа, избрали путь через Русскую Лапландию к берегу Кандалакской губы, а потом снова сели на суда, потому что есть свидетельство, что они проехали мимо Соловецкого монастыря. Вместе с ними находился герольд Давид, совершивший в 1496 году плавание около Мурманского носа в противоположном направлении».

Да, речной путь в Кандалакшу был тогда главной связью Кольского селения и всего Мурман с миром. Это в наше время река Кола несудоходна, а тогда она была полноводна и служила основной дорогой на Русь, что описано у А.В. Баданина. Он привел место из летописи, где

---

⁷ Так у прежних авторов [Замысловский, 1884, с. 94; Зимин, 1982, примеч. 331] и у нынешнего [Алексеев, 2009, с. 349-350]. Однако официальный Летописный свод за 1497 год гласит: Ларев и Зайцев отправились в Данию в июне этого года, в ответ на визит в Москву датского посла (имя не названо), и сообщение вплетено в единый текст (Полное собр. рус. летописей, т. 28, М.-Л., 1962, с. 158-159). Смею допустить, что датский король, победив Швецию, воевавшую на два фронта, отправил в Москву новое посольство для обсуждения новых реалий, а Иван III в ответ *снова* послал Ларева и Зайцева. Возможно, что отпущенных в 1496 г. из Москвы послов, плывших в то время среди скал Арктики, считали погибшими.

она названа даже «великой рекой» (т. 3, с. 38). После вырубки лесов для нужд солеварен, река обмелела и стала непригодной. Так что устюжский летописец мог быть правым, если мы допустим, что он шведским берегом называл шведский участок арктического берега.

Арктический путь, как видим, был достаточно обычным, и историк Егор Замысловский [1884, с. 95-96] в свое время объяснил, почему так: Иван III, выйдя к Балтике, в 1492 году основал Ивангород, чья конкуренция вызвала ярость в Колывани. Там русских купцов «варили даже в котлах», да и «ругались над послами русскими». (А.А. Зимин уточнил: сварили одного, обвиненного в подделке монет, а унижали Ларева и Зайцева.) В ответ Иван закрыл в Новгороде Ганзейскую контору и отправил в тюрьму немецких купцов. Конфликт кое-как, через Литву, уладили, но путь через Колывань (ганзейский город) стал ненадежен и даже опасен.

А Дания и Норвегия состояли в унии, и про крепость Вардё, конечно, было известно. Туда, разумеется, время от времени плавали.

И вот весной 1496 года датский посол Дэвид Коран (родом из Шотландии), возвращаясь из Москвы в Копенгаген, и русский посол Григорий Истома, посланный с ним вместе (обычное ответное посольство), находясь в Новгороде, узнали, что путь через Колывань невозможен ввиду войны со Швецией. Другие пути (например, через Кёнигсберг) смотрелись, в виду ссоры с Ганзой, не лучше, и оба посла решились на гораздо более долгий, но менее опасный путь – через Арктику, навстречу уже пройденному ими пути с Ларевым и Зайцевым.

Об этом удивительном путешествии Истома рассказал через 20 лет Сигизмунду Герберштейну, послу императора Священной Римской империи, а тот еще через 32

года поместил краткое изложение рассказа в своей книге о Московии (1549 г.), откуда тот и стал известен.

Герберштейн (1486-1566) в одежде, подаренной Великим князем Московским Василием

Рассказ, пусть и полувековой давности (целиком приведен в **Приложении 3**), как и вся книга, широко и живо

обсуждался в Европе. Он послужил одной из причин организации первого английского плавания 1553 года в Арктику и, тем самым, на север России.

В устье Северной Двины послы наняли 4 лодки с командами, и мореходы увезли их в Норвегию. Судя по спокойному рассказу Истома (ему запомнилась как беда только дорога по русской распутице), путники достигли Норвегии спокойно, а затем спокойно переплыли в Данию.

Российские историки вот уже двести лет дружно заявляют, что те мореходы были из русских поморов, которые «знали дорогу». Но свидетельств о таких русских мореходах нет, и естествен вопрос: откуда они могли знать дорогу? От норвежских купцов? Но рассказать о ней нельзя, ее надо проплыть, и послы могли нанять прямо самих купцов, точнее, оплатить попутный проезд. Это во сто раз дешевле, чем нанимать суда специально – поморам пришлось бы пропустить промысловый сезон, их было около полусотни (даже в предположении самых малых лодок), и содержание их семей следовало оплатить. С данной точки зрения и стоит оценивать замечательный рассказ Истома, указавший Европе мир, бытовавший параллельно тому, что был ей известен.

3. Личность Истома и его плавание

Несколько слов о самом Григории Истоме. Его не следует путать с его современником, толмачом Истомой Малым, на что указывал еще Иосиф Гамель: «Истома встречается в наших актах, равно как и другой толмач того времени, с прозванием “Малой”, что в этом случае не означает ни роста, ни возраста, а показывает подчиненность» [Гамель, 1865, с. 172]. Он мог быть сыном или племянником первого.

Их четко различает Опись архива Посольского приказа 1614 года: наш Истома назван всего один раз как подьячий, вернувшийся в 1499 году из Дании, а Истома Малый назван как посылаемый ко двору «цесаря» (императора Священной Римской империи) – в 1506-1508 годах как толмач и в 1515 году как гонец [Шмидт (ред.), 1960, с. 113, 116]. Он потому и звался Малым, что служил одновременно с Григорием.

Тем не менее, путают их постоянно, хотя известна гравюра, где русским переводчиком послов к Максимилиану выступает молодой человек, тогда как Григорию было тогда за сорок, а иных толмачей русские хроники не называют.

К сожалению, мы ничего не знаем о личной жизни Григория, хотя человек был явно заметный. Герберштейн, много с ним общавшийся, нашел в нем «человека сведущего (*homo industrius*) скромного и нравственного», единственного, с кем он мог в Москве говорить по-латыни. (Сам он умел говорить по-русски, но как иностранец, а оба говорили по-латыни свободно и не опасаясь лишних ушей.) Этим, кстати, он вы-

звал недовольство царского пристава, хотевшего, чтобы толмач Григорий только переводил, но не беседовал. Что, впрочем, не мешало им позже общаться в путешествиях и вместе готовить дипломатические документы. Затем Истома делал это самостоятельно, так что Гамель (с. 167, 170) назвал его «первым нашим дипломатом-латинистом».

Умел Истома выполнять и опасные поручения – например, вербовал в Инсбруке, резиденции императора Максимилиана, пушечных мастеров, что было запрещено (вербовал их через своих слуг, которым давал деньги на посещение недолгих подруг, немецких служанок, а те искали мастеров). И сам император, хорошо его знавший, принимая посла, предложил Истоме, в тот раз переводчику, сесть, но тот «вежливо отказался и переводил стоя» [Гамель, 1865, с. 171].

Всё это полезно знать, читая рассказ Истомы о полярном плавании. Дело в том, что секретность тогда царила, а значит, непонятное следует не замалчивать, а пытаться понять, чем и займемся.

У Герберштейна читаем:

«Он [Истома] говорил, что подвигаясь оттуда (с Белого моря– Ю.Ч.) вдоль извилистого берега ..., они достигли мыса, называемого Святым Носом (Sanctus Nasus). Святой Нос есть огромная скала, выдающаяся в море наподобие носа; под нею видна пещера с несколькими водоворотами, которая каждые шесть часов поглощает морскую воду (таге) и с большим шумом обратно изрыгает назад эту пучину... Миновав Святой Нос, они прибыли к какой-то скалистой горе, которую им надлежало обойти.

Когда они были там задержаны на несколько дней противными ветрами, шкипер сказал: “Скала, которую вы видите, называется Семь (Semes); если мы не умиловим её каким либо даром, то нелегко нам будет миновать её”. Истома, по его словам, упрекнул его за пустое суеверие... Когда они уже ехали с попутным ветром, шкипер сказал: “Вы смеялись над моим предложением..., но если бы я не умиловил её, тайно взлезши на камень ночью, то нам никоим образом нельзя было бы пройти”; ... он сказал, что лил на камень ... масло, смешанное с овсяною мукою.

Потом, пlying таким образом, они встретили другой огромный мыс, Мотку (Motka), подобный полуострову; на его оконечности находился замок Бартус (Barthus), значит сторожевой дом. Ибо норвежский король держит там военный гарнизон, для охранения границ. Истома говорил, что... едва в 8 дней можно обогнуть его; чтобы не замедлять своего пути, они с великим трудом на плечах перетаскивали и свои суда и груз через перешеек, шириною в полмили. Потом они приплыли в страну диклоппов (Dikiloppi), — это и есть дикие лопари, – к месту, называемому Дронт, которое отстоит от Двины к северу на 200 миль; даже и там, по их рассказам, московский князь поль-

зается правом (solere) собирать дань. Оставив там лодки, они совершили остальной путь землёю, в санях» [Гербершейн, 1866, с. 176].

Рассказ, хоть и внутренне противоречив (см. примечания в **Приложении 3**, где показано, что в рассказе смешаны сведения различных рассказов), но весьма примечателен, так как Истома сказал много верного. Например, он, не имея карт, удивительным образом смог верно оценить расстояния: от Новгорода до устья Двины в 1500 верст, а путь до поворота направления морского плавания с северного на южное верно оценил в тысячу верст. Верна также оценка расстояния от Копенгагена до Москвы в 1700 верст (морем до Риги, затем посуху до Москвы).

Но не всему, что об этом путешествии пишут, можно верить. Первое, что настораживает – слова «вдоль извилистого берега»; это едва ли Мурман, и анализ показывает, что описанные Истомой реалии относятся не к Кольскому побережью, как принято писать, а к северу Норвегии.

Где именно плыл Истома

1. Рассказ Истомы весьма интересен лодками. Они были невелики: их носили на плечах, а мы знаем, что даже малые кочи никто на Ямальском волоке не пробовал нести. Там команды четырех и более кочей волокли по жидкой грязи один разгруженный коч, а на сухой земле приходилось подкладывать ему катки под плоское дно. Это описано многократно.

Вернее всего, каждая лодка была крупной килевой шлюпкой, устойчивой к бортовой качке, но к волоку непригодной (к шлюпке для волока набивают по бокам ее киля полозья.). Ее несли одну все четыре команды. Это подано Истомой как дело, едва возможное, но обычное морякам.

Лодки, переносимые на плечах, известны с глубокой древности – есть версия, что еще до Троянской войны аргонавты перенесли на плечах свой Арго через волок из Черноморского бассейна в Балтийский (термины нынешние). И дело не в том, правда ли это, а в том, что сам прием был известен столь давно, в века создания мифов. Носили лодки и викинги, и новгородцы еще до появления поморов на исторической сцене.

2. Волок длиной полмили (2,5 км) действительно есть на перешейке Рыбачьего, на что все и указывают, но он явно не подходит, так как не дает выигрыша во времени, если плыть *мимо Рыбачьего*, как плыл Истома. Наоборот, на перевалке пришлось бы потерять день, а о восьми днях выигрыша и речи быть не может. Истома явно описал иное место.

Подходящий волок, тоже длиной 2,5 км, есть на перешейке полуострова Нордкин, венчаемого мысом Нордкин, это северная точка *материка* Европы; самой же северной точкой Европы считается по традиции мыс Норд-

кап, он на острове. Там действительно можно извести несколько дней на обход с севера, если погода скверная. К тому же легко понять нежелание шкипера идти открытым морем, если мореходы боялись встречи в Арктике со сторожевым норвежским флотом, чего позже боялись многие, как мореходы, так и писавшие о мореходах.

Словом, сразу возникает мысль, что Истома плыл, вернее всего, через Порсангер-фьорд – самый далеко идущий на юг арктический фьорд (см. схему, а также Вклейку в конце книги), и она быстро находит подтверж-

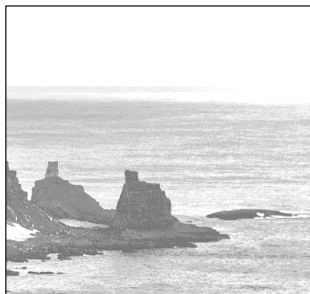
Вероятный путь Истома, а, возможно, и других дипломатов.
Между мысами Нордкап и Нордкин 92 км

дение при взгляде на карту. В южный конец фьорда впадает извилистая река Лаксельва, по льду которой легко было в санях попасть на юг. У ее истока лежала самая западная зона русского влияния, о которой рассказывал Истома. Здесь же путники должны были осенью или ранней зимой узнать, что еще в марте того (1497) года Швеция и Русь заключили перемирие, так что можно ехать в Норвегию легально через Ботнию. Проще было бы подождать перемирия в Новгороде, но кто же знал, когда оно будет. Зато мы знаем, что и раньше не желали послы ехать через опасные ганзейские земли и воды.

3. Принято полагать, что Истомой описано побережье Мурмана, однако попытка положить его описание на карту сразу показывает неверность такого допущения. А стоит понять, что Истома писал о фьордах Норвегии, и сразу удается найти почти все названные им места.

Совсем недавно мне стало известно, что туристам по сей день показывают там «скалу жертвоприношений» [Новикова, 2020, с. 37]. Она именуется *Финнкирка*, ибо там высятся как бы развалины двух церкву-

шек – см. карту и фото. Скала немного в стороне от пути Истома, так что путники, видимо, отклонились на 10-12 км на северо-восток в бурю, что обычно (серийный факт). Около скалы они, как вспоминал Истома, как раз пережидали долгую непогоду.

Скала Финнकिрка

4. Не раз писали, что место приношений божеству было у мыса Святой Нос на Кольском полуострове, и это может быть верным, но не для Истома. Приношения здесь делали, плывя на восток, т.е. прежде, чем проходить опасное место, а Истома плыл там на запад (если плыл морем, но вернее, что он плыл Колой и прочими реками), значит, там жертву принести уже не имело смысла.

И в самом деле, место оказалось, как выше сказано, в Норвегии. И.Х. Гамель и Е.Е. Замысловский, комментаторы внимательные, полагали, что путники пережидали у той скалы непогоду, но вовсе не огибали ее. Оба назвали такое место примерно: Семь Островов, лежащие близ Кольского берега [Гамель, с 14; Замысловский, с. 104]. Там, как мы теперь знаем, есть, в самом деле, узкость, по высокой воде способная при откате прибоя изрыгать поток (см. фото: Ч-20, с. 311). Данный проём вполне мог запомниться Истоме как воду изрыгающая пещера, но вернее, что он или Герберштейн передал чужой рассказ, а сам Истома плыл реками.

5. От бесед о Ледовитом море русские дипломаты дружно уклонились: «... когда я их спрашивал о Замёрзшем или Ледовитом море, отвечали только одно, а именно, что видели в приморских местах множество величайших рек, которые массой своих вод и силой течения гонят море на далёкое пространство от берегов, и которые замерзают вместе с морем на известное пространство» [Герберштейн, 1866, с. 178].

Это не вполне правда: на морском пути от Двины к Коле послы могли видеть (если плыли там) одну довольно крупную реку (Поной), но она течет в воронку Белого моря. Больше были только реки Кола и Тенуй, но они не замерзали. Видно желание напугать чужеземцев, а не рассказать правду. Дипломаты были в этом столь похожи, что приходится думать о единой инструкции, полученной ими от своих правительств.

Видно, что они использовали рассказы мореходов, плававших на восток от Белого моря, где, в самом деле, много рек и плавучих речных льдов. Но зачем было отпугивать Герберштейна, южанина и посла южного монарха, непонятно. Да и Дания не имела в то время никаких арктических интересов – по крайней мере, открытых; и Московская Русь не ос-

воила еще Европейского Севера, а об Арктике вообще не имела представлений. Остается подозревать какие-то скрытые знания и намерения.

6. Возможно, что в 1497 году послов везли русские. Дело в том, что «в 1492 г. в Швеции вышел запрет беломорским коробейникам появляться в Ботнии» [Головнёв, 2015, с. 378]⁸, так что именно русским торговцам было нужно теперь идти в обход шведских владений. За 5 лет они могли освоить, с помощью норвежцев, путь, известный норвежцам и сколько-то приемлемый для беломорских лодок, назначенных плавать с Двины через Кандалакшу в Ботнию. Разумеется, плыли близ берега, дабы вытащить лодку на берег при начале бури. А вот в Арктику в 1493 году везли послов несомненно норвежские мореходы, ходившие там уже лет двести, и как видим, Дэвид Коран плавал там не раз.

7. Когда состоялось плавание Истомы? Коран возвращался в 1496 году домой и взял с собой, как тогда водилось, ответное посольство, уже с Истомой во главе. Решение идти через Арктику было принято отнюдь не заранее, а в Новгороде. Дело было в начале зимы: их путешествие из Новгорода началось «вскоре после Рождества 1496 г.», писал Александр Зимин [1982], не указав, к сожалению, источник. Если так, то плавание протекало не в 1496, а в 1497 году. Подробнее см. **Приложение 4**.

8. Прибыв в Новгород в апреле, послы узнали, что началась война и путь на Балтику закрыт, и отправили в Москву гонцов за дозволением следовать иным путем, за новой парой проезжих грамот и за гораздо большими проезжими деньгами. Ехать предстояло через Заволочье – так в Новгороде издревле называли бассейн Северной Двины, лежащий за волоками. Они, как видим, отправились в путь к устью Двины позже, чем установился санный путь, и торопились. Спешить следовало: купцы, зимовавшие в устье Двины, уже закупили, что им нужно, и ждут лишь начала навигации (оно было тогда в конце мая), чтобы плыть домой.

9. Учтя спешку, следовало выбрать самый скорый путь от Онежского озера в устье Северной Двины. Это через Повенчанку, Волозеро, Выгозеро и Нижний Выг (ныне все они в составе Беломоро-Балтийского канала), затем по льду Онежской губы Белого моря. Он быстрее выводил на север, где распутица позже, но мог оказаться длинней, если придется ехать в объезд губы, где лед уже стал опасным. Видимо, так и поехали.

Были менее опасные пути, например, по льду Онеги через Каргополь, и, в ее низовье – через один из волоков в Двину; но они явно дольше. В

---

⁸ Причиной были «нападения... Русских, которые, полагаясь на мир, под предлогом торговли ... нападали на беззащитных жителей» [Гамель, с. 161].

любом случае путники страдали в феврале от многоснежья, а в апреле-мае от половодья, когда волоки уже развезло, а реки, уже слишком подтаявшие для езды, еще долго не годны для плавания. Но ждать не было времени, приходилось ехать раскисшими проселками, что и запомнилось:

«Истома говорил, что этот путь, который он никогда не перестанет клясть за перенесённые во время его неприятности и труды, тянется триста миль».

Триста миль (1500 верст) это почти весь путь от Новгорода до устья Двины. Видимо, Герберштейн соединил две записи – о длине пути и о его злопамятных местах. Путь по зимней Норвегии в начале зимы такого впечатления не оставил, да Герберштейн и не Норвегию описывал.

10. Видимо, послы всё же опоздали, корабли ушли, и пришлось нанять беломорские купеческие лодки (в них могли возить в Ботнию, через Кандалакшу и Лапландию, пушнину и моржовую кость, но не рыбу и не жир в бочках). Они могли быть русскими или норвежскими. Плавание прошло без происшествий, судя по тому, что вместо оных был рассказан давний бродячий сюжет о приношении дара жестокой скале. Реальных названий немного, и единственный названный в Заполярье населенный пункт (Вардё) не посещен, а из посещенных (их на пути через Лапландию было немало) ни один не назван – всё это говорит о секретности.

11. Путей по льду рек полярной Норвегии можно указать много. Купцам (если послов везли они) нужно было плыть вниз до Торнио; видимо, с ними послы могли расстаться уже где-то около 68-й параллели, там, где был санный путь в Норвегию. Но раз уж война пока кончилась (в ноябре датский король стал королем Швеции), можно было и послам ехать через Торнио, и даже служить защитой русским купцам.

12. Истома оказался первым только в том смысле, что первый рассказал о путешествии, и то через 20 лет. Герберштейн беседовал также и с Кораном, но опустил его роль, за что, видимо, получил чей-то упрек: в поздних изданиях не один Истома упрекает шкипера в суеверии, а «оба посла» [Герберштейн, 2008, том 1, с. 511]. Это более естественно.

Истома, скандинавы и русские

«Яков Разбойник немчин» мог быть тем скандинавским мореходом, кто успешно провёз тогда оба посольства. Разумеется, Яков (вернее, Якоб), был отнюдь не пойманный преступник, (как пишут, не подумав, некоторые) – разбойника и двух сообщников сдали бы властям еще в Холмогорах, где были власть и тюрьма. Очевидно, что он был зачем-то нужен в Москве. Вернее всего, то был шкипер-пират со слугами (без них уважаемый человек не ездил). Можно допустить, что ему предложили русскую

службу, так же, как через 90 лет Строгановы возьмут на службу пиратов речных – Ермака, Ивана Кольцо и прочих.

Якоб прибыл в Москву в 1493 году, за три года до успешного набега русского войска (уже московского, не новгородского), на шведское Заполярье. О набеге названный в п. 2 устюжский летописец рассказал вполне внятно, но слишком кратко. В другой летописи читаем чуть больше:

«Лета 7004 июня, посылал князь великий Иван Васильевич воевод своих князеи Ушатых, Ивана Бородатого да Петра за море Немец воевати Каян, а с ними силы: Устюжане, Пермичи, Двиняне, Важене (с реки Ваги, приток Двины. – Ю. Ч.). И повоеваша землю ту, и взяша три буса со всем (три ладьи со всем, что в них было. – Ю. Ч.) на море, и полону приведоша ... со всеми силами октября» (Вологодско-Перм. летопись. М., 1959, с. 290).

Как видим, во главе не полярники, да и воины взяты намного южнее Белого моря. В списке не хватает советника из Арктики, и Яков мог быть как раз им. Поход закончен в ту же осень и не мог быть дальним, заведомо не в Норвегию, как иногда пишут, а в Кандалакшский залив, где у шведов был форпост⁹. А каяне жили на запад от севера нынешней Карелии.

Обычное мнение, что послы шли морем по следам воинов, основано лишь на упоминании в летописях некоего Мурманского Носа. Он никогда не был историками локализован – называли и Святой Нос, и даже Нордкап. Послы там не плыли, но и набег состоялся не там.

В одно короткое полярное лето невозможно собрать войско и лодки со всей Двины, пройти морем до Средней Норвегии (в полярных фьордах грабить некого и нечего) и вернуться в октябре на Двину. Зато мысов типа «нос» можно на Кольском полуострове указать несколько, и вполне подходит мыс Педунов (Катаранский) – см. его на Вклейке. Тот набег, как и другие, и с запада, и на запад, велся через Кандалакшский залив – восточный форпост шведов. А послы проплыли через Кандалакшу на север, в Колу (неважно, как они тогда назывались), притом годом позже.

Замечу, что набег сборного русского войска сильно напоминает грабительские походы ранней древности, например, описанные у Гомера. Идеология та же, включая убийство всех мужчин и массовый захват женщин. Есть, правда, важная разница: Гомер не скрывал, что его герои увозят пленниц «на печальное рабство», а нынешние авторы говорят о благодетельном для северян улучшении русскими северного генофонда.

Эколог Валерий Лисниченко [2007, с. 15] уверяет: «Рабства на Севере не знали, поэтому можно предположить, что пленные становились со временем членами семей поморских колонистов». Статья его интересна, но, увы, в жизни Поморья рабство процветало. В частности, В.О. Ключевский [1867, с. 5] писал:

---

⁹ Так говорил историк Лапландии XVI века Ф. Циденова (Zidenova – см. Ч-20).

«богатые новгородские люди высылали в Поморье, на занимаемые ими земли, своих рабов или вольных поселенцев ..., это были первые, по крайней мере наиболее значительные по количеству, новгородские колонисты Беломорского края. Боярские рабы ... вместе с корельскими людьми старались выжить с острова поселившихся на нем иноков, говоря им: "Остров по отечеству – наследие наших бояр"».

Впрочем, всем совету прочесть статью Лисниченко, хотя бы потому, что у него мы видим редкую попытку занять независимую позицию.

* * *

Совместная работа Корана и Истома началась весной 1493 года. Посольство Ивана III к датскому королю Хансу успешно договорилось о совместных действиях против Швеции и Польши и собралось домой. Вместе с ним покидал Копенгаген молодой толмач Григорий Истома, какое-то время живший при датском дворе, выучившийся там латыни и, конечно же, датскому. Как обычно, посольство, если оказалось удачным, ехало вместе с ответным посольством, которое возглавил молодой Дэвид Коран, шотландец на датской службе. Обоим, Истома и Корану, была суждена затем долгая, долее двадцати лет, совместная работа дипломатов.

Сюда посольство прибыло из Москвы через Новгород и Колывань, а дальше морем, но теперь этот путь в Москву оказался закрыт из-за очередной войны Руси со Швецией. И они поплыли на Русь через Арктику.

О самом плавании из Дании вокруг Норвегии до Мурмана ничего неизвестно, но далее посольства могли плыть двумя путями. Естественно было плыть вдоль арктического берега прямо в горло Белого моря, что все и полагают. Но если норвежский корабль довез их только до Вардё или до гавани у Немецкого мыса на Рыбачьем (там была в бухте якорная стоянка кораблей, возивших морепродукты в Европу [Кордт, 1902]), то вставал вопрос, как им двигаться дальше.

Проще и надежнее было идти тут, по земле «дикой Лопи», через Колу и волок, в Кандалакшу. (Это избавляло и от четырехсот верст открытого моря, и от Святого Носа – гиблого места, которое тоже предпочитали обносить, так что в основании мыса тоже был волок.) Вернее всего, послов везли теперь этим путем, с отдыхом на Соловках, везли русские поморы, и в любом случае (по Коле или морем) местом назначения был Николо-Корельский монастырь в устье Двины.

Но лодки в рассказе Истома наводят еще на одну мысль: через четыре года его на запад их тоже могли везти русские. Дело в том, что

«Смежной для скандинавов и московитов была Каянская земля от Мурмана до Ботнии. В шведские владения нередко наведывались "русские коробейники" ... как их звали финны. В 1492 г. в Швеции вышел запрет беломорским коробейникам появляться в Ботнии, и нескольких торговцев-нарушителей фогт Приботнии

велел арестовать и казнить. Однако, несмотря на гонения, купцы с востока цепко держались за ботническую торговлю и приезжали большими группами на лодках на ярмарки в ... Торнио», куда «являлись целыми ватагами, неся свои лады на плечах...» ([Головнёв, 2015, с. 378]

(в цитате опущены ссылки). См. также ниже фрагмент «Морской карты».

Если так, то именно русским купцам именно в те годы стало нужно уметь плавать в обход шведских таможен (а значит, и в обход реки Тенуйоки), морем, имея лишь легкие лодки, годные для прохождения волоков. За пять лет они могли освоить путь, сколько-то приемлемый для их лодок, назначенных плавать в Белом море, с Двины через Кандалакшу в Ботнию. Видимо, их-то, не застав кораблей в устье Двины, и наняли оба посла. Тогда понятно, почему они оказались на землях лопарей Норвегии: они приплыли туда северным фьордом. Можно довольно уверенно сказать, что другие Упомянутые Герберштейном русские посольства, назвавшие пунктом назначения норвежские города Тронхейм и Берген, плыли иначе, в кораблях. Хотя в принципе они могли сесть на корабль и в Тромсё, но попасть туда в лодках было затруднительно.

Истома привел несколько скудных реалий, говорящих о подлинности его рассказа: путники миновали русское, шведское и норвежское побережья; посетили зону русского влияния в Лапландии, плыть открытым морем избегали, непогоду и встречный ветер пережидали в безопасном месте, далекий и опасный мыс обходили, несмотря на огромную трудность, волоком.

Морская карта. Олаф Магнус, 1539 г., фрагмент. Русские (в конических шапках), выгрузив припасы, волокут лодку в озеро, чтобы плыть через Лапландию на ярмарку в Торнио (слева вверху). Шведы же вместо волочения строят новую лодку (нижний тешет доску, левый сшивает доски обшивки, верхний ставит планширь)

Как и обо всем, что намеренно сокрыто, нам остается судить по последствиям. Полагаю, что послы, беседуя с разноязычными обитателями Двины и мореходами, узнали самое важное – плавание от Мурмана на восток не даст купцам ничего ценного сверх того, что дает устье Двины, ибо за Обью отнюдь не Китай.

Старик Герберштейн во втором издании своей книги (1557 г.) добавил к рассказу Истома несколько существенных деталей. Особенно нам важно такое: вместо слов «Истома изложил нам вкратце», теперь значилось: «Истома излагал нам не раз» [Герберштейн, 2008, том 1, с. 509]. Становится ясным, что противоречащие места в рассказе Истома следует не пытаться примирить путем толкования названий, а отнести к разным его рассказам и тем самым дать *реконструкцию*.

4. Загадочные карты

Средневековые скандинавы, как викинги, так и их потомки, не чертили карт. Вместо карт они использовали абстрактные схемы, которые скорее можно назвать таблицами, чем картами, а также картоиды, точнее, трехчастные схемы (Азия – Африка – Европа) со словесными пояснениями. Вот одно из таких пояснений для Европы:

«От Бьярмаланда идут земли, не заселенные северными народами, до самого Гренланда» [Мельникова, 1986, с. 79].

Поскольку подлинную Гренландию скандинавы знали хорошо со времен плаваний викингов (сами жили на ее юге), данная запись означает, что они считали ее частью материка Европы, соединенной с нею на Крайнем Севере. Такая конфигурация говорила о невозможности плавания в Азию через Северный океан. Вот почему, думаю, впоследствии скандинавы не проявляли интереса к поискам СВ прохода: в их представлениях продолжала царить старая схема. Точнее см. главу 4.

Любопытно, что на картах XVII-XVIII веков Новая Земля обычно значилась как часть материка Сибири. Тем самым, умозрительная скандинавская система вытеснила столь же абстрактную систему знаний остальной Европы (где Северный океан свободно омывал север Евразии – см. Малую карту Вальдземюллера, 1507 г., вверху след. стр.) после того, как плавание на восток прекратилось в связи с наступлением МЛП.

До этого обе системы пребывали, как бы не зная друг о друге, пребывали веками, что странно, но отчасти объяснимо секретностью сведений, получаемых правительствами от мореплавателей. Нам важно, что один и тот же факт могли трактовать различно: для скандинавских властей открытие Новой Земли было подтверждением связи Гренландии с Европой, а для искателя СВ прохода важнее было указание на то, что она – остров.

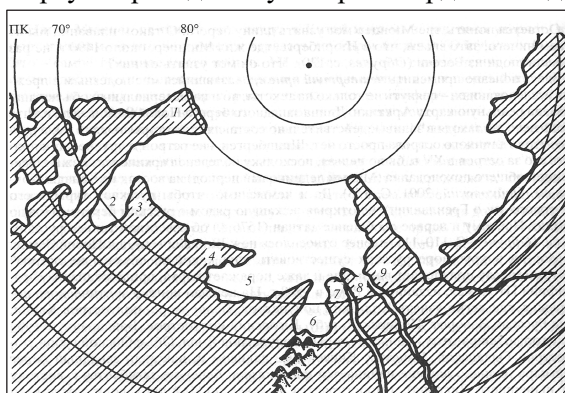

Путали тогда новооткрытые земли не раз.

Когда же «неодолимая преграда» появилась на картах Арктики? На карте, изданной в Риме в 1508 году, через 12 лет после отправления Истома, в одном из многих тогда изданий «Географии» Птолемея, мы видим уходящий далеко на север узкий полуостров. Лежит он на месте Таймыра и тянется далеко на север, в океан, до 80-ой параллели, примерно как Северная Земля. Будем называть его *псевдо-Таймыром*.

Это вовсе не первое изображение Арктики, но здесь удивительно то, что к западу от псевдо-Таймыра изображены впадающие в океан две огромных реки – там, где в, как мы теперь знаем, текут Обь и Енисей. Карту открыл для науки Эрик Норденшельд [Nordenskjöld, 1889].

Контур севера Евразии, по карте 1508 года

ПК – Полярный круг; 1 – 9 см. в тексте

Неужели самый север Азии знали уже 500 лет назад, при Иване III? Тогда, как принято писать, не то что о Таймыре, даже о Сибири ничего не ведали и на западных картах (русских еще не было) обозначали ее как

Scythia Extraimam, что примерно значит «Скифия Зауральская». Правда, реку Обь знали очень давно (ее называет как известную уже новгородская летопись за 1364 год – см. конец главы 1), но полагали ее текущей из какого-то сибирского озера, а вовсе не с гор центра Азии. Енисей же впервые упомянут лишь через 200 лет, в документе 1584 года, при Иване Грозном, о чем речь будет далее. На карте он появился еще позже, около 1600 года (карту И. Массы см. на с. 112).

На карте как бы показан Таймыр, да еще с Северной Землей. Словом, это едва ли не самый загадочный документ в истории освоения Арктики.

Только карта ли это географическая или просто досужая выдумка?

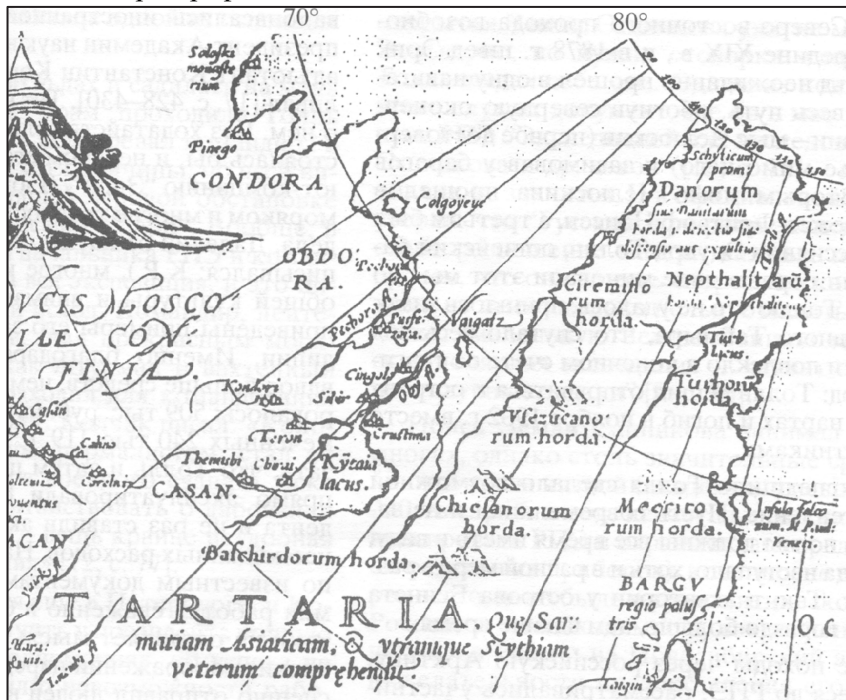
Довольно верное положение Оби и Енисея побуждает рассмотреть карту подробно, и легко заметить на ней цепочку реальных объектов. Удивляет верное изображение северной части Уральского хребта, тоже опережавшее науку на сто лет, – на карте он, как и надо, простёрт на северо-восток и упирается в губу Карского моря. Нанесены параллели, и мы видим, что одна широта указана верно – это правый, Гыданский, берег устья Оби (73° сев. широты).

Конечно, одна широта ничего не говорит, но на карте дан еще и контур арктического побережья, где в западной части легко узнать:

- 1 – Скандинавский полуостров с восточным выступом (Кольским полуостровом),
- 2 – Белое море, 3 – полуостров Канин, 4 – мыс Русский Заворот, 5 – Печорскую губу, 6 – Байдарацкую губу (в которую упираются Уральские горы), 7 – полуостров Ямал, 8 – полуостров Гыданский, 9 – западный берег Таймыра.

То есть, проглядывает фактическая основа. Откуда бы ей взяться? И почему азиатские реалии налицо, а Новой Земли нет?

Это вовсе не случайность: предлагаю взглянуть на фрагмент карты «Тартария» из атласа Абрахама Ортелия (Антверпен, 1570 г.), известнейшего картографа. Она составлена после английских экспедиций

1553 года и более поздних, так что на ней указаны Соловки, острова Колгуев и Вайгач, но тоже почему-то нет Новой Земли, уже хорошо известной англичанам (опять засекретили?), зато есть псевдо-Таймыр. Он лежит тут на том же месте, что на первой карте, но уже с деталями. Посреди него озеро, в него втекает река с юга и вытекает на север, впадая в море, ныне носящее имя Лаптевых. Громаду полуострова венчает «мыс Скифский» (*Scyticum promontorium*). Замечу, что латинское *promontorium* означает не только мыс, но и отрог (горный выступ), что мы и видим на карте Ортелия.

Мыс Скифский поразительно точно, для середины XVI века, соответствует по широте нынешнему мысу Арктическому на Северной Земле – разница всего около четверти градуса. (Долгот тогда не умели в путешествиях мерить вовсе, умели только в обсерваториях.) Неужели Ортелий (или его информатор) подвинул северный край полуострова по сравнению с прежней картой на нужные полтора градуса случайно? Вернее допустить, что на первой карте широта дана грубо, округленно, видимо, измеренная старинным жезлом Якоба (градштоком), притом с палубы, не с суши. А на второй карте явственно виден след прибора, позволившего надежно измерить полградуса широты. Это могла быть большая астроблябия или большой квадрант с отвесом.

Такая точность достигалась только на суше. Кстати, не следует заблуждаться, видя в старинных книгах координаты, измеренные с точностью до минуты, — это не мешало ошибаться на градус и больше.

Более подробное описание данной карты см. в книге Ч-20 на с. 15-17, а здесь важно отметить, что обе карты значительно проясняют события, описанные выше. В те же примерно годы, когда датские и русские дипломаты плавали вокруг Норвегии, некий мореход положил на карту непреодолимую преграду на востоке Арктики, а лет через шестьдесят другой мореход его уточнил, и кое в чем верно.

Отсутствие Новой Земли можно понимать так, что она и есть непреодолимая преграда, но помещена далеко на востоке. Видимо, кто-то туда плывал, северный мыс видел, а смешал сведения уже не он, а картограф – примеров подобного смешения не счесть (*серийный факт*). Самое простое объяснение таково: при потеплении мореход смог доплыть до Ямала, а при похолодании непреодолим был уже путь мимо Новой Земли.

Именно это смешение следует сопоставить с рассказом Герберштейна о восточной стране *Енгронеландт*, недоступной из-за льдов и гор (см. **Приложение 3**). Ее Герберштейн поместил на востоке, тогда как до того времени скандинавские сказания помещали ее к северу от Норвегии, туда, где действительно лежит Свальбард (Шпицберген).

Указание Герберштейном неодолимой преграды за Обью наводит на мысль, что русские рассказали ему про берег на востоке, уходящий в неоглядную даль на север. То мог быть только плоский полуостров Ямал, но его в пересказах путали (как мы увидим далее, в п. 5) с гористой Новой Землей, а в рассказах и на картах соединили их в одну непреодолимую землю.

Ничто из этого в печать не попало – лишь через двадцать лет Герберштейн опубликовал весьма краткое изложение бесед с дипломатами, побывавшими в Арктике, и даже оно стало сенсацией. То, что у норвежцев было уже 250 лет обычной практикой, в Англии изучали самые различные специалисты и планировали туда плыть. Однако для поисков СВ прохода главным, и весьма отрицательным для мореходов, было суждение Герберштейна о неодолимой преграде на востоке.

Данное представление возникло у скандинавов еще в века викингов. Как уже сказано в п. 3, они не чертили карт (ученым языком: их мышление было более вербальным, нежели геометрическим) и пребывали в уверенности, что Гренландия – часть Европы. С появлением в XV веке карт представление исчезло отнюдь не у всех, кто поставлял материал картографам, и мы видим две ветви картографии: одна продолжает традицию викингов, соединяя Гренландию или, позже, Новую Землю, с материком Евразии, а другая видит к северу от Евразии океан.

Скандинавские правительства явственным образом держались первой позиции, а английские и голландские – второй, хотя обе стороны были, надо думать, уверены, что опираются на достоверные факты. Новая Земля, перегородившая океан, могла равным образом служить и тем и другим: для одних она подтверждала связь Гренландии с Европой, а для других важно было утверждение, что она – остров.

Что было до середины XV века с плаваниями на восток, неизвестно, но о временах путешествий Корана и Истома можно уверенно сказать, что плавали наверняка и встречали неодолимую преграду.

Уверенность основана на том, что через сто лет, тоже после сорокалетнего похолодания, великий Баренц не смог в 1596 году пройти в Карское море через Югорский Шар, а Карских Ворот не обнаружил вовсе, сочтя Вайгач и Новую Землю единым островом. Он был он наблюдателен, умен и опытен, да и карты составлял отличные [Жорякин, 2014], так что остается только допустить, что к Карским Воротам не удалось приблизиться. Подробнее см. в любой истории Арктики.

В точно той же ситуации были мореходы конца XV века, и неудивительно, если Корана, Истома и позже Герберштейн сообщили своим правительствам о преграде на востоке. Графически это было вскоре же

5. Карты теряют загадочность

Первые карты с мысом Скифским (1508 и 1570 гг.) полны несообразностей – север Скандинавии дан так, словно там никто не бывал, хотя там крепости уже 200 лет; вполне освоенный Вайгач дан к востоку от едва известной Оби и т.д. А географ и астролог Элизарий Рёслин [Roeslin, 1611], при всем нарочитом примитиве своей схемы (даже Африка от Азии не отделена), удивляет лишними деталями: точно дан верный контур Англии к западу от нужного пути и слишком подробно – пролив *Waygatz* далеко к югу от него. Видимо, Рёслин хотел показать самое новое знание (Вайгач не остров, а пролив¹⁰), чем нам кое-что разъяснил.

Дабы читатель понял, что имеет дело со знатоком, Рёслин поместил не только то, что давно известно (Печора и Обь¹¹), но и вполне новое: узкий залив (пояснено словом *Sinus* – залив), и река, на одной широте с Обью в него впадающая (*Gitissi*). Другая река, без имени, впадает в залив в его середине (напрашивается Тазовская губа, потому вернее будет допустить, что *Gitissi* – это не Таз, как поначалу кажется).

Если вспомнить, что к тому времени уже 120 лет в Баренцевом море шла оживленная деятельность европейцев, что была открыта Новая Земля (видимо, до самого ее севера) и даже плавали дипломаты, – как загадочность карт с мысом Скифским убавляется. Тогда там плавали куда больше, чем ныне пишут (напомню статьи Л.С. Чекина), часто – скрывая найденное, и это для понимания следующей главы надо знать.

Словом, материал для анализа есть, и обычная отговорка ленивых – нет документов, нечего-де и обсуждать – разбивается встречным вопросом: а разве, возвеличивая поморов, мы базируемся на документах? Нет, на итогах. О каких тогдашних плаваниях вообще есть документы?

Нет даже сведений о плаваниях в крепость Вардё раньше Ченслера, хотя туда явно плавали. Веками спорят, что в Арктике открыли викинги, а что – поморы, вместо чего давно пора спросить: что когда стало

---

¹⁰ Пролив с названием *Waygatz* нанес в 1596 г. на карту Баренц, не найдя пролива между Вайгачом и Новой Землей (есть на прежних картах). По В.С. Корякину [2014, с. 64], «нидерландские моряки почему-то оказались не в курсе достижений предшественников». Однако другой голландец, компаньон Баренца, уже в 1595 г. подробно описал Вайгач как остров [Линсхотен, 1915]. Возможно, дело в том, что 1595 г. был необычно теплым (комары мешали спокойно жить), а 1596 г. – необычно холодным. См. график температур на с. 54.

¹¹ Где течет Обь, известно не было: ее показывали сразу за Вайгачом, без Ямала. Как понял В.Ю. Визе (1936 г.), голландцы в 1594 г. спутали Кару, иногда достижимую, и Обь, которой в то время в корабле достичь было уже нельзя.

известно *людям вообще*? Бьярмийцы исчезли бесследно, у них не спросишь, иные коренные народы севера Европы не замечены в океане вовсе; так кто там был, кроме норвежцев и англичан, еще? Голландцы?

Да, был Филипп Винтерконинг, голландский предприниматель и путешественник, первый ненорвежец в Вардё, о ком что-то известно. Он служил у фогта (коменданта) Вардё и вел там собственную торговлю, но был в 1564 году ограблен и убит русскими торговцами. (Его люди хотели искать управы на бездействие властей из Холмогор, искать в Москве, но бежали оттуда, поскольку Иван Грозный начал массовые казни.) Первый известный голландский корабль принадлежал как раз Филиппу и вошел в Колу в 1565 году, притом без захода в Вардё [Велувенкамп, 2006].

И еще Стивен Барроу (Borough) английский моряк, писал в дневнике, что в 1557 году видел в Вардё нескольких *dutchmen*. Слово это могло означать и голландцев, и немцев, поэтому, полагают, не может говорить о наличии в то время голландцев в Вардё [Кордт, 1902, с. XVIII-XIX]. Формально это так¹², но к скандинавам такое суждение, по всей видимости, никогда не применялось, а собственно немцы в Арктике не отмечены, так что приходится говорить именно о голландцах в Вардё.

Винтерконинг попал в норвежские анналы благодаря ссоре с фогтом, причем фогт, согласно Яну Велувенкампу, обвинял его в подрыве норвежской торговой монополии. Крепость охраняла промыслы и торговлю при них, и старалась, чтобы та была чисто норвежской. Понятно, что иностранцы избегали контактов с магистратом и редко имели случай попасть в документы. Напомню еще, что Голландия до 1581 года была колонией Испании, и предприниматели имели основания скрывать дела от враждебной власти. Так что можно повторить уверенно: обычное «нет документов, нечего и говорить» для Арктики XVI века непригодно.

Обычно пишут о тех, кто вернулся, а об остальных не пишут. И зря: многие пропали отнюдь не бесследно, просто их следы не умеют искать, и даже найдя, часто не видят их прямо перед собой.

Могу сказать определенно: плаванья на восток от Мурмана были, и некоторые отражены в дошедших до нас картах. Еще по меньшей мере одно, засекреченное самой жизнью, было успешным, хоть и не вернулось, – то самое плаванье нескольких кораблей, что заселило Русское Устье на Индигирке. О нем и пора рассказать.

---

¹² В XIV-XV вв. слово *dutch* (испорченное *deutsch*) означало германцев в широком смысле (немцев и голландцев; прежде в ходу было слово *Hollanders*). Сузилось оно до голландцев ближе к концу XVI в., когда англичане вошли в контакт с собственно немцами. – *Оксфордские этимологич. словари 1898 и 1966 годов.*

Глава 3. После Колумба: к Русскому Устью

Осознание феномена «секретной пассажирской линии» в Арктике времен Колумба, где регулярно плавали дипломаты, привело меня к уверенности, что должны были свершаться там плаванья не только на запад, но и на восток. Главная здесь сложность в том, что почти все знания об истории Арктики получены из письменных источников, и «пассажирская линия» – не исключение, тогда как касательно предполагаемых плаваний таких источников нет, и ожидать их не приходится. Так что нужен, как сказано в конце Вступления, иной метод.

1. Непонятные вещи

Как уже не раз сказано, о секретных путешествиях прошлого приходится судить не по архивным данным, а по следам совершённых действий. Поможет ли в таких поисках археология? Помочь может, но только тогда, когда сам факт плаванья будет установлен и привлечет внимание общества. Иначе никто данными археологии не заинтересуется.

Так недавно и случилось в селе Русское Устье:

«Шахматную фигурку, изготовленную из моржовой кости, обнаружили русскоустьинцы, прибывшие посетить свою малую родину на старом месте села, в 30 километрах выше по Индигирке. Случайно зачерпнутая горсть земли с берега хранила эту уникальную находку (...) Теперь дело за археологами. По нашему мнению и согласно местным преданиям и легендам, русскому поморскому поселению в устье Елоны не менее 430 лет. Шахматная фигурка старинного образца тоже одно из свидетельств этому» [Тельнов, 2012].

Шахматный конь из Русского Устья

Фигурку датируют как новгородскую XVI века, но археологи в Русское Устье не едут.

Иной раз и копать не нужно – объект сам торчит из земли.

Один из них торчит, тщетно двенадцатый год прося датировки:

«Северная Земля необитаема, и пишут, что ее никогда прежде не посещали, но это неочевидно. На юго-западном ее краю, у мыса Неупокоева, полярник Владимир Чуков обнаружил на отлогом берегу древний столб... Это знак весьма давнего посещения». Но даже благожелательный к старине и ко мне полярник «зовет игнорировать его, так как никто не обследовал столб». Сообщение Чукова «напечатано 10 лет назад, и удивительно, что никто из бывших там ученых до сих пор не проверил его. Ведь оно, и пока только оно, го-

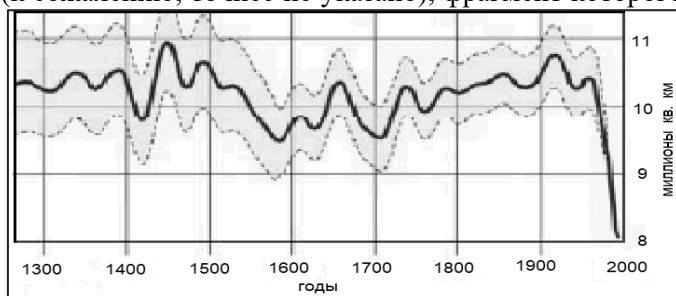
ворит, что русские бывали так далёко». «Если это в самом деле вкопанное дерево, то оно давно требует дендрохронологического анализа, а если нет, надо знать, что это такое» (Ч-19, с. 10).

Ответа нет, и остается работать без чьей-либо помощи, насколько это возможно. Сперва рассмотрим любопытный график температур (см. след. стр.). На нем легко видеть, что весь промежуток 1450-1830 годов приходится на похолодание, нарушаемое только краткими потеплениями около 1510 и 1565 годов, когда летние температуры поднималась в Арктике в среднем до тех, что были обычны в середине XX века.

Похолодание на полградуса заметно только за много лет, а вот изменение солнечной активности сказывается быстро, поскольку влияет на таяние льдов сразу.

«Несколько повышенные площади ледового покрова наблюдались в XIII-XIV веках и сменились резким уменьшением ледовитости», пишут иркутские ученые [Леви и др., 2014, с. 28] и приводят график из «Arctic Sea Ice...» (к сожалению, точнее не указано), фрагмент которого воспроизвожу:

Изменение площади ледового покрова Арктики
(серым обозначены погрешности)

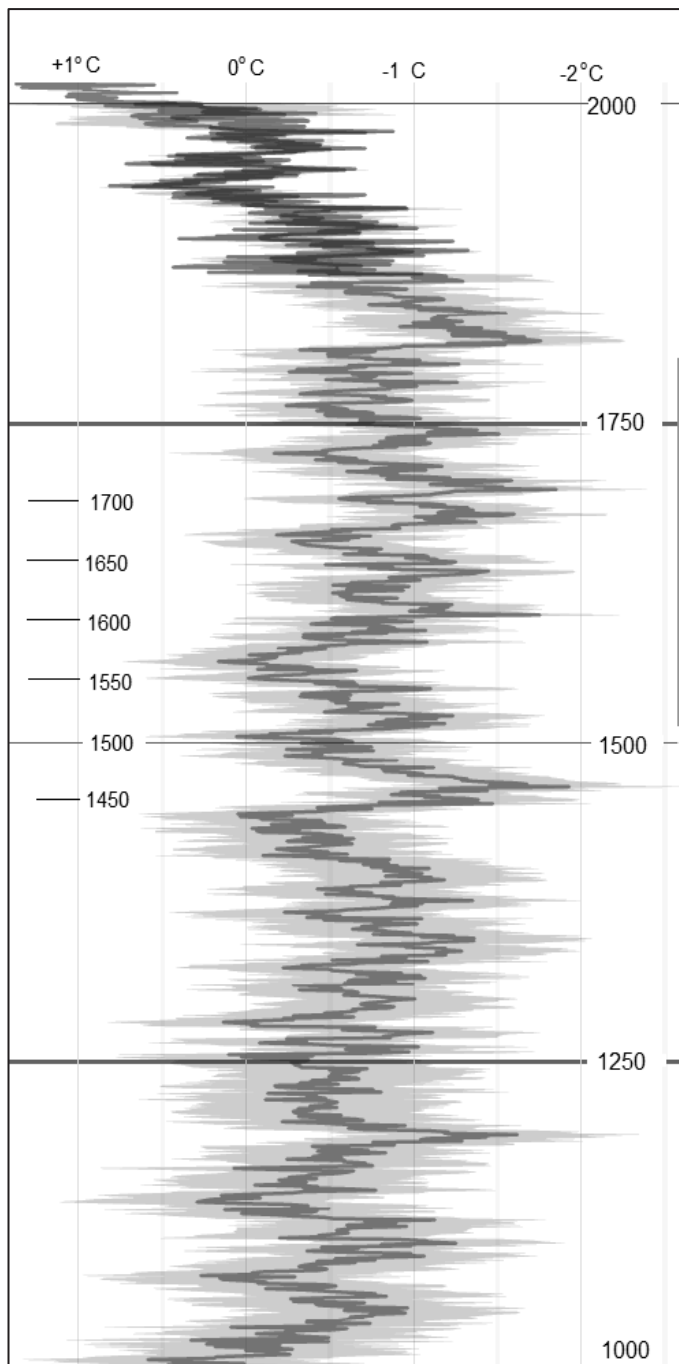
Если так, то в течение 1490-1580 гг. Арктика утратила около 10% ледового покрова, и для плавания 1560-е годы были удачными.

Если верить этому и следующему графикам (помня их грубо предварительный характер, не раскрывающий особенностей конкретных местностей), то видны два обстоятельства:

Во-первых, описанная выше «дипломатическая пассажирская линия» могла быть около 1500 года комфортной лишь в зоне Гольфстрима

И во-вторых, если было в указанный период совершено поразительное плавание в Арктике, никому более не удавшееся ни до, ни после¹³, то его

¹³ В 1912 г. полярный геолог В.А. Русанов хотел пройти на паровой шхуне «Геркулес» из Архангельска во Владивосток через Высокую Арктику, с расчетом на открытую воду и одну зимовку, но шхуна вмерзла в лед, была унесена далеко на север и пропала без вести. Спаслось лишь двое (из группы в 14 человек, ушедшей пешком по льду, так как на всех не хватало провизии) [Альбанов, 2007].

Изменение средних летних температур Арктики за последнюю тысячу лет

За ноль принята средняя температура первой половины XX века [Werner e.a., 2018].

Серым обозначены возможные погрешности.

Как видим, во второй половине XV века было самое сильное похолодание, а около 1500 и 1565 гг.

краткие потепления. Видно и похолодание в 1590-е гг.

Пользуясь этим графиком, надо помнить, что общеарктические данные бывают противоречивы, «так как в Восточной и Западной Арктике ... могут быть разнонаправленными» [Клименко и др., 2012, с. 140].

следует искать около 1560 года. Именно о таком плавании гласит приведенный далее рассказ – самый невообразимый в истории Арктики; но он взят из жизни, его итог налицо, и отрицать его неумно.

2. В бегах от обоих Иван Васильичей

Русским Устьем первоначально именовалась западная протока дельты Индигирки [Строгова, 2017, с. 159], на левом берегу которой ныне стоит поселок с тем же названием. От него до моря 60 км, он новый, 1940-х годов, а на 20 км к югу видны развалины прежнего, подлинного села Русское Устье, главной, на мой взгляд, тайны истории Арктики.

Жители Русского Устья уверяют, что их предками были новгородцы, бежавшие от ужасов правления «Ивана Васильевича», что приплыли они сюда морем из европейского Поморья «на четырнадцати кочах», причем сразу поставили рубленые избы, баню и кабак, где торговали вином и упивались до потери сознания.

Уже это странно: из кочей изб не построишь, строевого леса здесь и до МЛП не было, в плавнике (стволы, пльвшие из зоны тайги) собирать по протокам крупные бревна для многих изб долго, а лето коротко, и прибыли, конечно же, никак не весной. И откуда вино в бочках?

В скудной литературе о появлении Русского Устья принято писать, что его жители бежали сюда от ужасов опричнины Ивана Грозного, но из их легенд этого не видно. Бежали они, безусловно, в его время (поют о взятии Казани, а позже едва ли могли бы доплыть сюда – воцарился МЛП), но как раз зверств опричнины они не помнят, зато помнят, что предки бежали от боязни попасть в царское войско. Так рассказывали *русскоустьинцы* (РУ) сто лет назад, о чем нынешние авторы молчат.

Его набирали как раз после взятия Казани, ибо молодой царь воодушевился победой и хотел воевать впредь, а она досталась потерей значительной части войска. Царские приставы набирали его по всей Руси.

В годы Ивана Грозного давно не было новгородцев как субэтноса (культурного единства) – тот был разгромлен его дедом, Иваном III, множество уцелевших жителей было выселено во внутренние уезды Руси, а завершил разгром архиепископ Геннадий, считавший инквизицию примером для подражания. Однако многие состоятельные граждане бежали в северные новгородские владения, где у них были имения, прежде всего, на Двину и ее притоки. Разумеется, бежали с семьями и дворней.

По-моему, «Иван Васильевич» в памяти РУ – это общее воспоминание о двух царях, как когда-то в русских былинах Владимир Красно Солнышко слился из двух или трех Владимиров.

Поморско-новгородскому исходу РУ много свидетельств, языковых и не только, но как его себе представить? До появления пароходов не было ни одного плавания из Европы даже до Енисея. Смелые и умелые мужики-мореходы, разумеется, без семей и слуг, доплывали до Обской губы морем, однако с 1580-х годов оледенение постепенно сделало это невозможным, так что поморам пришлось освоить Ямальский волок (см. с. 112). Через него они достигали Обской губы с огромными трудами, таща волоком *малые кочи*, а не корабли, какие нужны для дальних плаваний с семьями.

Коч, как большой, так и малый, являл собой большую плоскодонную низкобортную лодку, удобную для промысла (допускал большой крен, неизбежный при подъеме добычи), для мелководий, вóлока и нáволока (вытаскивания на отлогий берег), но был неспособен выдерживать бурю – его захлестывала волна. При усилении волны его требовалось быстро вытащить на берег, поэтому коч плавал только близ берега (мимо скал плавал лишь в ясную погоду), требовал слаженных действий команды силачей, отчего избегал слабосильных пассажиров. К тому же был тихоходен (тогда как килевая лодка, как и корабль, «режет волну»), плохо держал курс и, не имея косых парусов, не мог лавировать.

Историки завораживают слова «коч был палубным судном», их нужно разъяснить: у коча палубой (от слова *луб*) именовалась цилиндрическая крыша над частью лодки – защита от намокания грузов и место попеременного отдыха, когда попутный ветер побуждал непрерывно плыть по несколько суток. Сплошной настил мешал бы гребле. (Двускатную крышу называли *чердак*.) Почти круглая в плане (для остойчивости) *ло́дья* была еще тихоходней коча, зато в лодьях плавали на Грумант (Шпицберген).

* * *

Об особенных свойствах РУ можно уверенно сказать следующее:

1) В XVII веке их застали как укорененных старожилов, и никакого реального объяснения способа их прибытия никто так и не предложил. То, что предлагалось в качестве объяснений, настолько вяло по мысли и далеко от фактов, что оказать милость их авторам могут лишь в одном – не называть ни их имен, ни их высказываний.

2) Русский тип многих лиц говорил о том, что РУ прибыли с женщинами и местных жён почти не брали столетиями. Это, а также

3) мало искаженный старомодный русский язык, говорит о прибытии большой группы, более сотни человек, способной противостоять местным языковым и генетическим влияниям.

4) В отличие от других народов и от русских первопроходцев, они ни с кем не воевали (кроме ранних одиночных стычек с чукчами, но те давным-давно ушли с Индигирки).

5) Они не только не потеряли своего облика, но, наоборот, подчинили местные племена своему влиянию.

Почему они не поселились намного западнее? Что привело их именно на Индигирку, минуя множество удобных рек? Последнее и должно служить ключом к разгадке тайны.

Спасались от зверств Грозного многие, но оседали в Западной Сибири, причем даже не на Енисее – зачем, когда места и ближе полно? А тут на Индигирку, да еще явно с семьями.

Тем не менее, Русское Устье существует, говорили в нем русские на поморском русском, так что первый их исследователь, астроном Е.Ф. Скворцов (он определял координаты для геодезистов), поражался:

«Самое поразительное в жизни этих далеких русских – это отличная сохранность русского языка»; «въехав в Якутскую область, слышишь всегда лишь якутский язык». «На Индигирке же все русские говорят по-русски, большинство совсем не знает якутского языка, и самое удивительное это то, что окружающие инородцы не только понимают, но и сами говорят по-русски. Есть, конечно, некоторые особенности индигирского языка: отличается выговор, имеются некоторые слова, коих нет в нашем языке (“кабыть”, что значит ладно, хорошо; “мольч” – превосходно, отлично)».

«Что касается происхождения индигирских русских, то в этом отношении от них трудно было что-либо разузнать. По-видимому, время прихода их сюда относится к глубокой старине. Среди них есть рассказы, ...что они являются пришельцами из-за моря (архангельцы). Некоторые же фамилии поражают своим сходством с древними боярскими фамилиями» (следует перечень коренных фамилий).

«Возможно, что индигирские русские являются потомками ссыльных на север бояр, очень давно перебравшихся в кочах по Ледовитому океану на далекую Индигирку. Узнать там по этому поводу что-нибудь более определенное не удалось» [Скворцов, 1930, с. 72].

Евгений Федорович Скворцов (1882-1952)

Далее Скворцов подробно описал их одежду, а также способ существования, мало отличный от юкагирского. Однако читаем у него и такое:

«Местною особенностью русских является также отсутствие обычая платить калым за невесту. Этот якутский обычай распространен в Якутской области не только среди якутов и инородцев, но и среди русских, населяющих более

южные области»; «индигирские русские более смелы ... воды, по крайней мере, они не боятся» (с. 77), поскольку умеют плавать, в отличие от остальных, видящих в плавании колдовство.

Он оставил нам первую фотографию Русского Устья:

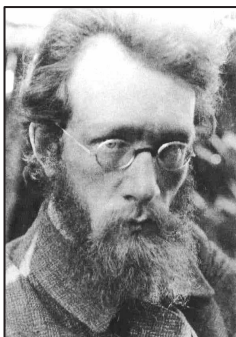

Село Русское Устье. Справа Знаменская церковь (не сохранилась), над ее притвором вместо колокольни висит колокол на перекладине

Об этой маленькой церкви он записал: «В Русском Устье есть деревянная часовня, издали весьма напоминающая могилу», что совсем неверно, – см. **Приложение 5**.

На основе своих наблюдений Скворцов составил докладную записку в Министерство торговли и промышленности о нуждах Русского Устья.

К сожалению, он как полярник незаслуженно забыт – возможно, потому, что смог напечатать свое краткое исследование только через двадцать лет, т.е. после более обстоятельной книги Владимира Зензинова.

Прибывший в Русское Устье через два с половиной года после Скворцова, притом в качестве ссыльного, Зензинов провел там девять месяцев и был более успешен в выяснении истории и прочего, а первую книгу свою напечатал быстро.

Владимир Михайлович Зензинов (1880-1953)

Он тоже был изумлен:

«я вдруг снова очутился в России. Светлые рубленые избы, вымытый деревянный пол, выскобленные столы – и чистая русская речь. Лица открытые, простые, великорусские черты – нет и намека на Азию. Это, конечно, Россия, но Россия XVIII-го, быть может даже XVII-го века. Станные, древние обороты речи и слова, совершенно патриархальные, почти идиллические отношения» [Зензинов, 1920, с. 68].

Пожив там и помогая местным, прежде всего, больным, он умерил свой восторг от этой «почти идиллии». А «намеки на Азию» запечатлел

на снимке, где малыши – явные полукровки. Странно, что он не отметил того, что видели остальные, например:

Жители Русского Устья Иван Чикачев с семьей и близкими около урасы (летнего жилища) *фото В.М. Зензинова* (Нац. библиотека Саха – Якутии). Вторая справа, типичная югагирка, явно не их родственница, но, возможно, бабушка мальчика слева и малыша на руках отца

«Уже к середине XVIII века сформировалось смешанное потомство, особая общность, в жизни которой равнозначными доминантами стали русский язык, православие, русский фольклор и свойственные аборигенам (...) почитание духов-хозяев окружающей природной среды, унаследованные от предков материнского рода жизненные каноны и мифологические представления. Так сложился оригинальный русскоустинский анклав среди арктических народов, они называли себя «местные русские», «досельные», отличая себя от приезжих «тамосных» русских. Исследователи Русского Устья отмечали в антропологическом портрете русскоустинцев некоторые монголоидные черты...» [Никитина (ред.), 2019, с. 18.]

А приезжавшие позже не видели там ни светлых изб (их сменили якутские юрты), ни чисто русских лиц, да и язык начал утрачивать своеобразие. Однако чудо осталось чудом, и нам его следует осознать.

Как они туда попали? Зензинов [1914, с. 11] с их слов уверенно писал: «Спасаясь от тягостей ратной службы [1], жители разных городов еще при Иване Грозном [2] на ботах и кочах вышли из России морем и двинулись на восток, где и осели в устье реки Индигирки среди инородцев».

Не царские, значит, зверства, не опричнина (как пишут ныне авторы, не глянувши в труды Зензинова) запомнились им, а нежелание предков губить и гибнуть в войнах. Вот два примечания самого Зензинова:

«1. Интересно, что о предках коренной усть-янской фамилии Санниковых тоже рассказывают в с. Казачьем (Усть-Янск)¹⁴, что они в старину бежали из России от ратной службы. Быть может, осевшие на р. Яне были лишь частью беглецов, двинувшихся с родины на неизвестный восток?

2. Быть может, правильнее было бы отнести это переселение к временам Алексея Михайловича. ... Но местное предание говорит не об Алексее Михайловиче, а о Грозном — быть может, потому лишь, что облик Грозного царя сильнее поразил народное воображение».

Не ужас опричнины, а ужас взятия Казани и опасность попасть самим в будущее войско, в новые ужасы – вот реальный толчок к бегству в собственных воспоминаниях РУ. К этим двум примечаниям Зензинова стоит добавить его же третье. А именно, РУ

«живут преимущественно в русских рубленых избах и только с большой неохотой (когда не хватает строительного материала или рабочих рук) ставят себе якутские земляные юрты; наоборот, рубленых изб у якутов мне не приходилось видеть вовсе» (с. 14).

Так было. А через 57 лет блестящая журналистка Татьяна Браткова нашла там лишь две избы, обе казенные, тогда как жители селились в юртах. (Юрта – не вполне земляное строение, снимок см.: Ч-15, с. 378.)

Нечто похожее тогда же огорчило и меня, но на юге Сибири, на Олёкме. Там выяснилось, что, живя зимой в избах, эвенки летом в тайге жили в брезентовых палатках. Хотя чум удобнее и здоровее палатки, но трудоёмок. К сожалению, простота всюду вытесняет старину.

И еще: знают все РУ, что предки Чикачевых ходили проводниками и помощниками с экспедициями – когда-то с Дмитрием Лаптевым, а через 150 лет с бароном Толлем и лейтенантом Колчаком. Хоть Яна-река и далёко, но недаром говорят на востоке Сибири: пятьсот вёрст – не даль.

О проблеме русскоустыинцев

Сто-двести лет назад, как и сейчас, в науке царила схема речного заселения Сибири. В целом она верна, но в данном случае не работает – такое заселение проводилось одними мужчинами, что всюду вело к утере типа, а заселение семьями неизвестно, да и заняло бы оно много лет, тоже с утерей самобытности. Зензинов это верно понял и решил, будто

---

¹⁴ О Якове Санникове и его внуке см. Ч-15 (Повесть). Казачье и Усть-Янск – разные селения. Управа Усть-Янского наслега помещалась в селе Казачье.

они «на ботах и кочах вышли из России морем», притом с семьями. Что ботов тогда в России не было, а в кочах, даже без жён, вагаге лихих поморов уже не получалось тогда даже обогнуть Ямал (пришлось найти волок, крайне неудобный и отнюдь не на далекий Восток ведущий), Зензинов не знал. Как же было на самом деле?

В казенной науке нет ни слова том, почему РУ ото всех (и, разумеется, от метисов-анадырцев) резко отличны и как они отличия смогли сохранить. Равнодушным авторам это неинтересно, но вот совсем иные слова:

«Зензинов писал с отчаянием: “Единственная и малоутешительная перспектива — превратиться в дикого зверя”. Но люди не одичали, сохранив не только свой язык, одежду, обычаи, но даже мягкость, ласковость в обращении, избегали брани и сквернословия» [Фольклор, 1986, с. 14].

Идеализацию можно опустить, но вопрос остается: как так вышло?

Недавно вышел сборник [Никитина, 2019], в основном посвященный Русскому Устью, и мы с удивлением видим в нем, как чуть ли не все авторы глухо признают приход туда поселенцев в XVI веке, а значит, океаном (факт, который казенная наука отрицает, и никто в сборнике с нею не спорит). Дважды тут упомянуты даже «XV – XVI века», видимо, это намек на возможность исхода еще ранее, от погромов Ивана III. Неужели?

* * *

Много лет о проблеме РУ мне думать не хотелось, она казалась безнадежной, стоя одиноко, так что обычный принцип «неясности проясняют друг друга» (см. **Приложение 1**) не работал. Никто не упоминал наличия РУ до середины XVIII века (до Дмитрия Лаптева), а в его время ни морем, ни сушей большая группа с семьями прибыть незаметно не могла. Да и пришли РУ намного раньше: Лаптев застал их селеньица по всей дельте Индигирки, притом уже освоившими сибирское собаководство. Так когда?

После Ивана Грозного далекие плаванья вскоре прекратились, а раньше него никак не выходило – потомки тех странников пели о взятии Казани, притом как о недавнем и злободневном. Вот:

«– Эту песню-то я ишло в девках слыхала. Стара песня. Шибко стара. Досельная¹⁵. Уговариват молодец девку с им поехать – и расхваливат городок свой, и расхваливат. Городок-де тот на красе стоит, на реченьке, что медом протекла. А девка ему и отвечает¹⁶...

---

¹⁵ Здесь: привезенная первопоселенцами, досельниками. – Ю. Ч.

¹⁶ Редукция окончаний – черта пинежско-мезенского говора. – Ю. Ч.

Тетка Огра (Аграфена – Ю. Ч.) смотрит куда-то вдаль долгим неподвижным взглядом и медленно запевает. Голос ее, усталый, словно изношенный и тоже выцветший, не взывает ввысь, а стелется низко:

Врешь ты, врешь, мальчишечка,
Меня оманывашь.
Казань-городочек на костях стоит,
Казанска реченька кровью протекла,
Мелки ручечечки горючими слезьми,
А по бережку – не камешки, буйны головушки,
Все солдацкие да молодецкие...

И у меня мурашки бегут по спине от звуков и от слов этой песни...» [Браткова, 1998].

И впрямь жутко: Казань и реку Казанку завалили трупами как бы вчера. Правда, слово «солдатские» выпирает нелепо, но в некоторых вариантах исполнения его нет, видимо, привнесено оно позже.

Историки проблему РУ обходят, лишь называя без пояснений два варианта – по морю либо по суше. Однако в XVI веке население было редким чуть ли не всюду, и в обоих случаях странники должны были осесть на первой же реке, где были в достатке пища и брёвна, а местные жители – достаточно мирные.

На первой же реке? Но если таковой оказалась Индигирка, это сразу указывает возможный путь прибытия, и он, по всей видимости, единственно возможный: мимо Новосибирских островов, плывя к северу от островов Котельный и Новая Сибирь.

До знакомства с плаванием Григория Истома такая мысль в голову не приходила. А оно показало, сколь далеки мы от знания истории освоения Арктики (вспомним хотя бы бревно 1585 года рубки на Хатанге, [Мыглан, Ваганов, 2005]), и искомое событие начало себя обозначать.

Чекин [2004] показал, что еще до 1500 года публицисты знали массу данных о Европейской Арктике, видимо, официально засекреченных. А руководства по истории Арктики построены только на «научных» данных (ученый трактат, архив), избегающих всего остального, и потому считается, что никто до Баренца не огибал Новую Землю с севера.

Восемь новгородских фамилий, какие по сей день носят РУ¹⁷, могут рассказать, где их носители жили в 1550-х годах, ко времени падения

---

¹⁷ Их выявил Зензинов. Есть иные фамилии, даже астраханская. Зензинов полагал первопоселенцами всех, но на самом деле вселение более южных бывало и позже (например, по упразднении г. Зашиверска в 1804 г.; оно известно по документам).

Казани. О новгородских фамилиях, бытовавших в Поморье, в архивах можно узнать многое, хоть это и утомительно очень. Полагаю, будущие РУ были из числа новгородцев, живших после разгрома Новгорода Иваном III (задолго до Ивана Грозного) по Двине и ее притокам¹⁸.

В 1552 году пала Казань, царские приставы стали всюду искать ратников взамен погибших и покалеченных, и как раз на другой год по Двине проследовало в Москву английское посольство Ченслера. Посольств тут не видали уже полвека, конечно же, пошли разговоры о морской дороге в незнакомый мир, и богатые жители увидели надежду по ней бежать. Через Никольский торг нетрудно было узнать, что в крепости Вардехус и у мыса Немецкого бывает много дальних кораблей.

Богатые новгородцы, надо думать, связались с мореходами (общаясь на обычном во все века портово-торговом жаргоне, известном, думаю, и поморам) и наняли несколько кораблей¹⁹. Их хозяева, тем самым, получали возможность совершить такую же экспедицию в Китай, какую пытался Ченслер и каковая обычному судовладельцу не по силам. Разумеется, искать договоры в архивах нет смысла – их не могло быть, так как датские и норвежские власти явственно избегали СВ тематики. Единственное, что могло быть оформлено письменно, – закупка огромных количеств снаряжения и припасов в западных портах за один сезон.

Чьи мореходы? Рассмотрим различные варианты.

1) Англичане, судя по неопытности экспедиции Уиллоби – Ченслера, плавать в Высокой Арктике еще не могли.

2) Голландцы появились тут как искатели много позже, через 30 лет, но их торговые суда известны тут с 1565 года [Велувенкамп, 2006].

---

¹⁸ О конкретном притоке говорит, к примеру, русскоустыинское слово *сэндуха* (тундра). «Загадочное слово», писал о нем сибирский лингвист Александр Аникин [1997] в своем Словаре. Но вскоре нашел его в пинежском говоре, где оно значит «пустое (расчищенное) место для ночлега под открытым небом» [Аникин, 2000]. Пинега – правый приток Сев. Двины, место убежища многих новгородцев. *Сендуха* и иные поморские слова есть в обиходе другого необычного села – это Походск в низовье Колымы, однако население там – метисы.

¹⁹ Бежать таким путем собирался сам Иван Грозный, но на запад. С 1569 года он вел переговоры с королевой Елизаветой, причем, по свидетельству Джерома Горсея, «построил множество судов, барж и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию». Кстати, поручение об этих переговорах он дал русскому послу устно [Смута в Московском..., с. 146, 151]. Двинским новгородцам было куда проще.

3) Русские не имели тогда кораблей для дальних плаваний. Лодья, в отличие от коча, могла плавать на Грумант, но она была, как и он, открытой лодкой, лишь частично укрытой крышей (см. с. 43) и высокобортной. Фантазию историка Арктики М.И. Белова о коче как настоящем корабле знатоки отвергают, что не мешает ей кочевать по литературе.

4) Норвежцы (вряд ли кто иной) видимо плавали уже до севера Новой Земли (п. 1 главы 2) и даже к Северной Земле (п. 4 главы 2). Их власти не проявляли интереса к Востоку, но идея СВ прохода, конечно, уже гуляла среди моряков после появления в их поле зрения корабля Ченслера и не могла не заинтересовать искателей приключений и богатств.

Их корабли были там в большом количестве (военные, промысловые, торговые), они уже могли знать, что дальше Новой Земли лежит море (Карское), а СВ интерес некоторых судовладельцев и шкиперов мог быть намного выше, чем у властей Норвегии и коменданта Вардё.

Судя по тому, что заказчики успешно оказались на Индигирке (а не к западу от нее), путь их был мимо севера Новой Земли и мыса Скифского к северным берегам островов Котельный и Новая Сибирь, затем (едва ли с зимовкой) к устью Индигирки.

Неправдоподобно? Да, но странники там оказались *на самом деле*, и это надо объяснить, а не уклоняться, ведь сведений предостаточно.

3. Как, когда на чем плыли и где поселились

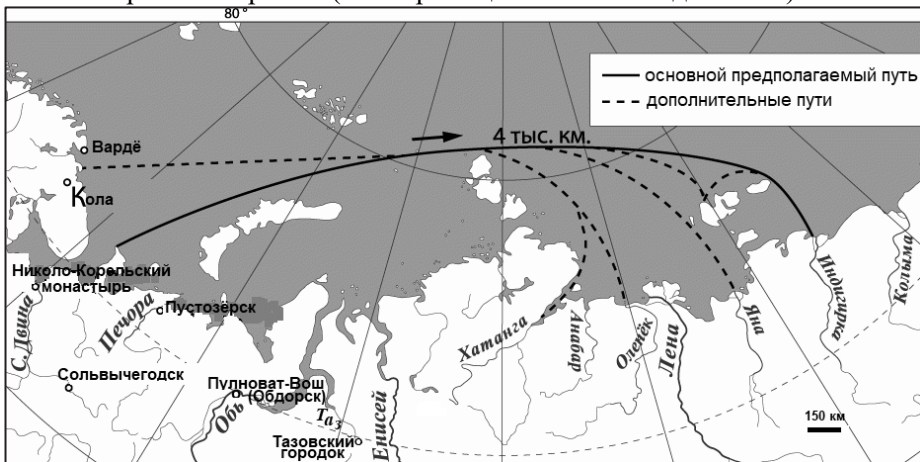
Если плыть вдоль берегов, как плавал коч, то от устья Двины до устья Индигирки выйдет около 13 тыс. км. Никто не проходил в кочах и половины такого пути, если не считать казенных фантазий (о них см., например, Ч-15 или Ч-20, Очерк 5). Зато, если плыть напрямую, через Высокую Арктику, мимо северных мысов главных островов, то от Канина Носа до устья Индигирки окажется менее четырех тыс. км – Колумб за 33 дня проплыл больше, когда пассат был свеж и дул косо в корму. Так что беглецам нужны были не кочи, а корабли, и вода безо льдов. Вторая возможность, как мы видели выше, в 1560-х годах была, осталось понять с кораблями и ветрами.

Как дул ветер в Высокой Арктике 460 лет назад, неизвестно, а в XX веке летом к западу от Северной Земли преобладали западные ветры. Если ветер был таков, то он внушал оптимизм при отплытии и обеспечивал быстрое, за две-три недели, достижение мыса Скифского.

Дальше, видимо, было хуже: западный ветер обратился в долгий штормовой – судя по тому, что путники в основной массе не ушли пря-

мо на юг, а оказались намного восточнее, у Новосибирских островов. Но кто-то мог погибнуть или отстать, потеряться, а затем свернуть на юг.

Здесь нужно отметить целенаправленное движение к мысу Скифскому. Видимо, шкиперам он был известен, как и то, что обитаемого берега на юге Карского моря нет (его норвежцы могли знать до Ямала).

Словом, единственная возможность, какая на сегодня видна, – это прибытие РУ на Индирирку в западных кораблях, видимо, искавших СВ проход. Как это могло стать возможным, узнаем далее.

Но это с позиции «инога не просматривается». Для аккуратного обоснования утверждения, что РУ действительно прибыли в XVI веке через Высокую Арктику в кораблях, нужны детальные (для данных мест) исследования – как о климате, так и археологические. А именно, желательно добыть в Русском Устье что-то с морских кораблей.

История знает подобные плавания у викингов: лет за шестьсот до РУ они уплыли из Норвегии на запад, в неизведанные просторы Северной Атлантики и открыли Исландию, затем юг Гренландии и еще позже Винланд в Америке. Но у них были не кочи, а морские торговые корабли (кнорры), зимой служившие домами, и плавали они сперва без женщин, поскольку плавали туда – обратно. А главное, они плавали в века средневекового потепления, и по наступлении МЛП плавания прекратились.

Около 1560 года климат был уже не столь мягким, но намного мягче, чем в последующие века, века освоения Арктики. Насколько – предстоит выяснить в будущем, притом для каждой части пути отдельно.

Зимовка большого числа людей при отсутствии опыта едва ли была возможна, но если была, то где-то на островах Анжу. На главном из них,

Котельном, следов прежних стоянок много, в том числе на северном его берегу. Но там никто, насколько знаю, не копал. Особо странно то, что, как уже сказано, никто не копал в Русском Устье, где можно ожидать предметов с западных кораблей, что и решит проблему.

А пока замечу, что Колумбу не только повезло с конкретной погодой на пути туда (на пути обратно он чуть не погиб в бурю), но он еще и собрал всё, что было до него известно о Средней Атлантике, о ее течениях, ветрах и предметах, приносимых волнами. Он поразительно точно выбрал путь туда (пассат) и другой путь обратно (Гольфстрим).

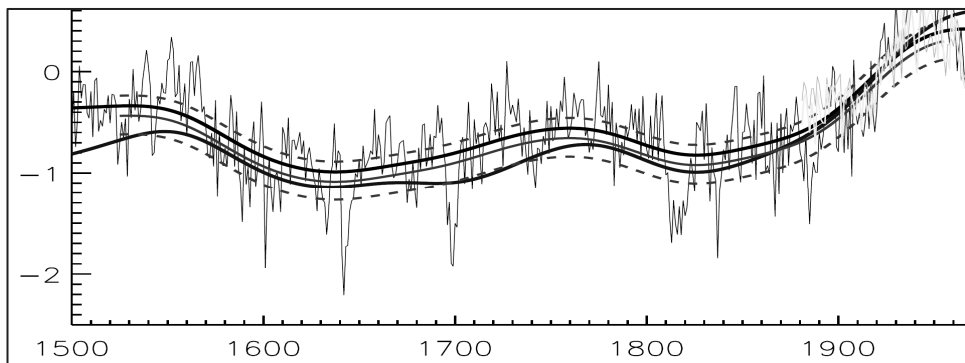
Было ли что-то похожее для новгородцев, плывших в Высокую Арктику? Было, если их шкиперы знали о плаваниях к мысу Скифскому.

Баренц видел чистую воду зимой у мыса Желания трижды, притом в 1597 году, на 25-30 лет позже обсуждаемых плаваний, видел тогда, когда МЛП уже всю наступал. Этого наши безвестные герои знать не могли, однако их шкиперы могли знать многое другое – вспомним, что Новая Земля и ее длина были к 1560 году известны уже лет семьдесят.

* * *

Рассказав необходимые факты о РУ, уместно спросить, когда они могли отплыть. Общая (сглаженная) кривая среднегодовых температур показывает после 1550 года полтора столетия падения, будучи всё время ниже нуля, а значит, льды наступали к югу. Поначалу их граница должна была находиться намного севернее, нежели в XX веке и в первые годы похолодания это не могло существенно затруднять проход по сравнению со значениями предшествовавшего потепления, а те годы были при-

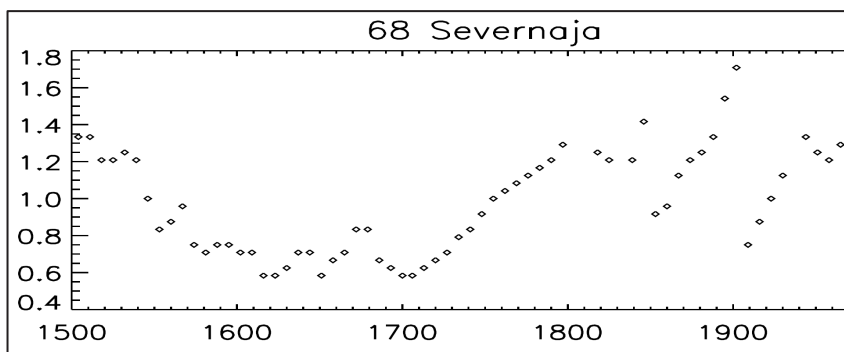
Среднегодовая температура северного полушария после 1500 года (°C)
Плавные кривые – различные способы выравнивания. Ломаная линия показывает, что в 1560-х было потепление [Christiansen, Ljungqvist, 2012, Fig. 8]

годны для плавания. Ломаная (невыровненная) линия указывает, пусть и ориентировочно, на короткое потепление в 1560-х годах.

Самое главное было – обойти север Северной Земли, и мы видим на втором графике (см. след. стр.), что температуры там в 1560-х годах были средние. Полагаю, что пройти в эти годы мыс Скифский было сравнительно легко, но только *до прихода опричнины* в Поморье. В 1570-х продолжалось похолодание, и если бы, как принято писать, они бежали от зверств опричнины, они вряд ли добрались бы куда-нибудь.

Средние летние температуры на севере Северной Земли (°C). Данные за десятилетия. Видно, что в 1560-х условия сравнительно благоприятны, далее резкое похолодание [Christiansen, Ljungqvist, 2012, Table 1]

Затем теплого периода там не было 140 лет, а льды с севера всё время надвигались – поскольку намерзание превышало таяние. Так что Зензинов напрасно писал о возможности переселения при царе Алексее Михайловиче. К тому же, об этом и свидетельств нет.

Судя по отсутствию воспоминаний о путевых бедах, плавание обошлось без таковых (повезло с западными ветрами). Расставание новгородцев с кораблями тоже прошло мирно. Мореходы оставили им бочки с вином (видимо, купленные на Западе на новгородские деньги), и те, лишившись строгой нордической опеки, тут же открыли кабак. В 1950 году древняя старуха в поселке Полярном вспоминала [Фольклор, с. 366]:

«Приплыли они на кочах по Гольжепской протоке и остановились на устье Елони... и построили они 14 домов, баню и кабак... Первое время очень пили и гуляли. Несколько человек утонуло. Оттого это место на устье Елони до сих пор зовется „Гулянкой“. Была оспа. Многие в устье Елони умерли. После с „Гулянки“ люди переселились на то место, где теперь Русское Устье». (Отточия публикатора; очевидна словозамена: должно быть «Голожопская».)

Оспа, к несчастью, была реальностью, но привнесена в рассказ она намного позже. В рассказах РУ есть еще легенда о 14 кочах и построенных из них избах и кабаке. Реальная история явственно переосмыслена: очевидно, что знакомое слово «кочи» введено взамен никогда не виданных кораблей. На коч много припасов не возьмешь, не говоря уж о бочках вина. Для изб нужны бревна, каких в кочах нет, но они есть в морских кораблях. Примерно половина кораблей была после высадки поселенцев не нужна морякам, и самые поврежденные естественно было оставить поселенцам. Вероятно, РУ взяли из кораблей бревна мачт, брусья корпусов и доски палуб. Нехватку дополнил плавник.

14 кочей и 14 изб перекликаются, но в команде коча обычно 20-25 человек – так много в избе не живет. Будет вернее принять 14 изб, по 7-8 взрослых в избе (в первую зимовку). Для этого достаточно 4 корабля.

* * *

Принято считать, что первым судном, вошедшим в Индигирку, был коч рядового казака Ивана Реброва (1638 г.) [Орлова, 1951, с. 153-155], того, кто за 5 лет до этого открыл, как принято писать, устье реки Оленёк. Ребров уверял, что не нашел на Индигирке русских людей:

«А промеж меня на тех тяжелых службах на Янге-реке и на Собачьей²⁰ не бывал никто, проведаль я те дальние службы».

Настойчивость самого заявления вызывает сомнение в правдивости автора (он как бы с кем-то спорит), к тому же он в отписке о прежнем плавании тоже не поведал правды – что Усть-Оленёк до него имел поселенцев. Там ведь было уже зимовье со странным голландцем²¹.

Да и сам Ребров прежде сообщал про Индигирку иное: перед уходом на восток он просил в челобитной разрешить ему

«итить по морю на новую сторонную на Индигирскую реку, а Собачья тож, для прииску новых землиц и для приводу под твою, государеву, царскую высокую руку новых неясачных иноземцов».

Как видим, Индигирка уже имела русское название, а потому ясно, что Ребров не был первым. Но столь же ясно, что ему ни к чему было сообщать, будто он нашел там русских. А затем много лет все походы туда свершались, ввиду похолодания, посуху, обычно зимой, на среднее течение Индигирки, и РУ долго оставались неизвестными.

---

²⁰ Так именовали Индигирку русские (из-за лучших ездовых собак; писатель Валентин Распутин полагал, что их привезли с Поморья, но это сомнительно).

²¹ Об этом см. далее, п. 5 главы 3.

Что касается самих РУ, то вспомним историческую реалию: русским тоже ни к чему было заявлять о себе, поскольку после этого всегда являлся «камисар» с поборами. Поэтому

«отсутствие упоминаний о немногочисленных русских жителях нижней Индигирки ... в лапидарной документации, сохранившейся от посланных воеводами казаков (деятельность которых не имела отношения к русским промышленникам), не должно удивлять» [Фольклор, с. 370].

Удивляет другое: почему у РУ нет легенды об отце-основателе? Тут можно лишь гадать – возможно, отношения народа с ним не заладились.

Казак Ребров не основал (как пишут) Русское Устье, а лишь поставил где-то в дельте острожек, и любопытно узнать – где. На южной (Колымской) протоке Индигирки прежде стояло село Станчик, бывшее Станичниково [Зензинов, 1914, с. 131] (заметьте: казачье название). Зензинов видел там «развалины значительных построек», чего в Русском Устье (50 верст к северо-западу от Станчика) не было, и есть мнение, что Ребров основал именно Станчик. Об этом селе см. **Приложение 5**.

Если так, то всё становится понятнее: мирное Русское Устье не было острогом, и Ребров миновал его (взять у жителей было нечего), так что никаких причин упоминать РУ, коих не объясачил, у него не было. Он поплыл вверх по Индигирке, ища, кого объясачить.

Там, в лесной зоне, он зимовал. На обратном пути поплыл самой дальней от русских протокой (Колымской), где только и мог найти по

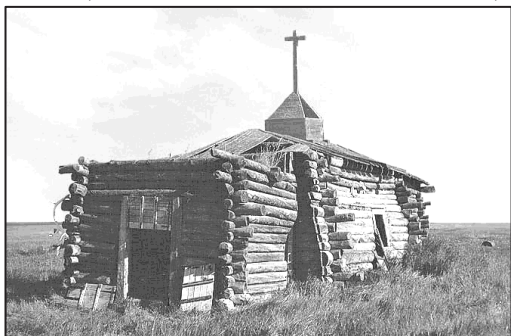
берегам еще нетронутый плавник. Найдя его в обилии, решил здесь снова зимовать (в Усть-Янск он, видимо, до зимы не поспевал), но поставил не просто зимовье, а острожек – для будущего, вероятно, похода. Колымская протока поныне судоходна: в 2004 году по ней прошла вниз баржа с бревнами в Станчик, для починки церкви.

Церковь в бывшем селе Станчик. Престол с горячей свечой и заиндевевшие царские врата

Церковка совсем невелика, и ее часто называют часовенкой, но это церковь с алтарем и притвором. Одна в пустой тундре (села Станчик давно нет), и никто уже не знает ее имени и времени постройки, его пишут по-разному. Странно: знают, что «Егор Чихачёв рубил церковь в Станчике, ту самую, над которой мы только что вздыхали» [Распутин, 2018, с. 6], но когда и во имя

кого/чего она названа – не знают. (Чихачевы, они же Чикачевы – до-сельная фамилия, зырянская, ее, между прочим, носил Алексей Гаври-лович, писатель и ученый из Русского Устья [Чикачѳв, 1990].)

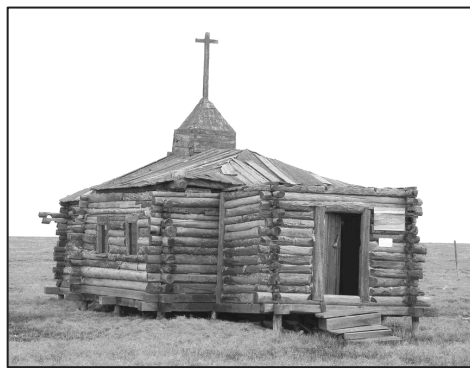
А может быть, здесь просто так молились, без освящения и священ-ника? Он даже в Русское Устье, главное в округе селение, в прошлом раз в год заезжал, крестя, причащая, венчая и отпевая всех сразу. Дело в Вос-точной Сибири было обычным (теперь оно странным образом возрожда-ется, хотя богомольцев единицы, а транспорт найти можно и почаше). Станчик же в стороне был – от Индигирки по протоке верст семьдесят. Могли, не имея наказа от благочинного, так никогда и не освятить.

Церковка совсем было распалась, но в 2004 году ее бережно разобрали Чикачевы, перевезли подальше от берега протоки (он рушится), и при-лежно поправили, насколько смогли. Прочестъ об их дея-нии долго не удавалось. И вот, наконец, читаю:

«с Индигирки дошёл слух, и я с радостью поспешил вписать его в

этот текст, что братья Чикачѳвы числом в четыре пары рук свезли на барже в Станчик кой-какой строительный материал и поправили, почти под-хватили в упаде тамошнюю часо-венку, привели её если не в божий, то в мало-мальски пригожий вид» [Распутин, 2018, с. 7].

Зато много писали о том, что новгородские толстосумы в 2014 году послали в Русское Устье (грузовым поездом, затем по воде – по Лене, морю и Индигирке) нечто несуразное с крестом, огромный короб.

Памятный знак на месте Гулянки.
В центре Вениамин Гаврилович Чикачев (брат ученого)

* * *

Хотя детали давнего переселения новгородцев к устью Индигирки и неясны, можно сделать несколько важных выводов.

1. Дальше всех, обогнав историю лет на 90, уплыла и освоила совсем новую землю в Восточной Сибири группа двинских новгородцев, притом мирно. Для сравнения: Ермак действовал

позже и намного ближе, разбойно и неуспешно, да и селения никакого не основал. Кого пристойней считать первым?

2. Среди богатых двинских новгородцев заведомо были грамотные, но грамотность потомки растеряли, не сохранив ни листка.

3. Вера их – «почти фантастическая смесь христианских и языческих верований и представлений»²². Это может приоткрыть общую поморскую реальность XVI века, только отсюда и известную. Тем не менее, они сохранили основы православия, сберегли массивную икону Богоматери Знаменской, язык и словесное творчество. **См. Приложение 5.**

4. Хотя именитые новгородцы заведомо отбыли со слугами, никакого правового расслоения в обиходе РУ не сохранилось. Голодным помогали едой, каковую полагалось возместить из будущего улова (охоты). По крайней мере, так полагалось.

5. Утратив навыки земледелия и животноводства, освоили упряжное собаководство, необходимое в охоте на песцов, и превзошли в этом учителей – местных жителей (РУ верно помнят: до них там жили юкагиры).

---

²² «Религиозный мир индигирца – это почти фантастическая смесь христианских и языческих верований и представлений. Приняв, как все славяне, обряды христианства, он сохранил душу язычника. Все внешние, формальные требования православия исполняются им строго и добросовестно, но мне не удалось подметить ни одного случая, не удалось услышать хотя бы одной фразы, откуда можно бы было догадаться о признании им моральной ценности христианства. Хорошие и дурные поступки никогда не расценивались с религиозной точки зрения» [Зензинов, 1914, с. 93].

6. Первые 300 лет почти не смешивались с ними, но и не воевали ни с кем (основной обычный материал для смешения – пленные невесты).

7. «...матери прививали своим детям: "Между собой можете поссориться и даже подраться, но никогда не обижайте юкагиров, они добрые люди. Сделаешь ему добро один раз, он отплатит втрое"» [Тельнов, 2009].

8. РУ – удивительный пример самоорганизации, той, что была убита Иваном III на Руси. Это отметил еще сто лет назад этнолог Владимир В. Богданов в предисловии к труду Зензинова:

«московская государственность в борьбе с Новгородом встретила препятствие только ли в новгородском государственном укладе или также и в той внутренней организованности народных масс, древний пережиток которой уцелел в Русском Устье» [Зензинов, 1914, с. 5].

Ответа он не дал, нет его и ныне.

8. Как обычно, «всеми признанное» таковым не оказалось (вспомним хотя бы сборник [Никитина, 2019], глухо отрицающий казенную версию прибытия в XVIII веке), что надо иметь в виду в любой деятельности.

9. Корабли, доставившие беглецов в устье Индигирки, не вернулись в гавань отправления (в Вардё или в губу Вайда), но их дальнейшее плавание вполне могло быть успешным – мореходы (вероятно, норвежцы, но, возможно, и голландцы) могли достичь Тихого океана и основать там поселение. Там они могли и остаться, не имея сил, а возможно и желая, возвращаться в Европу. Но об этом мы никогда не узнаем.

Рассказов о подобных поселениях было много (см. **Приложение 6**).

И в Станчике, и в старом Русском Устье давно надо копать. Раскопки, особенно на Гулянке (к сожалению, это место было затоплено зимовкой Дмитрия Лаптева и позже), могут не только точнее указать новгородскую основу прибывших, но и прояснить (монеты, кресты, посуда и пр.), кем были мореходы и кто так удачно организовал экспедицию. То могли быть и потомки викингов, и голландские дельцы.

4. Русское Устье не вполне уникально

Русское Устье выглядит случаем беспримерным, а беспримерное трудно изучать, поскольку для понимания надо сравнивать не только различия, но и сходства. Поэтому полезно собрать всё, что известно похожего, чтобы, по возможности, выстроить *ряд*. Например, о давних плаваниях на Дальний Восток поморы рассказывали:

«Существует предание, что во времена введения христианской веры в нынешней Архангельской области многие язычники, не желая оставить прежних богов своих, погрузились в суда и ушли к востоку» [Савельев, 2012, с. 27].

Это любопытно как свидетельство того, что задолго до МЛП были известны (о чем догадывался еще Зензинов) отправления с Белого моря

на восток. Они, разумеется, никогда не возвращались, но коли то было не однократное исчезновение, а нечто, хоть сколько-то регулярное, то встает вопрос: было ли известно, что предыдущие мореходы не погибли и можно плыть им вослед? А если известно, то откуда?

Возможно, дело в том явлении, какое широко известно в Арктике (и не только в ней) и называется *визионерством* – о способности некоторых людей знать про далекое. Оно подробно описано в брошюре Ч-19.

Известен, как минимум, еще один пример смельчаков, уплывших в неоглядную даль и тем сохранивших костяк старой культуры: это, как уже сказано, свершили викинги в период раннесредневекового потепления. Викинги открыли Исландию, а исландцы, их потомки, спасли для потомков целый пласт скандинавской культуры, скандинавские саги. Позже две небольших ватаги викингов открыли Гренландию и Винланд (Ньюфаундленд), но их потомки погибли в ходе МЛП.

Укажу и на чукчей – единственный у нас народ, чью независимость царю Николаю I пришлось признать. Чукчи тоже не вполне уникальны:

«Индейцы Северной Америки и кочевники Джунгарии могли бы выжить под властью США или Китая ценой отказа от самобытности, но и те и другие предпочли неравную борьбу без надежды на успех. Не всякий этнос согласен на подчинение врагу – лишь бы выжить» [Гумилев, 2003, с. 68].

Вот так, борьба без надежды оказалась единственно верной стратегией, причем три указанных народности выжили и тем образуют *ряд*. Позже все три народа, увы, вписались в общий унылый ряд «бывших», но то же самое, как ни странно, произошло в Сибири и с русскими:

«Русские землепроходцы XVII в. были люди строптивые, крутые, неуступчивые. Они не боялись ни начальства, ни суровой северной природы. С 1632 г., когда сотник Петр Бекетов основал зимовье на Лене, до 1650., т.е. до Анадырского похода казака Семена Моторы, они прошли весь северо-восток Сибири и добыли соболиного ясака на суммы не меньшие, чем давало конкистадорам американское золото. (...) Но уже в конце XVII в. их характер стал изменяться, и (...) в XIX в. потомки казаков потерпели поражение от чукчей и стали государственными крепостными (...). Поскольку так же и в те же хронологические сроки утратили пассионарность потомки испанских конкистадоров, французских колонистов в Канаде (за исключением той части, которая смешалась с индейцами), португальских и арабских купцов в бассейне Индийского океана, а в прошлые эпохи та же судьба постигла потомков викингов и эллинов, то можно считать описанный процесс закономерным. Растроченная энергия пассионарности оставляет на месте своей вспышки пепел сначала горячий, потом холодный и сырой» (с. 297).

Гумилев приукрасил облик казаков. На самом деле, они еще в XVII веке как терпели поражения от горных чукчей, так и стали государственными крепостными, удивляя историков сочетанием храбрости в драке и покорности начальству вне драки. Но это вообще черта русских.

А остальное верно: народы, теряющие пассионарность, действительно образуют единый исторический ряд. Утеряли ее и РУ.

* * *

У Ивана Савельева читаем продолжение прерванной нами мысли:

«поскольку при обозрении всех берегов Ледовитого океана, от Колы до Берингова пролива, не встретили нигде россиян сих, то и думают, что они должны находиться в Америке» ([Савельев, 2012, с. 27]; это цитата из историка Василия Берха, но, к сожалению, без указания его труда).

Это уже позднейшая приписка, гласящая лишь то, что двести лет назад даже такой знающий и аккуратный историк, как Василий Николаевич Берх, ничего не знал о русскоустьинцах. Потому, в частности, что Великая Северная экспедиция (ВСЭ), их обнаружившая (отряд Дмитрия Лаптева), была тогда очень плохо известна. Экспедиция и ныне изучена постыдно слабо – нет жизнеописаний даже самых замечательных полярников, таких, как Дмитрий Лаптев, хоть он и получил при отставке чин вице-адмирала. Нет и его портрета (вместо него показывают чужой). Что уж говорить о меньших.

5. Голландец в зимовье Усть-Оленёк

Был уже случай, когда раскопками открылся удивительный факт – голландские вещи XVI века в зимовье Усть-Оленёк. Никто не обратил на них внимания, ибо «этого не может быть». Да и автор открытия, Вадим Федорович Старков [2013], побоялся сделать какой-либо вывод сам, хотя явно знал больше, чем написал.

Брошюра Ч-19 была закончена следующими словами:

...прекрасная статья про Усть-Оленёк [Старков, 2013] окончена загадочным упоминанием «более позднего русского поселения, возникшего в конце XVI–XVII в. на месте старого Оленекского зимовья». Что бы оно ни значило (вероятна описка), видно, что автор знает больше, чем положено знать. Кто эти люди, населявшие столь раннее зимовье в такой дали? И как они принесли сюда голландские вещи? О людях в статье и намек нет... Осторожность полезна, но науку движет не она.

Старков назвал голландскими только пуговицы и нож, о местах исхода изящных украшений и перстней-печаток, едва ли русских (геральдический

узор, след красной мастики) не сказал ничего; но вещи с далекого юга были и среди вещей ПСФ²³: кипарисовые стрелы, зеркало из Средней Азии, алый китайский шелк. Специалист по вещам заведомо назовет еще что-то, но и так ясно – первопроходцы шли на север Сибири также и с дальнего юга.

В то время попасть в устье Оленька можно было только с юга, вернее всего, из Китая, вниз по Селенге, по Байкалу и вниз по Лене. Там Курбат Иванов в 1643 г. посуху впервые прошел от Лены к Байкалу: с Иликты (приток Лены) на Сарму (впадает в Байкал). Автозимник служит там поныне.

Но вернуться тем же путем (вверх по длинным рекам, проводка бечевой) отчаянный странник (голландец?) без поддержки властей не мог, а властей там не было, и обратный путь оставался через Ледовитое море. Видимо, он, читавший старых авторов, веривших в СВ проход, отправился из зоны угасавшего китайского влияния на верхней Лене... вниз по Лене, рассчитывая на корабль из Европы, а на ледовитом берегу дождался лишь ватаги, везшей «воровскую казну», с каковой, вернее всего, и погиб...

Теперь Арктика оттаивает, и пора узнать, что там было на самом деле.

Тогда, при написании Ч-19, южная версия попадания голландца в Усть-Оленёк²⁴ казалась мне единственно возможной, но исследование РУ открыло еще одну возможность, более реальную, – голландец (и не один) мог попасть на Оленёк так же, как РУ попали на Индигирку. На Оленёк мог попасть потерявшийся корабль той же экспедиции, а могло быть другое плавание через Высокую Арктику, тоже до воцарения МЛП. Зензинов допускал массовое бегство, и Усть-Оленёк как бы подтверждает это.

Тот факт, что корабли ушли в устье Индигирки, не свернув на юг сразу от Северной Земли, говорит о вероятной буре, унесшей их в сторону острова Котельного. При спокойной же погоде было естественно, обогнув мыс Скифский, плыть на юг. Тогда, в случае удачи, легче всего было попасть в устье таких рек, как Хатанга, Анабар или Оленёк. (Уход в реки юго-востока Таймыра сомнителен, поскольку путники стремились на юг.) Так можно объяснить появление Санниковых в Усть-Янске, где Зензинову рассказывали, что их предки тоже бежали от набора в войско.

Вспомним и о бревне от избы 1585 года в низовье Хатанги. Хотя в годы Годунова о низовье Хатанги уже знали (даже в Москве: Ч-20, с. 47), но на

---

²³ Плавание Симса – Фаддея, оно происходило у СВ побережья Таймыра, вероятно, во второй четверти XVII века. Ему в брошюре Ч-19 отведена глава. См. также Очерк 2 книг Ч-15 и Ч-20.

²⁴ Точнее, китайская. Торговые потоки из Средней Азии в Сибирь тоже существовали, но, насколько знаю, только в Западную, откуда путешественник едва ли мог попасть на Оленёк, еще неизвестный в Западной Сибири XVI века.

идею прихода русских туда еще на 20 лет раньше, притом для житья, возразить придется то же самое, что на приход РУ в устье Индигирки: зачем было идти в ту даль через вполне пригодные места? Осели бы западнее. Иное дело – если с Ледовитого океана. Из тьмы проступает ряд.

Теперь о кораблях. Пропавшие суда известны во множестве и, к сожалению, внимания не привлекают – вот общее мнение:

«Мы не станем перечислять одиночек (в основном англичан), которые с 1535 по 1550 год отплывали в направлении вечных льдов и никогда не возвращались...» [Блон, 1984, с. 13].

Это тем более обидно, что сказано о кораблях, чье отплытие документировано. А сколько промысловиков ушло и не вернулось, не знает никто. Полагаю поэтому, что пропажа без вести сразу нескольких судов из Вайдагубы на Рыбачьем едва ли могла стать известной потомкам.

Вернее всего, корабли, доставившие беглецов к Индигирке, были норвежскими, но странный голландец наводит на иные мысли. Сам он, судя по найденным вещам, был путешественником. Вернись он домой, его книга встала бы в один ряд с книгой Марко Поло и книгами других великих странников, но пропавший, никому он не интересен. Бывали у Рыбачьего и в Коле тогда и иные голландцы. Могут назвать одного из них.

Филипп Винтерконинг (о нем см. конец главы 2) служил торговым агентом в Вардё и вел дела в Антверпене, затем стал судовладельцем, быть может, самостоятельным. Как раз в эти годы или чуть раньше должна была готовиться интересующая нас экспедиция-бегство с Двины. Филипп сам или другой, такой же, как он, вполне мог быть тем, кто закупил нужное богатым беглецам снаряжение, в том числе бочки с вином.

Корабли, чьи шкиперы согласились (быть может, без ведома судовладельцев) на опасное, зато щедро оплаченное и полное сказочных надежд плаванье, были, верней всего, не военные и не промысловые, а торговые. Они были более пригодны для дальних плаваний, и люди там более к тому привычны. Словом, основная масса беглецов уплывала в чуждую даль не по каютам и кубрикам, а по трюмам, пропахшим сельдью и жиром.

Много и охотно пишут о зверствах инквизиции в Вардё (от них тоже явно хотели бежать), но почти ничего – о тамошнем о флоте и торговле. Учитывая скудость таких сведений, не стоит удивляться, что наша экспедиция могла уйти оттуда и не попасть в документы. С ней могли уплыть и голландцы, желавшие вырваться из ужасов обыденного и узнать мир, да и кто угодно. Совсем уж нет оснований рассчитывать на находку какой-либо записи, если экспедиция ушла с Рыбачьего или из Колы, с полуострова Канин или еще откуда-то, где был делец-организатор, избегавший

внимания местных властей. Они, к тому же, были редки и мало на что способны. Очевидно одно – экспедиция состоялась на самом деле, ибо на Индигирке в самом деле появились РУ. И, быть может, она была не одна.

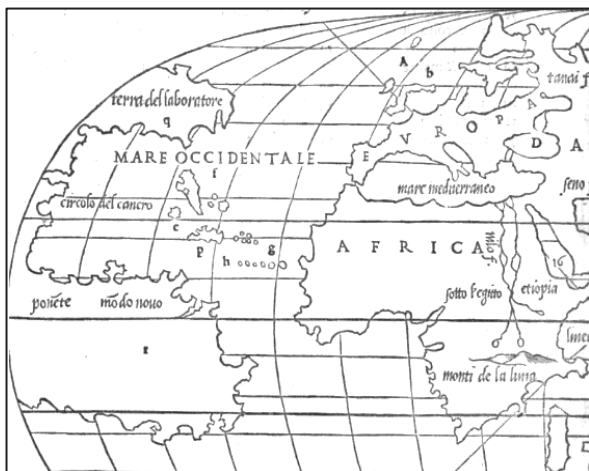
Плавания в Восточную Сибирь не могли пройти позже смерти Ивана Грозного, и если голландец, возможно, не один, приплыл на Оленёк по морю, он вряд ли еще был жив ко времени ПСФ. Его вещами мог владеть кто-то другой – возможно, тот, кто вёз продавать оленьковскую пушнину на запад (вопреки приказу властей сдавать ее только на восток, в Якутск).

Глава 4. Глаз истории и глас нынешний

«География – глаз истории» (*Historiae oculus geographia*) – сей девиз, взял Абрахам Ортелией для своего Атласа (1570 г.), положившего начало исторической географии как дисциплине [Яцунский, 1955, с. 129].

А глаз географии – карта. Для меня исторические трактаты без карт всегда ущербны. В частности, меня давно занимал вопрос: почему скандинавы не отметились как исследователи СВ прохода? В литературе ответа не нашлось, зато карта, когда, наконец, такая нашлась, ответила сразу ясно: скандинавы жили в мире, где данного прохода не было.

Викинги не чертили карт, их долго не чертила Скандинавия, зато остальная Западная Европа охотно чертила на своих картах фантазии по

скандинавским сказаниям. Одно из них гласило, что север Европы соединен с Гренландией (см. п. 4 главы 2), и мы видим это на ранних картах.

Карта мира, западная половина [Bordone, 1528]

На итальянской карте мира из атласа Бенедетто Бордоне видно, что Норвегия омывается с севера небольшим заливом, за которым лежит массив,

замерзший и недоступный. Тем самым, на север плыть некуда, а на восток можно, но недалеко. И фрагмент из того же атласа (см. след. стр.), где *norbeigia* это Норвегия, а *datia* – Дания, в том убеждает.

По всей видимости, миропонимание скандинавов увидало в открытии Новой Земли тому подтверждение. Напомню: перед плаванием Истома было похолодание, вероятно, заморозившее проливы и тем соединившее ее с материком в единую ледяную стену. Такую стену там в самом деле увидел при следующем похолодании (через сто лет) Виллем Баренц.

Полагаю, что никто –

1) ни двиняне, якобы ушедшие в июне 1496 г. «на Каяны» притом «морем-акияном через Мурманский нос», и пришедшие в октябре с добычей «из Норвегии»;

2) ни дипломат Истома (отнюдь не мореход), обогнувший в паре лодок, со слугами и свитой, весь север Европы;

3) ни герои ПСФ, обогнувшие Таймыр в коче, чтобы свезти в Восточную Сибирь гору соболей;

4) ни сотня новгородцев с семьями, обогнувшая север Евразии вдоль замёрзших на века берегов, притом не оставив никаких следов;

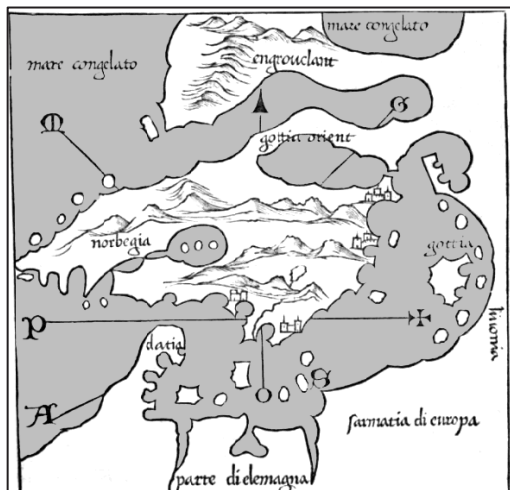
5) ни казак Дежнёв, отнюдь не мореход, “обогнувший Чукотку в коче”, чтобы тут же, умирая от голода, начать избивать и (вот уж немислимо) брать в плен чукчей;

6) ни Шалауров, купец и мореход, в полтора года смотавшийся с Чукотки в Москву за деньгами и обратно (полдороги пешком)

– не совершал этих и подобных фантастических деяний. Они, порой величественные, не удержались бы в истории (а то и не возникли бы), если их приверженцы держали бы перед глазами реальную карту.

Пармен Михайлович Метревели, мой незабвенный учитель географии, в 1953-1956 годах учил нас извлекать из карты рассказ, и это понадобилось в жизни не раз. К примеру, совсем недавно взгляд на карту вдруг открыл мне, что РУ могли прибыть с Белого моря через Высокую Арктику как раз на Индигирку, где мы их и видим на самом деле.

Незнание географии – не главная причина воцарения небылиц русской истории. Ну хотя бы: Петр I, губивший Архангельск 20 лет подряд, ныне попал на пятисотрублевку как символ Архангельска. Главная причина видится в отсутствии у большинства людей интереса к правде, регулярно унижаемой ради любви к выгоде, моде и самоуспокоению.

Словом, карта необходима – для восстановления той самой правды. Но карта – изобретение западное, в России появилась поздно.

Иван Грозный еще в молодости приказал составить общий «Чертеж» государства, но закончена работа была около 1600 года, уже после его смерти, при Борисе Годунове (уцелевший фрагмент см. с. 112). До этого были только «Дорожники», т.е. описания путей, и некоторыми из них пользовался еще Герберштейн. Карта эта (известна как Большой Чертеж) изготовлена была в одном эземпляре и к 1627 году оказалась зачитанной не то что до дыр, а до истления. Была изготовлена новая, но обе утрачены – видимо, сгорели в одном из обычных московских пожаров.

«Большой чертеж» (как в своей ипостаси ветхого «старого чертежа», так и копии последнего «нового чертежа») является поздней (1619 года) переработкой некой иностранной карты, из которой были заимствованы как часть содержания – прежде всего ее гидрографическая основа...» [Пестерев, 2020].

Есть, как видим, и такая точка зрения. Едва ли она верна (где западная карта такой детальности? Такой нет, а если и была, то тайно счерченная как раз с Большого Чертежа и вывезенная за рубеж), однако цитированная статья полезна важным обзором литературы.

А вот еще примеры, когда карта сама указала поиск.

1. Тазовский городок и ранние Строгановы

Ниже изображен фрагмент карты (вернее, картосхемы, север внизу) знаменитого русского картографа С.У. Ремезова. Он работал около 1700 года, однако состояние местности на этой карте на сто с лишним лет старше. К востоку и югу от «моря Мангазеиска» (Тазовской губы) всюду показан лес, хотя он уже к 1600 году, по данным дендрохронологии, там не рос. Это не вольность автора: слева, на реке Блудной, показан «промыс. соболи», а они в тундре не водятся, да и в лесотундре не служат объектом промысла – тем более для охотников, пришедших на нетронутые уголья. Разумеется, прежние стволы еще стояли (не сразу же все ушли на дрова, жерди и избы), но соболь мог водиться лишь много ранее.

Это типичная *расспросная карта*, источником которой служили не только зарисовки первопроходцев, но и записи устных рассказов, и данные служебных книг. Искусство картографа (коим Семен Ульянович обладал в высокой мере) состояло в том, чтобы совместить всё это на плоскости.

Похолодание изменило здесь условия жизни не позже 1580 года, когда мореходам пришлось освоить неудобный маломощный Ямальский волок (подробнее см. Ч-15, Ч-20). Можно лишь изумиться тому, что к этому вре-

основным следом их походов служит как раз эта карта. Только по ней можно понять, где побывали те, кто пришел сюда до появления первого русского поселения, и где, быть может, археологу есть смысл копать.

«Море Мангазеиско» названо по реке Мангазее – на карте слева внизу. Она намного меньше других рек, и имя «моря» могла дать, только если была первой, по какой люди сюда пришли. (Так же небольшая река Кара дала имя огромному Карскому морю.) Пришли они с востока и не были русскими, тогда как остальные названия русские. Значит, местные жители называли неизвестному составителю название моря и реки, давшей морю имя (на нынешних картах это Тазовская губа и Монгаяха), а остального он не узнал или не запомнил; словом, до Ремезова не донес.

Первое, какое известно, русское селение в этих местах называлось *Тазовский городок* и находилось там, где на карте Ремезова значится Мангазья (верхний листок, слева от реки Таз). Это чуть южнее Полярного круга. Когда оно возникло, неясно, но не позже 1572 года – тогда было срублено найденное там бревно. Известно еще, что в 1575 и 1580 годах Строгановы посылали туда своего самого способного агента, Оливьера Брюнеля [Введенский, 1962, с. 55], а это позволяет думать, что Тазовский городок был их вотчиной, самой восточной. Ранние Строгановы старались осваивать Сибирь мирно (см. Ч-20), и, соответственно, городок был мирным (никаких сведений об остроге) местом ярмарки, где местные жители и русские охотники меняли пушнину на хлеб, соль, постное масло, порох, свинец и прочие европейские товары, привозимые купцами с запада.

Так было до 1600 года, когда царь Борис Годунов захотел прибрать городок в казну и послал туда двух воевод с отрядом казаков. С первого раза ненцы и русские общими силами отразили пришельцев, но в 1601 году отряд стрельцов с пушкой сломил их сопротивление, и завоеватели стали строить острог (бревенчатую крепость), вокруг которого вскоре вырос город Мангазья. Название он получил по местности и «моря», а речка Осетровая, в устье которой он стоял, стала называться Мангазейской, причем Тазовский городок был Мангазеей поглощен.

* * *

В 1999 году в устье Таза, в поселок Тазовский, что на 200 км севернее места, где был Тазовский городок, приехал С.А. Кунин, вдохновенный педагог. Он весьма наблюдателен (на вопрос местных, где он находит грибы, когда они сами не находят, он отвечал: «имею особые плантации, где для меня специально разводят грибы»), и в первый же визит в тундру был удивлен, увидав лежавшие на мели озёр (они усыхают при потеплении Арктики) ветхие стволы крупных лиственниц, торчащие вверх

кокорами. Кунин [2013] сразу же решил начать изучать прежнее похолодание. Лиственницы, естественно, оказались от времен Ивана Грозного.

Сергей Анатольевич Кунин

В те годы некоторые профессора еще говорили, что МЛП – зловредная западная выдумка (один сибирский директор забавно отрицает его поныне), и вспоминалась грустная шутка З.М. Каневского, тогда уже покойного, о новом пункте в анкетах: «Если малограмотный, то в каком вузе преподает».

На 15-й год своей работы в Тазовском Кунин стал вовлекать школьников в дело поисков и многим показывал приведенную выше карту.

Восьмиклассница Анна Кусаева в 2015 году подошла к делу более чем серьезно. Не зная, как не знал и ее наставник, что у карты есть южный листок и на нем обозначен «город Мангазея», она верно решила (как полезно не знать лишнего!), что карта составлена до основания Мангазеи. Затем подписанные на карте события она отнесла к деяниям основателей Мангазеи и, в частности, название реки Кровавой с припиской, что здесь погибли казаки, отнесла к стычкам 1600-1601 годов²⁵. Это не очень верно, но позволило задать верный вопрос: зачем казаки стремились на восток по реке, каковую обгарили своей и ненецкой кровью?

Затем, решила Аня, что они искали более северный водный путь (с волоком) на Енисей, нежели тот, что был известен. Она всерьез стала искать его – как сама по картам и космическим снимкам, так и беседа со взрослыми, с которыми знакомил ее Кунин. Узнала о вертолетчике, который в 1970-х увидел с воздуха длинный дощатый настил, решил, что это остатки волока, и затем, взяв отпуск, с друзьями на лодке-казанке прошел тем путем в Енисей. Это событие уже почти забыли, но Аня установила его по карте целиком и тем сохранила для истории (см. заднюю обложку). Такой путь мог быть кому-то полезен лишь до похолодания Арктики.

Ей рассказали еще про озерцо, где спасатели из отряда Ямалспас нашли крохотные серебряные монетки – как раз такие, какие были в ходу у мангазейцев, и она решила, что именно там был Тазовский городок. Ход ее

---

²⁵ Ту же мысль повторил, без ссылки на Аню Кусаеву, доклад Н.В. Макаренко (2019 г.). На самом деле, то была, вернее всего, стычка казаков, сопровождавших караван кочей, безуспешно пытавшихся провезти в Мангазею хлеб в 1644 году, с отрядом ненцев (они упорно пытались избавиться от жестоких пришельцев) [Перцев и др., 2019]. Эта статья ученых из Салехарда и Ханты-Мансийска тоже замечательна и вызвана к жизни той же картой Ремезова.

мысли замечателен: городок был портовым, корабли следовало куда-то прятать от весенних ледоходов, для чего удобным было как раз то озерцо, имевшее выход в Тазовскую губу. Опять карта подсказала поиск.

В 2016 году Аня, Кунин и его начальница О.С. Семенова захотели его найти. Кто из них решил, что городок стоял там, где на карте значится *стреча воеводам*, не знаю, но рядом значится *караульной ярь*, и холм тот в самом деле лежит там, а это обнадеживало. Летом туда выехали, но ничего, конечно, не нашли, ибо истинный Тазовский городок стоял не там. Но там, где найдены монеты, могло быть место стоянки морских судов. Копать, конечно, надо, однако не на морском берегу, а на озерце (Аня это место отметила красным на космическом снимке – см. заднюю обложку), и копать должны археологи, ибо неучи только испортят объект.

Но, добавлю, привлечь археологов сюда нереально.

Аня Кусаева аккуратно изложила всё в докладе «Тазовский городок – миф или реальность?». Что она придумала сама, а что ей подсказали взрослые, сказать не берусь, но писала она сама – видно во многом. Например, в стычке на реке Кровавой школьница увидела «прообраз цветной революции на Сибирском Севере», ибо «здесь в самом конце 15 века хозяйничали голландцы, англичане и другие иностранцы». Едва ли то писал взрослый.

Доклад вышел, по-моему, великолепный, она ездила с ним на конкурсы, но поначалу отмечена не была – думаю, потому, что городка не нашли, а волок нашел вертолетчик. Обидно: Аня прекрасно показала, что она исследовательница, а внешкольные занятия для того и делаются, чтобы не дать таким, как она, пропасть (она пока не пропала: через три года получила за этот доклад приз в Ханты-Мансийске; получала и иные призы).

Другая ученица, Алёна Даниленко, добила премию сразу, притом всероссийской. Ее доклад, тоже блестящий, был как раз про вымершие деревья. Двое юношей, старшеклассников, в разные годы добились премий с докладами о Мангазейском морском - речном ходе. См. заднюю обложку.

И это притом, что главная работа Кунина с детьми – техническое моделирование, а Семеновой – химия; там и основная часть призов.

Браво, тазовчане! Значит, будет еще, кому двигать науку.

2. Как было без карт

Карты теперь есть всевозможные, в школах, вроде бы, учат географии России подробно, но то и дело в СМИ слышу: «Вся Россия – от Калининграда до Владивостока...». А как же Сахалин, Магадан, Камчатка и Чукотка? Это же треть страны. Невежество журналистов в географии – прямо как при Иван Васильичах.

О том, как Иван Грозный управлялся с арктическими делами, не имея представления о том, что где находится, было уже немного сказано в Ч-20, и позволю себе, под конец, повторить тот рассказ, сокращая его и чуть дополняя – где как нужно.

Иван Грозный, его отец и дед, ревностно оберегали просторы Руси от посещений иноземцами. Даже нуждаясь в металлах отчаянно, рудознатцев пускали редко и неохотно. В 1580 году великий голландский картограф Гергард Меркатор писал, что лучший путь в Китай – через одну из рек, впадающих в море за Новой Землей, ибо по ним можно проникнуть в Китай. Но он же и предупреждал: «я полагаю, что великий князь московский воспротивится этому» [Алексеев, 1941, с. 174].

Однако как раз в этом он ошибся: Иван Грозный, нуждаясь в пошлине (золотом и серебром, которых стране всегда решительно не хватало), изредка допускал заморских гостей плавать вниз по Волге и даже снабжал охранными грамотами. Они мало помогали: во-первых, грабители грамот не спрашивали, а во-вторых, даже успешный проезд не обеспечивал успеха в главном: среднеазиатские государства были заняты войнами, а не торговлей; персидские же владыки, охотно покупая английские товары и позволяя покупать свои, не пускали англичан дальше – ни в Индию, ни в Китай. См. [Английские..., 1937].

И вскоре англичане запросились на иные реки – восточные. В 1580 году их представители в Холмогорах просили, чтобы царь разрешил торговать на Севере только им, да еще не всем, а лишь тем, у кого есть грамота от английской королевы. Перечислили они и желательные им для монопольной торговли северные гавани, включая новое для московских дьяков и подьячих название – *Бзленди* (Сборник Императ. Рус. Историч. Общ-ва, т. 38, с. 48).

Предложение, что и говорить, наглое, но и действия англичан можно понять: Россия безнадежно увязла в Ливонской войне, позарез нуждается в английской помощи, а потому царю Ивану, при всей его грозности, придется проявить уступчивость.

Русские подьячие (чиновники) в Холмогорах так далеко не мыслили и даже обсуждать предложений англичан не захотели. Они вернули письмо со словами: можете ли вы представить, чтобы Англия стала торговать с другими странами только через Россию? (там же, с. 49). Формально они были, конечно, правы, только вот Ливонскую войну Россия вскоре проиграла и выход к Балтике потеряла.

К вопросу удалось вернуться только в 1583 году, когда в Москву прибыл английский посол, очень опытный Джереми Боус (Bowes), и повторил прежние предложения (там же, с. 92). Но Россия уже проигра-

ла войну в Ливонии, и царь не имел нужды в срочной помощи. Он перечислил английские пожелания, включая неведомую ЪЗленди, и подтвердил, что давать монополию одной стране ему невыгодно и нелепо.

Замечательно, что за этим сообщением в архиве следует справка:

«Печора река в море впала. Мезень река в Двинском уезде в море впала. Ислендь река за Обью. Река Шум блиско Печенского монастыря а впала в море, Шарской реки, как у них написано, в переводе нет» (с. 94).

Как видим, в Москве уже знали, что Ислендь – не просто гавань, а река, но куда она впадает, еще не знали. Судя по реплике: «в переводе нет», сведения получены у иностранцев, видимо, у тех же англичан (те, как и голландцы, получали сведения у русских поморов). Принято писать, что Ислендь – это первое упоминание Енисея, однако созвучие слабо, вернее, что за ним стояло что-то ближе, например, общее устье рек Пур и Таз, скрытое за именем одной из сотен тамошних рек.

В любом случае очевидно, что ни о какой власти царя над упомянутой местностью не было и речи: Ермак тогда едва держался на Иртыше и еще не дошел до Оби, которую предстояло еще долго покорять, а на севере Сибири не было ни одного надежно подчиненного Москве поселения – Тазовский городок был, видимо, собственностью Строгановых (их «столица» была в Сольвычегодске), а немногие другие городки были туземными.

Писать о вытеснении Строгановых не принято (пишут просто, что Мангазея основана в 1601 г.²⁶), поскольку силовой характер освоения Сибири был под запретом до самого падения советской власти.

Однако прежде изредка писали. Например [Платонов, 1923]:

«По мнению хорошо знавшего русскую жизнь ... Исаака Массы, именно от торга с самоедами на низовьях Оби и пошло богатство Аники Строганова» (с. 5). «Поход Ермака был одним из эпизодов того *Drang nach Osten*, какой замечен в жизни русской народности... после ее побед над татарским и инородческим миром Поволжья. Значение Строгановых, крупнейших и талантливейших капиталистов эпохи, в этом стремлении Руси на восток бесспорно. ... Мангазея, “золотое дно”, манила их к себе всеми путями – и морем, и через Камень. Она дала им первое богатство, она сулила им дальнейшее его умножение» (с. 8). «Постаравшись открыть путь на Обь для себя, они посодествовали открытию его для великого государя и тем ввели Мангазею в область государственного ведения. Одновременно с этим постигло их и другое разочарование» (с. 6): «Морской поиск им не удался (добавлю: ввиду похолодания – Ю. Ч.), а южный путь, захваченный Ермаком, привел на Обь и в Мангазею государственную власть, которая и усвоила себе плоды строгановского успеха» (с. 8).

---

²⁶ В.Ф. Старков [1998] пишет отдельно про Тазовский городок (не позже 1572 г.) и про Мангазею (1601 г.), не касаясь темы превращения одного в другую. Г.П. Визгалов (2006 г., диссертация) грубо отрицает само наличие Городка.

Лишь недавно стало возможным написать, что мирное присоединение было бы невозможно, что

«в лучшем случае вольная колонизация могла бы привести к образованию нескольких русских поселений на севере Сибири, имеющих торговое и промысловое значение», а не часть государства [Пузанов, с. 382].

Таким поселением как раз и был Тазовский городок.

* * *

Чего же в данной ситуации добивались англичане? Думаю, что монополия на торговлю по реке, никому не подвластной, была нужна им не сейчас, а на будущее – если река окажется ведущей в Китай. «Космографию» (географию мира) в Англии знали явно лучше, чем в Москве, и англичане, полагаю, надеялись извлечь из российского акта о монополии такую же пользу, какую извлекли испанцы и португальцы из папской буллы 1493 года, поделившей новооткрытый мир между ними, хотя Римский папа не имел власти ни в Азии, ни в Африке, ни в Америке. Видно это намерение из дальнейшего поведения англичан.

А именно, в начале 1584 года Боус, вероятно, заметил, что тяжело больной Иван быстро слабеет, и стал вести себя всё менее учтиво. Невзирая на жёсткий ответ царя: «А о реке Оби да о Изленде реке да о Печере реке о тех урочищах им отказати» (Сб., с. 95), – Боус продолжал настаивать на монополии²⁷. Царя, однако, занимали тогда два иных вопроса: о союзе с Англией против Швеции и Литвы (с целью возвращения выхода на Балтику) и о своем браке с английской принцессой.

Ни то, ни другое уже не было возможно, и Боус умело уходил от обоих вопросов. Он весьма тонко намекнул, что после убийства Иваном сына ни одна англичанка к нему не поедет; а на заявление царя о желательности *возвращения* ему Нарвы ответил едким вопросом: «а у г(осу)даря то изстари ли ево вотчина?» Вопрос был столь недружествен, что бояре, видимо, даже побоялись точно передать это царю (судя по бесцветному его ответу). Совсем враждебным было заявление Боуса о том, что ему приказано возвращаться одному, без ответного посольства, и оно опять было, видимо, передано царю сильно смягченным.

С завидным упорством Боус продолжал твердить – сперва монополия, а затем всё остальное. Переговоры зашли в тупик, царь вскоре умер, и тут

---

²⁷ Общение посла с царем шло через двух бояр-посредников, следивших друг за другом. Личная встреча царя и посла состоялась лишь однажды, после долгих препирательств, поскольку Боус отказывался отцепить шпагу – символ рыцарского достоинства, а царь запретил пускать к нему с оружием.

Боус едва не поплатился жизнью за свою дерзость. Спасло его то, что Боярская дума не смогла сразу решить, сколь жестокая казнь будет уместна для такого злодея, и вопрос был отложен. Разумеется, намерение стало известно в Английском квартале на Варварке, и главный там, искушенный в интригах Джером Горсей (Horsey), вступился за Боуса, объяснив боярам, что начинать новое правление с чудовищного дипломатического скандала неумно. Бояре уступили, и Боус смог уехать (под жестким, до самого Архангельска, конвоем), и, разумеется, ни с чем.

Дом Горсея на Варварке

Дом Горсея на Варварке

Зато англичане впоследствии с успехом использовали Смутное время, когда окраины жили сами по себе.

Они основали факторию в Пустозёрске (низовье Печоры, близ нынешнего Нарьян-Мара), где активно собирали сведения про Обь и Енисей. Их донесения за 1610-1611 годы служат нам (наряду с голландскими, см. Ч-20), основным источником знаний об освоении русскими первопроходцами низовий этих рек.

Если русский язык английские купцы кое-как знали, то с местными жителями они могли общаться только через русских толмачей, так что донесения вышли невразумительные, и в них триста лет не могли разобраться. По-видимому, один лишь Лев Семенович Берг, наш знаменитый географ и биолог, сумел понять, что в них перемешаны верные сведения о двух различных путях на Обь – вокруг Ямала и поперек Ямала [Берг, 1949, с. 92]. Подробнее см. **Приложение 7**.

Верил Берг также мнениям о давнем морском пути в Енисей, полагая, что тот был возможен в периоды потепления Арктики (с. 93), однако, на мой взгляд, все туманные сведения о Енисее были получены от искателей пушнины, но те двигались не морем, а по системе рек и волоков. Напомню, что на равнинном севере Западной Сибири все волоки становятся по полой воде мелкими водотоками.

Безуспешная просьба англичан к Ивану Грозному допустить их в устья сибирских рек была последней. При Борисе Годунове, Лжедмитрии I и позже иностранные дипломаты и купцы вели переговоры уже

только о Волге и о пути в Персию. В годы Смутного времени иностранные купцы прочно освоили путь из Архангельска на Ярославль, по Волге и Каспию, а по окончании Смуты русское государство оказалось столь слабо и столь зависимо от иностранной помощи, что не могло запретить чужеземным купцам плавать. Они не только свободно там плавали, но и строили свои корабли – например, в Ярославле.

Патриарх Филарет, став (от имени слабовольного сына, царя Михаила) в 1619 году правителем России, первым делом запретил плавать восточнее Архангельска всем – и своим, и иноземцам. Типичная, сказали бы мы сегодня, следуя Ане Кусаевой, российская *контрсанкция*. Иностранцы ее даже не заметили, так как давно туда не плавали из-за похолодания Арктики. Во всяком случае, о протестах не слышно ничего, а западные тексты и карты долго продолжали обозначать Ямальский волок как действующий.

Но вот для русского населения северо-запада Сибири прекращение снабжения Мангазеи продовольствием стало катастрофой. Произошло оно как от закрытия Ямальского волока (фактически – в силу замерзания рек и озер Ямала, а не от указа Филарета), так и от намеренного удушения Мангазеи конкурировавшим с нею за пушнину Тобольском. Катастрофа породила массовый уход выживших русских жителей на восток, сперва к Енисею, а затем, по мере продвижения похолодания, далее, на Хатангу. Оттуда, по всей видимости, вышла и основная часть участников загадочной ПСФ. Подробнее см. в книгах Ч-15 и Ч-20.

Зато природа вздохнула свободней, так что там, в низовье междуречья Оби и Енисея, еще через двести лет водился соболь, не говоря уж о медведях. Как отдыхает природа и сегодня в опустевших местностях России. Неужели это возможно только там, где нас нет, без нас?

Весной 2020 года природа недолго отдыхала и вместе с нами – когда мы в большинстве своем по воле властей, наших и иноземных, сидели по домам, стараясь избежать заражения вирусом, вызвавшим пандемию «Covid-19». Большинство загрязнителей природы затихло, и природа тут же подала нам сигнал радости: по улицам городов стали гулять звери, в том числе пугливые, например, лани и южные олени.

Люди не поняли сигнала и летом вернулись к беспечной жизни по принципу «бизнес, как всегда». В ответ природа не просто вернулась к прежней жизни, но ответила таким новым всплеском пандемии, что весенний смотрится мелочью. Люди и этого сигнала не поняли.

Не поняли, что пора менять способы общения с природой.

Заключение

Полторы тысячи лет назад, в 529 году, византийский император Юстиниан запретил преподавание философии (тогда это значило – и науки), закрыв при этом знаменитую афинскую Академию, которой было тогда 900 лет с лишним. Последним семерым ее профессорам, включая scholarха (ректора), пришлось покинуть Афины (увезли и библиотеку). Их пригласил персидский царь Хосров, но не прижились они там. Их младший современник, поэт и историк Агафий (Agathius), счел их безуспешную попытку преподать свою философию персам «наивной, несбыточной и быстро разочарующей» [Simplicius, 1987, с. 8], а ныне историк философии Ил. Хадо (Hadot), наоборот, сочла ее трезво реалистической (там же, с. 9). Как бы то ни было, царь через год вернул их всех императору, лишь взяв с него обещание их не преследовать.

О шестерых ничего с тех пор неизвестно, но один не сломился. Тогда же, в дни гонений, он написал один из главных своих трудов (комментарий к трактату Аристотеля «О небе» – там же, с 22), и затем, работая еще около тридцати лет, оказался последним греческим философом (а с тем и ученым). Имя его Симпликий из Киликии (лат. Simplicius).

Поселившись в самом дальнем углу империи – в городе Харран на границе с Персией, он все-таки, по-видимому, преподавал, но свои труды, как говорится, писал в стол. Историков они поражают четкостью мысли²⁸ и обилием ссылок на прежних авторов. Живя на самой дальней окраине греко-римского мира, писал он так, словно остался в Афинах. Он даже процитировал точно книгу Анаксимандра «О природе», первую из книг с таким заглавием; ей было тогда почти 1200 лет, и ее давно уже только упоминали. Значит, он (или вся семерка) смог вывезти из Афин целый воз редких рукописей и имел досуг искать в них нужное. Если бы не он, о многих ранних (до Сократа) философах мы не знали бы ничего.

С последним римским философом (им был Боэций) вышло много хуже: он был казнен в 524 г. в Павии (северная Италия).

Принято писать, что главное значение последних интеллектуалов Античности – изложение прежнего знания. В целом это верно, однако не стоит забывать и их собственных исследований – Симпликий, на-

---

²⁸ Недаром великий Галилей в «Диалоге о двух системах мира» дал его имя главному защитнику идей Аристотеля (лат. *simplico* – делать простым, ясным), дал в итальянской форме: *Simplicio*. Это было обычно: сам Галилей был членом *Accademia dei Lincei* (Линкей – аргонавт, впередсмотрящий на корабле Арго).

пример, изучал соотношение души и тела и, главное, стремился к единству знания (пытаясь соединить Платона с Аристотелем), а Бозций был грамматиком, логиком и теоретиком музыки. Можно представить, как трудно им было жить среди остальных – глухих к науке.

Разве нынче не так? Философ и историк Татьяна Бородай [1998] напомнила, что Симпликий писал для будущих ученых, «стремясь хотя бы письменно сохранить в возможной полноте готовую прерваться традицию» (с. 101). Она отмечает «сходство ситуации в философии: и тогда и теперь казалось, что эпоха философии закончилась... и единственная задача немногих... – писать “в стол” для будущих ученых» (с. 103).

Добавлю: не только в философии, но и в науке. О падении интереса к науке как таковой, а не как средству достичь благ, написано премного, как и о прискорбном отрицании обществом самых важных открытий. Они могли бы спасти много жизней и радикально улучшить положение страны, а приводят только к преследованию их авторов как жуликов.

Мне в этом смысле еще повезло: моих работ большинство коллег как бы не знает – не только по истории Арктики, но и всех остальных (а пришлось заниматься многим). Невольно возникает простая мысль, что если так ведут себя люди самых разных профессий и душевных складов, то виноваты не они, а я. Возможно, однако дело куда сложнее: мои работы многие включают в списки литературы, не читая (см. статью Ч-19а). Зачем? Коснусь лишь того, что относится к теме Арктики прямо.

Тяжкой обстановки в ВСЭ касался историк-публицист Борис Островский [1937]. Он мало писал о жестокостях и побегах, умолчал о бунтах, и всё же его книга резко отлична от мертвенных лубков царской и советской поры. Первым, кто расценил деятельность ВСЭ как *геноцид*, был яркий историк-экономист Вадим Шерстобоев [1957]. Обоих поминают редко и не по сути. О второй книге см. статью [Майдачевский, 2014].

Позорной страницей советской истории ВСЭ считаю “открытие могилы Беринга” в 1991 году. Его разоблачили моряк Константин Шопотов и архивистка Наталья Охотина-Линд, о чем рассказано в брошюре Ч-19. Сообщество как бы не заметило фальши, хотя та бьет в глаза. И вскоре (1999 г.) та же группа тем же приемом “открыла” могилу Прончищевых. Обман подробно описан в книгах Ч-15 и Ч-20, но реакции общества опять никакой. Нужна лишь оговорка: когда тем же приемом была “открыта могила Ивана Сусанина” (2013 г., к юбилею), небольшой скандал в прессе возник, но никто не заметил связи всех трех “открытий” (хотя эксперт по костям был один и тот же), и всё стихло – неинтересно.

Вспомним того из пишущих полярников, кто беды истории Арктики видел и не замалчивал. Он-то как раз на первую мою арктическую статью Ч-91 горячо откликнулся, ибо увидал проблематику. Это З.М. Ка-

невский, замечательный человек и полярник, он много писал как о забытых экспедициях, так и о трагической судьбе полярников. Сошлюсь хотя бы на его последнюю при жизни книгу [Каневский, 1991].

Зиновий Михайлович Каневский (1932-1996)

Он, едва ли не единственный в последние полвека, указывал на жестоко трагические стороны ВСЭ и на их замалчивание. Его авторитет весьма высок, и можно бы подумать, что его голос будет услышан, но этого долго не происходило. А когда, наконец, произошло, авторов, приоткрывших неизвестные стороны ВСЭ, тоже не слышали – сообщество живет и пишет так, словно необычных голосов не было.

Каневского огорчало, что ВСЭ была полна тяжкими склоками участников и что об этом не пишут. Здесь налицо крупная подвижка: поскольку Витус Беринг был родом из Дании, его родина решила на огромное архивное исследование, и главным лицом выступает та же блистательная Охотина-Линд. Вышло уже четыре толстых тома [Вторая Камчатская..., 2001-2015]. Да, склоки мешали ходу экспедиции, это теперь подробно описано, но, увы, сама экспедиция почти не увлекла архивистов.

Впрочем, и того, что опубликовано, оказалось вполне достаточно, чтобы понять, – история ВСЭ еще ждет серьезного описания. Например, выяснилось, что фантазия о будто бы плавании Семена Дежнева вокруг Чукотки (она основана лишь на смешении названия *Анадырь* – им обладали тогда две реки, текущие в разные океаны), была не ошибкой, а сознательной фальсификацией, которая понадобилась Берингу, чтобы получить из Петербурга разрешение продолжить ВСЭ. Это тоже описано подробно, и реакции, разумеется, опять никакой.

Упорное молчание в отношении Дежнева можно бы объяснить горе-патриотизмом, за триста лет не поменявшим ни ориентиров, ни форм выражения. Однако плавания времен Иванов Васильевичей должны бы порадовать всех, включая горе-патриотов, и нежелание узнать правду об Истоме и прочих удивляет. («Мы ленивы и нелюбопытны», огорчался еще Пушкин.) Неужели причиной только лень? Едва ли: то, что у одного человека видно как лень, у общества выступает как упадок.

Это видно во многом. Исчезло, например, «эволюционное братство» российских ученых, о чем подробно сказано в Ч-19а. Но сообщество пишущих продолжает кое-как существовать, изображая науку. Рассчитывать на сколько-то общее содействие не приходится, и остается пробовать понять то, что можно понять без чьей-либо помощи. Тут уместно вспомнить Симпликия: его тоже некому было слушать, но он не пропал совсем, как пропали почти все, а воскрес как свод прежнего знания. Словом, будем стараться жить, как старался Симпликий.

Если верхнюю пуговицу застегнешь не в ту петлю, то неверно застегнешь и все остальные. Не умея и не желая понять первые шаги науки, не построишь толком и саму науку. Мне случалось увидеть это в нескольких дисциплинах, и оказалось, что на примере истории Российской Арктики это увидеть проще всего. Не умея понять суть первых плаваний, мы тянем свое непонимание через всю цепь последующих.

Плывя опасными норвежскими водами, Истома пользовался знаниями норвежцев. Власий проплыл вдоль всей Норвегии в корабле, а русских кораблей тогда еще не было. Обо всем таком умалчивают, и потому прибытие русских на Индигирку оказывается немыслимым буквально – о нем не удастся даже помыслить, нет нужных понятий (норвежцы в Арктике).

Чтобы понять явление, нужно, прежде всего, сравнить его с похожими, т.е. поместить в некоторый *ряд* (см. **Приложение 1**). В упомянутой паре (Истома и РУ) общим является полное отсутствие агрессии, столь обычной при освоении Арктики и Сибири. Что еще известно похожее?

В Ч-20 приведена известная легенда о мирном освоении земель северо-запада Сибири людьми Аники Строганова. Буквально верить ей нельзя (он был отнюдь не так хорош, как в легенде), но и отбросить ее нельзя, ибо окажется пустота, и ее нечем будет заполнить. Это как раз Тазовский городок, вероятное владение Строгановых²⁹, он мирно торговал.

Еще пару примеров мирного освоения Сибири дают жертвы землепроходца Ерофея Хабарова. Начал он службу на юго-востоке Таймыра (1620-е гг.), где ухитрился объяснить даже русских, бежавших от властей и мирно живших с местными. А прославился он «открытием» пути с Лены на Амур (1650 г.), где тоже до него русские жили, и притом с местными мирно – см. книгу Ч-20³⁰. Этот *мирный ряд* ранних освоений, заслоненных последующими злодеяниями, можно удлинять.

---

²⁹ Кстати, карта Ремезова указывает, что к годам сильного похолодания местность была уже довольно хорошо обследована: одних только рек, впадающих в губу, на фрагменте названо 12. Сперва странно, что Тазовский городок поставлен на 210 верст вверх по Тазу – зачем было купцам идти на веслах и бечевой так далеко, минуя 18 его притоков? Карта Ремезова отвечает: тут речки Осетровая (ныне Мангазейка, она обмелела) и Волочанка, видны 3 волока с Турухана. Поток пушнины с Енисея следовало встречать здесь. Вот исторически первое четкое свидетельство наличия в XVI веке торговли Руси с Енисеем.

³⁰ Его до жути жестокая деятельность (повторять нет сил, читайте отчеты первопроходцев сами) начала извечную ссору России с Китаем.

Однако важнее выявить его главное общее свойство: мирные продвижения напрочь *выпали из казенной истории*, хотя как раз она и уверяет нас в мирном освоении Арктики и Сибири. Два ряда (мирное освоение края и жестокое завоевание) бытуют в истории параллельно, как бы не замечая друг друга в российской науке, в отличие, кстати, от западной, давно отказавшейся от умолчания горькой правды.

Другой ряд, похожий, лишь назову. Ни один автор не преминет умильно описать случаи, когда поморы помогли западным морякам, и преимущества русских, – но никто не поступает наоборот. Лишь взявшись за ВСЭ, узнал я, что в ее ходе удалось пройти от Печоры в Обь только после замены русских кочей на западные дубель-шлюпки.

Третий ряд – археологический. В 1993 году голландцы с российской помощью раскопали место зимовки В. Баренца, но больше на Новой Земле не копал никто, а она, можно не сомневаться, изобилует. Копал однажды В.Ф. Старков в Усть-Оленьке, выкопал несколько голландских вещей, и уже 20 лет о том все молчат, не говоря уж о продолжении раскопок.

Куда как дольше (75 лет) никто не копает на стоянках ПСФ. Напрасно гидролог В.А. Троицкий, найдя там (не копая!) кремнёвое ружьё, восклицал в 1973 году: археологам пора туда снова, пора снова копать – берег размывает. Но никто не был допущен – там ведь прежде тоже были найдены голландские вещи, причем такие же, как в Усть-Оленьке.

Все такие ряды вместе приводят к мысли, что российское сообщество пишущих выступает как индивид, мыслящий не просто узко, а еще и в рамках того дремучего патриотизма, от которого Запад давно отказался.

Радостно было узнать, что в 2020 году в залив Симса, наконец, плывет экспедиция. Но сообщение оттуда прямо-таки ошарашило: на весь 500-вёрстный берег отведено было 5 (пять) дней, поэтому “раскопки” свелись к тому, что вездеход проехал по месту, где предполагали избушку ПСФ, и в борозде от его гусеницы увидели монеты и бусинки, о чем с гордостью сообщила миру *пресс-группа* (!) экспедиции. Она, кстати, заявила, что «экспедиция искала судно первопроходцев петровской эпохи дубель-шлюпку “Якуцк”», что Татьяна Прончищева, «когда муж умер, возглавила экспедицию» в рамках ВСЭ, и многое в том же духе.

Нынешнюю горе-экспедицию организовало, вместе с военными моряками, Русское Географическое общество, и никто из участников не пресёк этот поток бреда, намного более обильный, чем поиски. Такое “ученое общество” можно, полагаю, только упразднить (отдав его небольшую, но хорошо подобранную старую библиотеку туда, где ею можно будет свободно и бесплатно пользоваться).

А ведь то Общество было нашей гордостью, прежние беды страны сумело пережить, и в нем было интересно бывать еще не так давно, при жизни Каневского. Тут кстати будет напомнить его злую шутку о новой графе в анкете: «Если малограмотный, то в каком вузе преподает».

Но, надеюсь, распад наш не навсегда и, быть может, даже ненадолго. Надеюсь потому, что живые люди есть. Мы видели в п. 1 главы 4, насколько велик живой дух в детских школах.

Полудетские доклады питомцев Кунина побудили поставить серьезный вопрос: когда же на самом деле была открыта местность по имени Мангазея и другие части запада Российской Арктики? Можно ли сказать нечто определенное вместо обычного «еще в давние времена смелые первопроходцы...»?

Слова «здесь в самом конце 15 века хозяйничали голландцы, англичане и другие иностранцы» несерьезны: если кто и хозяйничал в Мангазее (стране), то царские воеводы, и то с начала XVII века. До того царила вольница без вкрапления иностранцев. Лишь в конце XV века, когда из Белого моря в Норвегию плавали Истома и другие дипломаты, в новгородскую землю пришел (в составе «Повести о человецех незнаемых») первый слух о «Молгомзее», до иноземцев он дошел еще лет через 70.

Мысль, что «море Мангазейско» открыто с востока, нашло подтверждение: слово это, вероятно, энецкое, и бассейн Таза – самый запад ареала энцев [Белов и др., 1981, с. 88]. А русские пришли сюда с запада, заведомо до похолодания середины XVI века, когда бытовал еще чисто морской ход.

Около 1580 года им пришлось перейти на Ямальский волок, негодный для морских кораблей. Известно лишь два иноземных корабля, вошедших в Обскую губу, но до Мангазеи они не дошли (Ч-20, с. 28). Известно всего 16 иноземных торговцев в Мангазее (не сказано, за какой срок [Белов и др., 1981, с. 90], но заведомо до 1619 года), тогда как русские прибывали сотнями ежегодно. Ничтожное число иностранцев в Мангазее поныне замалчивают – так, будто по сей день правит на Москве Филарет, а потому нужно продолжать оправдание нелепого акта запрета Ямальского волока.

Зачем же четвертый век историки молчат про вольный Тазовский городок и твердят восторженно про царскую Мангазею, с ее острогом, стрельецкими казармами, аманатской тюрьмой и воеводами, друг с другом воевавшими? Затем, думаю, чтобы не думать лишнего: там был убит дух вольного первопроходчества и восторжествовал дух силового покорения и чиновного правления, царящий на Руси днесь и присно.

Приложения

1. О методе

(из Пролога книги Ч-20; там же примеры и литература)

Полувековой опыт работы показал мне, что в самых разных науках бывает полезно *сопоставить загадки* – пытаться понять все непонятности данной темы вместе. То есть, допустить наличие связей там, где их обычно не видят. Таким путём был дан ответ на многие из вопросов, прежде казавшихся безнадежными. Это *первый приём*.

Столь же важен *второй приём* – уметь *выявлять серийные факты*. Термин ввел историк-структуралист Фернан Бродель (Франция), в концепции которого серийные (а не единичные) факты были первичным материалом. Серийным фактом в равной мере служила ему и глобальная параллель (например, в самых разных странах происходит переход от феодализма к капитализму), и частная (например, в самых разных культурах наблюдаются сходные типы помещичьих владений) [Бродель, 1993, с. 17, 456]. Нашу тему серийные факты буквально пронизывают.

Ведь полярные путешествия, при всей неповторимой особенности каждого, всегда складывались, в основе своей, из весьма сходных событий – жестокие бури, непроходимые льды, вынужденная зимовка в мало-пригодных условиях, голод, цынга, оставление корабля и попытка спастись в лодках или пешком (в том числе по морскому льду). Иногда несчастных спасали местные жители, иногда они же рассказывали о следах бывшего несчастья, а изредка даже доставляли «на большую землю» вещи погибших. Всё это повторялось не раз.

Поэтому мы можем привлечь подходящий факт там, где не хватает реально дошедших сведений. В биологии такой метод успешно использовал замечательный ботаник Николай Вавилов, назвав его в 1920 году *методом гомологических рядов*; затем применяли метод и многие другие, в том числе историки (у них он именуется структурализмом). Однако, насколько знаю, среди историков Арктики этот метод почти неизвестен³¹, они работают в понятиях XIX века и ранее.

---

³¹ Почти: из историков Арктики серийными фактами много пользовался (не вводя никакого на сей счет понятия) океанолог Николай Зубов [1954] (тот самый, что в молодости служил у Колчака). Но рядов нет и у него.

Конечно, желательнее обходиться без вставок и допущений, но всё же лучше делать их, нежели отбрасывать (как часто делают) множество очевидных фактов только потому, что между ними не хватает связей. Однако второй приём столь же полезен и в противоположной ситуации, когда материала слишком много, а потому встают трудности упорядочения.

Выявление рядов – начало всякого обобщения. Кто не хочет обобщать то, что узнал, вынужден писать, словно средневековый хронист, громоздя сведения и не заботясь даже об их соответствии друг другу, не говоря уж о выявлении сути событий. Что мы обычно и видим в трудах по истории Арктики. Простой пример дают нам ранние карты: их источник обычно неизвестен, и никто не пробует восстановить по карте неведомое путешествие, хотя оно легко читается по карте на языке серийных фактов и рядов.

Какие вставки серийных фактов делать можно, а какие нельзя? Однозначного ответа нет, и помогает лишь то обстоятельство, что реально происходившие события не могли противоречить друг другу. Иными словами, в цепь известных фактов можно вставлять лишь тот недостающий элемент из набора серийных фактов, какой даёт непротиворечивую картину событий.

Нашим *третьим приёмом* будет **погружение исследуемого явления в его эпоху**. Обычно историки Арктики если и делают это, то мимоходом, здесь же он пронизывает всё изложение.

Нам придётся то и дело **выявлять правду в потоке лжи**, что порой обратится в отдельный *четвёртый приём*. В основе его лежат два положения.

Первое: правда отлична от лжи тем, что была на самом деле, поэтому правдивые свидетельства не могут противоречить друг другу. Иными словами: **истина всегда самосогласованна**, она образует единое целое, чего с ложью на деле не бывает. В терминах логики: истина *когерентна*. Но если в логике достаточно выявить взаимное согласие высказываний, то на деле взаимного согласия требуют не только высказывания (суждения), но и свидетельства. Мы видим это в главе 3, где господствующее мнение основано на одних суждениях, без обращения к реальным свидетельствам.

Второе: ложь не должна противоречить интересам лгущего, поэтому **свидетельство пишущего против себя можно полагать правдой**. Конечно, тут есть опасность ошибиться (он мог лгать против себя по глупости, невежеству, со страху или спасая другого), но обычно данное положение хорошо работает, если применено на основе первого.

Впервые мне пришлось использовать оба положения при попытке понять ход и смысл Русской революции. Попытка была начата в 1968 году (сразу после ввода советских войск в Чехословакию), когда в изложении

истории ложь царила. Попытка оказалась удачной: через 20 лет, в «эпоху гласности», когда открылось множество новой информации, мне почти не пришлось менять представлений о Революции, лишь дополняя их. Это стало для меня свидетельством приемлемости обоих положений.

Вообще, опора на идею целостности лежит в основе моих построений, и не только в предлагаемой книге. Из всех пониманий истины мне ближе всего такое: истинно то, что образует согласованную целостность. Её можно видеть двумя способами. Первый прост и примитивен: части, соединяясь, подстраиваются друг к другу и тем самым образуют целое. Так образуют компанию попутчики. Второй намного труднее для понимания: «Не части (заранее существующие) складываются в целое, а, наоборот, целое создаётся путём направленного формирования своих частей». В природе и обществе преобладают целостности второго типа.

Конечно, некоторая неопределённость всегда остается, она вызывает у исследователя дискомфорт, поэтому среди учёных обычен такой обманчивый приём – составить себе «наиболее вероятную» картину предполагаемого события и затем отстаивать её одну. Он нам никак не подходит. *Нигде не будем выбирать единственный вариант*, а будем искать в качестве истины то общее, что есть во всех вариантах, согласных с фактами. И не будем пытаться оценивать «наиболее вероятное», так как нет смысла говорить о вероятности однократного события. Все допустимые варианты следует держать в голове, даже самые сомнительные. Отбрасывать можно только то, что невозможно в принципе.

Отсюда *пятый приём* – выявление *ядра и периферии*. Ядро явления – то общее, что имеется во всех тех версиях явления, которые есть смысл рассматривать. А рассматривать можно и нужно то, что непротиворечиво внутренне. Для этого следует собрать всё, что о явлении известно, не пытаясь оценивать качество (достоверность) отдельных сведений. Это трудно, поскольку всегда хочется считать нежелательное несущественным или даже невозможным, но этому надо научиться, иначе будет поиск под фонарём. На мой взгляд, для успешного выявления ядра явления требуется следующее.

1) Не следует (как это обычно делают) полагать критику чужих мнений доказательством справедливости своей собственной теории или версии явления. Критиковать надо прежде всего себя, а в чужих мыслях искать что-то для себя полезное.

2) Надо не полагать свое мнение, пусть и прекрасно (для самого себя) обоснованное, единственно верным, а держать в поле зрения *спектр* мнений.

3) Особое внимание надо обращать на то, что не принято упоминать.

4) Принимать к рассмотрению надо все сведения, кроме тех, что опровергнуты надёжными данными прямо. То есть, следует научиться *не выдавать сомнительное за ложное*, а для этого следует отучиться смешивать свои религиозные и политико-патриотические пристрастия с фактическими доводами. Для начала нужно призвать себя смотреть на свои мысли со стороны.

5) Никогда не делить авторов на своих и чужих. Даже у неприемлемого автора случается найти важное.

6) Существенные тексты надо читать по несколько раз с перерывами в несколько дней, а лучше месяцев.

Это трудно, зато сделанное (даже частично) упрощает работу: сама собой высвечивается совокупность фактов, общих для всех допустимых версий – *ядро* явления. Чтобы собрать его из принятых к рассмотрению сведений, надо выбрать из них, какие друг с другом согласны. Иные сведения, если их мало, составят *периферию* явления. Если же их много, если ядро оказалось сопоставимо с периферией (со свидетельствами, противоречащими надёжным фактам, но не опровергнутыми прямо) или даже меньше её, то следует признать, что явление не понято.

Бывает, однако, что ядро (масса не противоречащих друг другу сведений) не проявляет цельности, не образует само по себе связного рассказа о явлении. Тогда нужен *шестой приём*, у историков науки он называется *реконструкцией события*. Это – творческий, то есть неформальный приём, в котором для увязки деталей в целое привлекаются добавочные соображения – о возможных причинах и целях действий участников, а также об их качествах (о знаниях либо невежестве, смелости либо трусости, уме либо глупости, честности либо подлости и т. д.). Разумеется, эти соображения можно основывать только на надёжных фактах.

Седьмой приём (заменен, в Ч-20 его нет) требует *понимать чужие доводы*, а не укрываться за удобным «я в этом не спец». Конечно, всё не освоишь, но отличать серьезные доводы от глупых и ложных необходимо (помогает устная беседа), иначе работа может терять смысл. Так, климатологи [Клименко и др., 2012] пояснили свой тезис «Иван III проводил весьма активную политику на Севере» лишь двумя актами: плавание Истомы (Иван III его не планировал) и мнимое хождение двинской рати за Нордкап (на деле то был Св. Нос на Мурмане), в безумную даль, в бесплодные скалы. И год был чуть холоднее среднего, но сочтен потеплением. Суть же в том, что Иван III активную северную политику вел не там, а восточнее.

Восьмой приём требует сперва изучить *само явление, а мнения о нем – потом*. Выявив ядро, надо самому выявить спектр (или: постро-

ить реконструкцию) так, словно явление никем еще не описано. Иначе погрязнешь в ненужных спорах и едва ли доберёшься до истины.

Девятый приём: никакой факт нельзя отвергать, не имея четких доказательств его ложности. Сомнительное свидетельство нужно пытаться *согласовать с остальными фактами*, на которых построена история знаний о данной эпохе. К сожалению, многие любят говорить иначе: «следует отбросить данное свидетельство как сомнительное». Так науку построить нельзя, ее большинство и не строит.

Ряды

Кроме этих приемов, полезно сформулировать *десятый, самый общий, прием*. Он пронизывает всю книгу Ч-20 (как и другие мои работы), но не высказан в ней явно. Вот он: чтобы понять явление, нужно, прежде всего, *сравнить его с похожими*, т.е. поместить в некоторый *ряд*.

Важная для нашей темы пара рядов названа выше, в Заключение – это параллельное существование мирного и жестокого освоения новых земель. Все правления в России прославились жестокостями (особенно обоих Иванов Васильевичей), и тем интереснее, что мирное освоение Арктики и Сибири кое-где ухитрялось в их время происходить.

Сопоставлять следует только ряды, а не единичные акты. Сравнивая их, можно получить любой желаемый результат. В этом смысле показательна книга историка и журналиста Константина Гайворонского [2020], посвятившего свой труд историческим параллелям.

Сама по себе задача эта весьма достойна, но, к сожалению, он решил сравнивать отдельные акты истории, а не ряды. Самый ясный у него пример таков: он сравнил Якова II, короля Англии (младший брат казненного Карла), с нашим Петром I. Оба были фанатическими реформаторами, но Яков умер в изгнании, а Петр усидел и даже попал в великие.

Автор объяснил различие их судеб любовью англичан к демократии (коей тогда еще не было), не заметив гораздо, на мой взгляд, более важного: Яков совсем не вписывается в традиции Англии, тогда как Петр был типичным членом ряда русских деспотов³². Потому и усидел он, что в России деспоты имеют успех всегда. Более плодотворным представляется сравнение монархов в пределах одного ряда, ряда реформаторов деспотических стран.

Например, согласно историку Сергею Нефедову [2010], Петр копировал реформы Ивана Грозного, а тот копировал Ивана III и турецких султанов-реформаторов. Этим Нефедов возродил забытую историографическую традицию видеть в Иванах Васильевичах монархов вовсе не отсталых, но

---

³² По П.Н. Милюкову, он был очень слаб как реформатор – почти все его реформы либо шли уже до него, либо удались позже. Точнее см. Ч-15; Ч-20.

развернутых лицом на Восток. Иваны и Петр внимательно смотрели и на Запад, активно копируя методы инквизиции. В годы Петра это было еще исторически возможно, хотя уже и старомодно.

В книге Ч-20 на с. 163-164 назван еще и *ряд уникальностей*. Уникальные подвиги (и не только они) выстраиваются в некий ряд.

Казалось бы, не могла в XV веке в Арктике действовать регулярная перевозка дипломатов. Если бы не поход группы Баренца в лодках, все полагали бы такое тоже невозможным – так можно сказать про многое.

Не могло быть плавания поморов на Индиگیرку; невозможны многие из подвигов ВСЭ, собенно, если вспомнить условия, в ней царившие; невозможно последнее предприятие Шалаурова; не могли свершить свой безумный поход с зимовкой Нансен с Юхансенем; не могли Колчак и Бегичев решиться на свой поход в лодке (см. Повесть в книге Ч-15) – ну и так далее. Но все эти подвиги *были*, в каждом достигнуто что-то, чего прежде (а то и позже) не бывало, и этого из истории не выкинуть.

Данный ряд имеет свой *инвариант истории Арктики*. Звучит он так: если бы не данный подвиг, считалось бы истиной, что он невозможен.

Уникальность может оказаться просто следствием нашего незнания. Иван III уморил голодом внука, прежде любимого; Петр I заперол досмерти сына, уже полуживого от пыток, – это выглядит уникальным, однако имеет параллели в истории владык Востока.

Зверски убив сына, запретив траур и устроив вместо траура трехдневный пир, Петр, проспавшись, стал бояться бунта отчаянно. В испуге дошел даже до ареста западных послов, сообщивших о неслыханном злодеянии. Об этом пишут редко, но историки об этом обычно знают (литературу см. в книге Ч-20). Всё подобное К.Я. Гайворонский старательно опустил и Петра подал по школьному учебнику. Параллели строят не так.

2. Письмо было секретным

Чтобы понять странности письма Мюнцера, надо иметь в виду, что оно секретно. Мало того, что король королю писал не сам, а через картографа (и не королевского, а независимого), но и текст его написан с учетом того, что он может попасть во враждебные руки. Это значит, что посторонний не должен был понять сути (доступной лишь королю Жуану, племяннику Генриха Мореплавателя, человеку, искушенному в делах морских и заморских), а счесть его обычным восхвалением монарха и призывом к сотрудничеству.

Место в письме, где речь о Груланде, в переводе Чекина выглядит так:

«Уже прославляют тебя как великого правителя и немцы, и итальянцы, и рутены, аполлонии, скифы, [и] те, кто пребывает под сухою звездой арктического полюса,

вместе с великим герцогом Московии. Ведь немного лет тому назад под сухостью этой звезды стал впервые известен большой остров Груланда, длина береговой линии которого 300 лиг. На нем находится огромное поселение людей из вышеупомянутого владения вышеупомянутого господина герцога.

Чекин добросовестно взял в квадратные скобки союз, имеющий место лишь в одной из двух версий, но, к сожалению, не сделал того же с запятой между словами «аполлонии» и «скифы», которой нет ни в одной версии. В подлиннике значится: *apolonios scithos*, и в этом, оказывается, суть дела.

Нам придется обратиться к старопортугальскому тексту письма (латинский подлинник утрачен). Оно дошло до нас в двух вариантах. Вот интересное нас место в Мюнхенском варианте:

la te louuam por grande principe os alemaos e italicos e os rutanos apolonios scithos, e os que moram debaixo da seca estrella do polo artico: con ho grande duque de moscauia. que nam ha muytos annos que debaixo da sequidade da dicta estrella foy nouamente sabida a grande Ilha de grulanda. que corre por costa. ccc. leguoas. na qual ha grandissima habitac,am de gente do dicto senhorio do dicto senhor duque.

А вот другой экземпляр, Эворский, более согласный с грамматикой:

la te louuam por grande principe os Alemaos e Italicos e os Rutanos. Apolonios scitos os que moram debayxo da Seca estrella do polio artico. Com ho grande duque de Moscauia: que nam ha muytos annos que debayxo da sequedade da dita estrella foy nouamente sabida a grande Ilha de Grulanda: que corre por costa trezentas leguoas: na qual a grandisima habitacam de gente do dito senhorio do dito senhor duque.

В перечислении народов, которые якобы славят Жуана II, в этнониме (имени народа) *apolonios scithos*, принято вставлять запятую (без всякого, заметим, обоснования, лишь «по смыслу», что часто бессмысленно), так что выходит, что тут два этнонима: «аполонии, скифы». Кто такие скифы, можно при этом лишь гадать, а об аполониях и догадок нет – просто принято видеть тут опечатку оригинала и читать *polonios*, т.е. “поляки”.

Чекин обошел вниманием и тот факт, что в этом варианте между словами *Rutanos* и *Apolonios* фраза обрывается. То есть, этот вариант как бы утверждал, что славят герцога только три первых народа, а *Apolonios scitos* лишь пребывают вместе с московским государем. Следуя прежним историкам, Чекин вставил запятую после слова *Apolonios*, обратив один народ в два. Обе эти вольности привели к смелому выводу, что Мюнцер поместил в перечислении народов пять разных народов, в том числе рутенов, аполониев и скифов. Принято в них видеть русских, полониев (поляков) и татар, но такое чтение бессмысленно: не могли, устами Максимилиана, поляки славить португальца, а Мюнцер пишет, что действует по поручению Максимилиана.

Поскольку к тому времени римский папа Александр VI уже издал буллу, дававшую испанцам право на владение вновь открываемыми землями в Атлантике, встает ряд недоуменных вопросов.

(1). Почему Мюнцер предложил Жуану примерно то, что уже совершил Колумб? Не зная об этом после папской буллы Максимилиан не мог.

(2). Зачем Максимилиан решил давать советы королю, гораздо более сведущему в морских делах? Какую выгоду Максимилиан предлагал Жуану и какую искал для себя?

(3). Что за странный способ беседы монархов – через картографа?

(4). Зачем в письме о возможных выгодах морского пути в Китай упомянут арктический остров, принадлежащий русскому государю?

(5). Зачем убеждать португальского короля, что его славят народы, о нем ничего не слыхавшие? Это – рутены (русские) и, главное, *apolonios scithos*.

О последних сказано, что они живут “под сухою звездой арктического полюса”. Первые три – это народы, близкие Максимилиану (он даже предлагал Ивану III королевскую корону, от которой тот благоразумно отказался), а вот последний народ загадочен. О поляках не может быть и речи, так как именно они были главным неприятелем Максимилиана и никак в ряд с другими не становятся. Если видеть в скифах один из народов Восточной Европы (что и принято делать за отсутствием анализа), то они не были близки ни тому, ни другому королю. Остается искать смысл в “сухой звезде”.

Странная *seca estrella* (сухая звезда) и странное упоминание скифов, исчезнувших еще в Античности, побуждают вспомнить ту пору, когда скифы были реально живущим народом, а *звезда* и *созвездие* обозначались у греков общим словом *астрон*.

«Сухое созвездие» по сути заявлено еще у Гомера:

Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;

Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона

И единый жуждается мыться в волнах Океана.

(Илиада, XVIII, 487, пер. Н. Гнедича)

В эпоху Гомера созвездий было выявлено мало, и единственным созвездием, известным как незаходящее, была (Большая) Медведица, имевшая также названия *Воз* и *Колесница*. Но приведенный перевод Н.И. Гнедича неточен: в подлиннике перед словом *Арктос* стоит артикль женского рода, то есть Гомер упомянул Медведицу. Малой Медведицы Гомер еще не знал (выявлена веком позже), поэтому у него лишь одна Медведица не сходит с горизонта в море, о чем удачнее сказано в другом переводе: Медведица

Ходит по небу она и украдкой следит Ориона,

И лишь одна не причастна к купанью в волнах Океана.

(пер. В. Вересаева)

Вот она, *seca estrella* – созвездие (Большая) Медведица.

Тем самым, Мюнцер дал адресату письма ключ к чтению, мореходу тех времен понятный: самые северные народы живут там, где регулярно бывает в зените полярное созвездие, и Жуану следует обратить свой взор на тот народ,

который назван греческим термином *аполлоновы скифы*. Сей термин тоже не мог вызвать трудностей ни у кого, кто знал античную географию: *аполлоновы скифы* – это *гипербореи* (о них см. книгу Ч-12), это народ, живущий на крайнем Севере, избранный народ Аполлона, который проводит среди них лето.

Итак, Жуану предлагалось включить в круг своих интересов Северный океан, ибо там есть для него большая выгода, связанная с обитающим там народом, который (в том порукой Максимилиан) дружен португальскому королю – столь же, сколь и все народы, близкие римскому императору.

Что за выгода, объясняет всё письмо Мюнцера это морской путь в Китай. Тут-то и становится ясно, почему в качестве автора избран известный картограф: от его лица предложение Максимилиана о плавании могло выглядеть серьезным. Римский император нуждался в союзе с португальским королем (это подробно описано у С.В. Обручева) и предлагал искать северный путь в Китай. Тут как раз оказывались кстати русские: они и с Максимилианом дружны, и на севере властвуют. Тем самым, суть письма лежит не в европейской дипломатии, а в желании искатъ тот путь, который вскоре получил имя СВ прохода. Жуану предложено включить в круг интересов Северный океан, ибо там есть для него большая выгода. Что за выгода, объясняет всё письмо Мюнцера – это морской путь в Китай.

Вот зачем была нужна Груланд: она говорила адресату о силе московского государя (он утроил размер Московского государства) и о его нынешней активности (недавнее открытие). Для западного короля всякое открытие было итогом активности властей, он вообразить не мог, что русские поморы действуют сами, без ведома своего «герцога», власть которого над арктическим побережьем была тогда совсем призрачной, не говоря уж об островах, о коих он и не знал.

Теперь нетрудно ответить и на первый вопрос: Жуану предложено отнюдь не повторение уже достигнутого Колумбом, а нечто совсем новое: поскольку испанцам достался путь в Индию вокруг Африки, то португальцам надо освоить дорогу в Китай, пока этого не сделали государства Северной Европы.

Но зачем весь этот ребус? Что мешало Мюнцеру объяснить всё прямо? Секретность. Думаю, что осторожничал не столько даже он, сколько Максимилиан. Известно, что его письмо вез в Португалию картограф Мартин Бехайм (знаменит как создатель первого дошедшего до нас глобуса), который мог дать все разъяснения устно и доверять их бумаге было необязательно. Но Жуана, которому папская булла только что отдала весь Восток, письмо не заинтересовало.

3. Сигизмунд Герберштейн. Плавание по Ледовитому морю

Из книги [Герберштейн, 1866, с. 174 – 180], с учетом существенных разночтений по изданию [Герберштейн, 2008]. Примечания и разбиение на абзацы сделаны мною

В то время, когда я был у великого князя московского послом от светлейшего государя моего, находился тут же Григорий Истома, толмач этого князя, человек дельный³³, выучившийся латинскому языку при дворе Иоанна, короля датского. В 1496 году был он послан своим князем к королю датскому вместе с тогдашним послом датского короля, шотландцем Давидом, с которым я также там познакомился в первое моё посольство; он-то изложил нам вкратце³⁴ своё путешествие. Этот путь кажется нам крайне трудным по суровости тех стран, и потому я хотел описать его в коротких словах, как от него слышал.

Сперва, по его словам, он и вышеупомянутый посол Давид, отпущенные его государем, прибыли в Великий Новгород. Но так как в это время королевство шведское отпало от датского короля, к тому же и московский князь имел несогласия с шведами, и так как они не могли держаться обыкновенного пути³⁵ по причине военных смут, то и отправились они по другому пути, который был длиннее, но зато безопаснее, и сперва прибыли из Новгорода к устьям Двины и к Потивло³⁶ очень трудною дорогою. Истома говорил, что этот путь, который он никогда не перестанет клясть за перенесённые во время его неприятности и труды, тянется триста миль³⁷.

Наконец в устьях Двины они сели на четыре судна (вернее: в лодки – *лат. naviculis, нем. Schiflein – Ю. Ч.*); плыли, держась правого берега океана, и видели там высокие и суровые горы³⁸. Сделав 16 миль и переехав

---

³³ Немецкий перевод с латинского (далее: НП) вместо подчеркнутого дает другую характеристику: «скромный, воспитанный».

³⁴ Вместо этого в НП: «излагал нам не раз».

³⁵ Вместо этого в НП: «короткого пути вдоль Немецкого моря и по суше – из-за литовцев, пруссов и поляков».

³⁶ В НП точнее: «до Двинской земли, до городка Потивло (*nach dem Land Dwina, zu dem Fleckhen Potiwlo*), до места, где эта река впадает в море». Это, вернее всего, означает приезд или приплытие по Онежской губе к Двинской волости. В устье Двины и на прилежащих островах было тогда множество селений с неустойчивой топонимикой, и в некоторых зимовали иноземцы.

³⁷ Расстояния даны в немецких милях (по 5 вёрст). 1500 верст это, примерно, весь путь от Новгорода до устья Сев. Двины через Онежскую губу. Вряд ли Истома, рассказчик деловой и спокойный, «клял» весь путь; вернее, что лишь трудные участки. Судя по тому, что столь же долгую санную дорогу в Норвегии, притом горную, но в начале зимы, он не поминал никак, проклятия его вызвали февральские сугробы и апрель-майская распутица, когда на Руси известны случаи падения путников, в том числе вельможных, в ледяную воду.

³⁸ Горы справа – это Хибины; они видны, если плыть из Кандалакши в Колу по тогдашним рекам и озерам. С Белого моря никаких гор не видно.

через какой-то залив, они приплыли к левому берегу и, оставив вправо обширное море, которое получило своё имя от реки Печоры, также как и соседние горы, прибыли к народам Финляпии³⁹, которые хотя живут рассеянно по морскому берегу в низких хижинах и ведут почти звериную жизнь, однако всё-таки смиреннее (*mansuetiores*) диких лопарей (*Lappi*). По словам Истома, эти народы платят дань московскому князю.

Потом, оставив землю лопарей и сделав 80 миль морем, они достигли страны Нортподен, подвластной королю шведскому⁴⁰. Русские называют её Каянской Землёй (*Caienska Semla*), а народ – каянами (*Cayeni*).

Он говорил, что подвигаясь оттуда вдоль извилистого берега, который тянулся вправо, они достигли мыса, называемого Святым Носом (*Sanctus Nasus*). Святой Нос есть огромная скала, выдающаяся в море наподобие носа⁴¹; под нею видна пещера с несколькими водоворотами, которая каждые шесть часов поглощает морскую воду (*mare*) и с большим шумом обратно изрыгает назад эту пучину⁴². Одни говорили, что это середина моря, другие, что это Харибда. Сказывал он, что сила этой пучины так велика, что она притягивает корабли и другие предметы, находящиеся поблизости, крутит их и поглощает, – и что они никогда не бывали в большей опасности. Ибо когда пучина внезапно и сильно стала притягивать корабль, на котором они ехали, то они едва с великим трудом спаслись, налёгши всеми силами на вёсла.

Миновав Святой Нос, они прибыли к какой-то скалистой горе, которую им надлежало обойти⁴³. Когда они были там задержаны на несколько дней противными ветрами, шкипер сказал: «Скала, которую вы видите, называет-

---

³⁹ 16 миль могли означать и узкую часть Кандалакшск. залива, где видны оба берега («какой-то залив» – это оз. Имандра) и путь от Имандры до Кольской губы. А «народы Финляпии» – это саами (саамы), у русских их имя – лопари.

⁴⁰ *Nortpoden*. Принято считать [Герберштейн, 2008, т. 2], что это Норботтен, провинция в Восточной Ботнии. Название Истома мог слышать, едучи на юг по реке Торнион, текущей в Ботнический залив (но не вблизи Тромсё, если бы плыл вокруг Норвегии). Как видим, послы знали, что путь по Швеции уже легален.

⁴¹ Берег справа мог появиться только по входе во фьорд. В НП добавлено: «скала выдается от остальной горы, как нос от головы».

⁴² Мысов с таким названием известно несколько (есть, например, к востоку от полуострова Канин – см. Вклейку в конце книги). Есть он и на Кольском п-ове, где в море близ него встречаются два морских течения, вызывая гибельные для судов водовороты (их называют общим словом *сувой*), однако мыс этот низменный, и водяной пещеры там нет. Положение мыса западнее Финляпии и извилистый берег на пути к нему указывают на Норвегию. В прошлом мыс *Sanctus Nasus* связывали также с мысом Нордкап [Гамель, 1865, с. 13].

⁴³ Подчеркнутое отсутствует в последующих изданиях.

ся Семь (Semes)⁴⁴, если мы не умилюстивим её каким либо даром, то нелегко нам будет миновать её». Истома, по его словам, упрекнул⁴⁵ его за пустое суеверие, на что шкипер ничего не ответил, и они, задержанные там сильной непогодой в продолжение целых четырёх дней, поплыли дальше только после того, как ветры стихли. Когда они уже ехали с попутным ветром, шкипер сказал: «Вы смеялись над моим предложением умилюстивить скалу Семь, как над пустым суеверием; но если бы я не умилюстивил её, тайно взлезши на камень ночью, то нам никоим образом нельзя было бы пройти». На вопрос, что он принёс Семи в дар? — он сказал, что лил на камень, выступ которого мы видели, — масло, смешанное с овсяною мукою⁴⁶.

Потом, плывя таким образом, они встретили другой огромный мыс, Мотку (Motka), подобный полуострову; на его оконечности находился замок Бартус (Barthus), значит сторожевой дом. Ибо норвежский король держит там военный гарнизон, для охранения границ. Истома говорил, что этот мыс так далеко вдаётся в море, что едва в 8 дней можно обогнуть его⁴⁷; чтобы не замедлять своего пути, они с великим трудом на плечах⁴⁸ перетаскивали и свои суда и груз через перешеек, шириною в полмили.

Потом они приплыли в страну диклоппов (Dikiloppi), — это и есть дикие лопаи, — к месту, называемому Дронт⁴⁹, которое отстоит от Двины к

---

⁴⁴ Видимо, Истома имел в виду группу *Семь Островов* близ Кольского берега [Гамель, 1865, с 14; Замысловский, 1884, с. 104], где есть подходящее место (см. фото на с. 311 книги Ч-20). Однако в описываемом плавании он там не побывал. Возможно, это описание взято из другого плавания Истома или слышано Герберштейном от другого дипломата.

⁴⁵ В НП: «оба посла упрекнули». Разумеется, Герберштейн говорил с обоими.

⁴⁶ Жертвоприношение было, вернее всего, сделано шкипером в Норвегии, у скалы *Финнкирка* — фото и карту см. п. 3 главы 2, подпункт «Где именно плыл Истома». На снимке виден и камень, с которого волны смывают приношение.

⁴⁷ Вместо подчеркнутого в НП: «совсем похожий на остров». Действительно, перешеек *Нордкин* почти затопляется приливом (видно на космическом снимке). *Motka* и *Barthus* — старые названия п-ова Рыбачий и крепости Вардекус (Вардё), но крепость расположена не там, а на острове, в 40 км открытым морем на сев.-зап. от Рыбачьего. На оконечности Рыбачьего находится другой мыс, *Немецкий*. Так что «8 дней» явно не к этому месту относятся. Лучше подходит п-ов Нордкин с волоком на юге и мысом Нордкин на севере. Но крепости и там нет.

⁴⁸ Вместо этого в НП: «перенесли через гору». Однако оба перешейка (у Рыбачьего и у Нордкина) низменны, и эту правку учитывать не стоит.

⁴⁹ Если «дикая Лопь» означает часть Финнмаркена, то послы покинули лодки не в Норвежском море, а восточнее, в арктическом фьорде. В московских документах (напр., в завещании Ивана III) «дикая Лопь» означало юг Кольского

северу на 200 миль⁵⁰; даже и там, по их рассказам, московский князь пользуется правом (*solere*) собирать дань. Оставив там лодки, они совершили остальную путь землёю, на санях. Кроме того он рассказывал, что там стада оленей, которые на норвежском языке называются *Rhen*, употребляются также, как у нас стада быков: они немного побольше наших оленей. Лопари употребляют их вместо вьючного скота следующим образом. Впрягают оленей в повозку, сделанную на подобие рыбачьей лодки; человек привязывается в ней за ноги для того, чтобы не выкинуться от быстрого бега оленей. Он держит в левой руке вожжи, которыми умеряет бег оленей, а в правой палку, которою предотвращает падение повозки, когда она наклонится на одну сторону более, чем следует. Этим способом езды они сделали 20 миль в один день и наконец отпустили оленя; Истома говорил, что олень сам воротился к своему господину в обычное становище.

Совершив этот путь, они прибыли к норвежскому городу Берген (*Berges*), лежащему прямо на север⁵¹ между горами, а оттуда на лошадях в Данию. Между прочим, сказывают, что в Дронте⁵² и Бергене, во время летнего солнцестояния, день имеет 22 часа.

Власий, другой княжеский толмач⁵³, который немного лет тому назад был послан своим государем к цесарю в Испанию, рассказывал нам о своём пути иначе и гораздо сокращённое⁵⁴. Он говорил, что, будучи послан из Московии к Иоанну, королю датскому, он шёл сухопутьем (*pedes*) до Росто-

---

п-ова. С лопарями Истома мог беседовать на пути Кандалакша – Кола. Слабое созвучие *Дронт* с *Тромс* (провинция в Норвегии) побудило многих авторов видеть тут город Тромсё, но он в стороне. Можно сравнить этот топоним с рекой Торне (ныне Торне-эльв) и с городом Торнио, куда, видимо, ехали купцы.

⁵⁰ Это имеет смысл, только если понимать «отстоит к северу» как расстояние до самой северной точки пути, после чего последовало движение в южном направлении. Между устьем Двины и входом в Тана-фьорд (северная точка пути) примерно столько и есть, что мог сообщить ИстOME опытный шкипер.

⁵¹ Если это не ошибка, то послы ехали через Швецию (в ноябре Ханс стал ее королем), а в Норвегию въехали южнее Бергена.

⁵² Здесь многие полагают Тромсё, но там летний день круглосуточен. По длине дня возможно принять Тронхейм, но он расположен не там, где Дронт предыдущего абзаца. А в Бергене самый длинный день равен 19 час. Верить, что так действительно сказал дипломат, бывший в тех местах, нельзя.

⁵³ В НП добавлено: «тоже порядочный человек». Василий Власий, он же Власий Игнатов – о нем см. Словарь книжников, 1988, а также [Гамель, 1865, с. 172-173; Герберштейн, 2008, т. 2, с. 463].

⁵⁴ В латинском тексте: «другой, более выгодный путь из Москвы в те края».

ва; сев на корабли в Переяславле⁵⁵, приехал Волгою в Кострому; оттуда 7 вёрст шёл сухим путём до какой-то речки, которою вошёл в Вологду, потом в Сухону и Двину, и плыл до норвежского города Бергена и перенёс все труды и опасности, о которых выше рассказано со слов Истомы; наконец приехал в Гафнию, столицу Дании, называемую у германцев Копенгагеном.

И тот и другой говорили, что в Московию воротились через Ливонию и совершили этот путь в продолжении года. Хотя один из них, Григорий Истома, говорил, что половину этого времени он был задержан бурями в разных местах, однако и тот и другой единогласно утверждали, что в это путешествие они сделали 1700 вёрст, т.е. 340 миль⁵⁶. Также Димитрий (Герасимов – Ю.Ч.), тот самый, который весьма недавно был послан у папы в Риме, и по рассказам которого Павел Иовий написал свою Московию, – по этой самой дороге три раза ездил в Норвегию и Данию⁵⁷; он подтвердил справедливость всего вышесказанного⁵⁸.

В остальном же все они, когда я их спрашивал о Замёрзшем или Ледовитом море, отвечали только одно, а именно, что видели в приморских местах множество величайших рек⁵⁹, которые массой своих вод и силой течения гонят море на далёкое пространство от берегов, и которые замерзают вместе с морем на известное пространство от самого берега, как это бывает в Ливонии и в иных частях Швеции. Ибо, хотя от сильных ветров лёд в море ломается, однако в реках это бывает редко или никогда, — если только не случится наводнения: тогда лёд поднимается или ломается.

---

⁵⁵ Ошибка: из Ростова Ярославского водный путь на север шёл по реке Которосль, впадающей в Волгу у Ярославля, но всё это в стороне от Переславля Залесского. Там Власий проезжать мог, но зимой, в санях. Власий проплыл вдоль всей Норвегии в корабле, а русских кораблей тогда еще не было.

⁵⁶ Год заняло путешествие от Новгорода до Копенгагена, начатое и конченное зимой. Оно втягало длинней, чего Герберштейн, не имея карты, знать не мог.

⁵⁷ Свидетельство сомнительно – и ввиду склонности Герасимова к ярким заявлениям, и в силу отсутствия реалий путешествия; неясно, был ли он вообще в Норвегии. Его посольства в Скандинавию предположительно датируют 1510-ми годами. Затем о плаваниях через Арктику вообще не слышно. Без учета Герасимова арктические плавания дипломатов продолжались 9 лет (1493-1501 гг.).

⁵⁸ В НП после этих слов добавлено: «ни один не присутствовал при моей беседе с другим». В этом автор видел залог независимости рассказов, но видно, что русские действовали по единому указанию – не говорить иноземцу “лишнего”.

⁵⁹ Е.Е. Замысловский видел в них фьорды, что сомнительно. Подчеркнутое опущено в НП.

Обломки же льду, выносимые реками в море, почти целый год плавают по нему и от сильного холода снова смерзаются так, что иногда там можно видеть льды многих годов, смёрзшиеся в одну массу, что легко узнать из обломков, которые ветер выбрасывает на берег⁶⁰. Я слышал от достойных веры людей, что и Балтийское море во многих местах и весьма часто замерзает. Говорили, что также и в той стране, где обитают дикие лопари, солнце не заходит 40 дней во время летнего солнцестояния; однако, в продолжении трёх часов ночи его диск покрывается каким-то мраком, так что не видно его лучей, но тем не менее оно даёт столько света, что сумерки никого не заставляют оставлять работу.

Московиты похваляются тем, что берут подать с этих диких лопарей: хотя это и невероподобно, однако не удивительно, так как последние не имеют других соседей, требующих с них подати. Они платят дань рыбой и кожами, так как другого не имеют. Заплатив годовую дань, они хвалятся, что уже больше ничего никому не должны и независимы во всём остальном⁶¹.

Хотя у лопарей нет хлеба, также соли и других пряностей (*gulae irritamenta*), и они питаются только одной рыбой и дичью, однако, как утверждают, они очень склонны к сладострастью. Все они очень искусные стрелки, так что если на охоте попадутся им какие либо дорогие звери, то они убивают их стрелою в мордочку, для того, чтобы им досталась шкура целая и без дыр. Отправляясь на охоту, они оставляют дома с женой купцов и других иностранных гостей. Если, возвратясь, они находят жену довольноною обращением гостя и веселее обыкновенного, то дают ему какой нибудь подарок; если же напротив, то со стыдом выгоняют его⁶². Они уже начи-

---

⁶⁰ Странно, что столь специальные сведения получены от дипломатов. Либо Герберштейн беседовал с неким полярным мореходом, либо, что верней, любознательный Истома извлекал азы гляциологии из бесед со шкипером.

⁶¹ Видимо, это сведения разных лет и местностей, полученные Истомой от различных информаторов. В прежние века было много стычек новгородцев с норвежцами и шведами за право обирать жителей Арктики, и было заключено несколько договоров об этом. Слова «не имеют других соседей...» верны для времён Истома и населения Кольского п-ова, тогда как слова «Заплатив годовую дань, они хвалятся, что уже больше ничего никому не должны» — скорее, к прежним временам и северу Лапландии. Тогда и там лопари подвергались порою поборам со скандинавов и новгородцев сразу. Подробнее см. в книге А.В. Баданина, где указана литература и есть картосхемы.

⁶² В НП сказано мягче: «обходятся с ними плохо». Другие авторы прямо писали, что лопари добивались метисного потомства от своих жён. Подобный обычай («Мои жёны — твои жёны»), но без принуждения гостя, известен у некоторых горцев. Полагают, что он вызван осознанием вырождения малой популяции.

нают покидать врождённую дикость и делаться кротче от обращения с иностранцами, которые ради прибытка посещают их.

Они охотно допускают к себе купцов, которые привозят им одежды из толстого сукна, также топоры, иглы, ложки, ножи, чаши, муку, горшки и т.п., – так что они питаются уже варёною пищею и принимают более мягкие нравы. Они употребляют платье, сшитое собственными руками из различных звериных шкур, и в этом одеянии иногда приходят в Московину; однако весьма немногие употребляют сапоги или шапки, сделанные из оленьей кожи. Золотая и серебряная монета у них вовсе не употребляется; они довольствуются одним обменом товаров. Так как они не понимают других языков, то иностранцам кажутся почти немymi. Свои шалаши они покрывают древесною корою, и нигде у них нет постоянных жилищ: истребив на одном месте диких зверей и рыбу, они перекочёвывают на другое.

Вышеупомянутые послы московского государя рассказывали также, что они видели в этих странах высочайшие горы, подобно Этне постоянно извергающие пламя, и что в самой Норвегии многие горы разрушились от постоянного горения. Некоторые, увлечшись этим, ложно утверждают, что там находится чистилищный огонь. Когда я отправлял посольство у датского короля Христиерна, то слышал об этих горах почти то же самое от правителей Норвегии, которые в то время случайно там находились⁶³.

Говорят, что около устьев реки Печоры, находящихся вправо от устьев Двины, обитают в океане различные большие животные, между прочим одно животное величиною с быка, которое прибрежные жители называют моржом (Mors). Ноги у него короткие, как у бобра; грудь в сравнении с остальным его телом несколько выше и шире; два верхних зуба длинны и выдаются вперёд. Эти животные для распложения и отдыха оставляют океан и уходят стадом на горы; прежде чем предаться сну, который у них обыкновенно очень крепок, они подобно журавлям, ставят одного на стражу: если тот заснёт или будет убит охотником, тогда легко поймать и остальных; если же он подаст сигнал своим обыкновенным мычаньем, то остальное стадо, пробуждённое этим, подвернувши задние ноги к зубам, с величайшею скоростью скатывается с горы, как в повозке, и стремительно бросается в океан: там они иногда отдыхают также на обломках плавающих льдин⁶⁴.

---

⁶³ Видимо, выходы горючих газов, иссякшие ныне (такая гора упомянута в донесениях 1600-х годов: в Сибири у реки Огнёвки, течёт близ реки Попигай).

⁶⁴ Ясно, что информатор Герберштейна не видал моржей сам. Ласты моржа не похожи на ноги, бивни его направлены вниз, и он может только неуклюже выползать на пологий пляж (коргу). Однако сравнивать рассказ нашего автора следует не с нынешними знаниями, а с обычными тогда средневековыми бес-

Охотники бьют этих животных ради одних зубов, из которых москвиты, татары и преимущественно турки искусно делают рукояти мечей и кинжалов; они употребляют их более для украшения, нежели для того, чтобы наносить тяжелее удары, как воображал кто-то. У турок, москвитов и татар эти зубы продаются на вес и называются рыбьими зубами.

Ледовитое море на широком пространстве тянется вдаль за Двиною до самых устьев Печоры и Оби, за которыми, говорят, находится страна Енгронеландт⁶⁵. Судя по слухам, я думаю, что она отчуждена от сношений и торговли с нами как по причине высоких гор, которые покрыты постоянными снегами, так и вследствие постоянно плавающего по морю льда, который препятствует навигации и делает её опасною, а потому эта страна и неизвестна.

* * *

Этот рассказ Герберштейна, с учетом сделанных мной примечаний и анализа, проведенного когда-то Гамелем (первый в России историк науки, мне известный; первый и, возможно, единственный исследователь Истомы – остальные либо делали добавки, часто забавные, либо не интересовались Истомой как личностью, что сделал Гамель), позволил восстановить вероятный путь Дэвида Корана и Григория Истомы из Новгорода в Копенгаген через Арктику.

Обычное в литературе уверение, будто Истома (упоминать Корана не принято) героически проплыл в лодках открытым морем, притом впервые, из устья Северной Двины в один из портов Норвегии, совершенно нереально. Держится оно лишь патриотизмом приверженцев.

Они всегда избегали и избегают читать Герберштейна, и тех, кто пробовал, можно понять: текст не ложится на карту и внутренне противоречив, если исходить из убеждения, что Истома плыл открытым морем вокруг Мурмана и Норвегии. Но в лодках так никто не плывал, тем более, послы монархов, и стоит понять это, как картина проясняется.

Иосиф Христианович Гамель
(1788-1861)

тиариями, авторы которых тоже не видали того, о чем писали. Герберштейн ушел от них намного вперед, отказавшись от небылиц. Возможно, он был первым, кто сообщил ту истину, что стадо моржей выставляет сторожей.

⁶⁵ Видимо, единственный случай, когда эта мнимая страна помещена на востоке от севера Скандинавии – традиционно ее помещали на севере, там, где Шпицберген (см. начало главы 4). Естественно допустить влияние рассказов дипломатов и иных информаторов на Герберштейна и картографов.

4. Когда состоялось плавание Истомы и где проходило (подробности)

В научном издании [Герберштейн, 2008, т. 2, с. 165] читаем:

«Маршрут вокруг Скандинавского полуострова был вынужденным из-за русско-шведской войны апреля 1496 – марта 1497 гг. ... Начало ее оказалось неожиданно для апосольства, прибывшего к началу навигации в Новгород, оно вынуждено было отказаться от «общедоступного обычного» (т.е. балтийского) пути ... Преодолев 300 миль “крайне трудной дорогой” (видимо, из-за весенней распутицы) к устью Двины, ... русский и датский послы пересели на 4 “суденышка” и, ... держась “правого берега океана” вдоль высоких и неприступных гор” (Хибин), миновали “залив” (горло Белого моря) и двинулись на запад вдоль северной оконечности Скандинавского полуострова».

Кое-что верно, но послы (например, Ларев и Зайцев) плыли арктическим путем и прежде, и позже, явно предпочтя его враждебной Балтике. А кое-что невозможно: будучи в апреле в Новгороде (в это время на реках ледоход) послы никак не могли оказаться в ту же навигацию в Белом море, даже если бы новгородский наместник сам отправил их туда, чем проявил бы опасное своеволие⁶⁶. Он этого не сделал (да и где бы он взял нужные для арктического пути немалые деньги?), им пришлось запрашивать Москву и, по А.А. Зимину, ждать до Рождества. Так что месяц санного пути был упущен.

Из горла Белого моря видны лишь пологие холмы, а горы (Хибины) видны только с речного пути Кандалакша – Кола. Так что «правый берег океана» может здесь означать только «берег справа», и если так, то Истома на запад плыл не вокруг Кольского полуострова, а речным путем, в те годы полноводным. Это позволяет понять, куда плыли русские мореходы (если послов в самом деле везли они): вернее всего, они плыли на зимнюю ярмарку в Торнио и должны были избегать обычных путей, где их могла ждать шведская стража. Думаю, именно поэтому они избегали путей через ближние фьорды – Варангер и Тана.

Книга Большому Чертежу, составленная через 55 лет после плавания Истомы, показывает (в дошедшем до нас позднем варианте) именно эти

---

⁶⁶ Иван III был жесток до безумия (даже уморил голодом внука) и вовсе не ценил, особенно в конце жизни, жизнь людей, в т.ч. самых нужных ему (тем же страдал Петр I). Например, изгнал, а через несколько лет сжёг живьем, самых способных и преданных дипломатов, братьев Курицыных. Это следует помнить: по-видимому, так и здесь: он отправлял послов опасным путем, используя их проезд как инструмент давления на Ганзу, хотя знал уже про спокойный арктический путь. Только полная невозможность проезда могла заставить его изменить маршрут, на что, естественно, мог дать добро только он сам. Как видим, с разрешением он не топилился, видимо, выжидая, и дал его только после падения Ивангорода.

места как предел российских знаний тех лет (а отнюдь не прежних веков – веков раннесредневекового потепления):

«И в Розряде чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства от Студеного моря з западные стороны, от усть реки Тенуя, морским берегом к востоку до усть Кола» [Книга..., с. 50]. И далее: «*Роспись рекам поморским, морским берегом от усть реки Тенуя*. В море пала река Тенуи, протоку 400 верст; а в реку в Тенуи с левые стороны пала река Вор, протоку 120 верст, течет из озера» (там же, с.147)

Тенуй – это нынешняя река Тенойоки, и нужный приток с левой (норвежской) стороны у нее есть – река Карашока (Karasjohka, назв. саамское, на ней городок Карасийок, где ныне саамский парламент). Ее исток – в одном болоте с истоками рек Ботнического бассейна. Такой путь на юг был лучшим (хоть тоже опасным) для русских купцов, ехавших на ярмарку в Торнио, которым был запрещен проезд через Швецию. Здесь, как и на Мурмане, но не близ Тромсё, как иногда пишут без аргументации, Истома мог беседовать с лопарями, платившими дань Новгороду, а затем Москве.

Хотя и возможно, что послы думали, будто до этого плыли морским проливом, но вернее допустить, что они, как и остальные информаторы Герберштейна, скрыли от него путь Кандалакша – Кола. Это отчасти видно, кроме сказанного, из того, что на карте России Исаака Массы, черченной через полвека (сам Герберштейн ограничил свою карту на севере Белым морем), не только отсутствует данный путь, но и Кола показана текущей с запада.

Позже, замечу, такой же прием 200 лет скрывал от западных картографов путь землепроходцев с Чауна на Анадырь.

А Власий плыл в Берген явно иначе: морем, в корабле. Его уверение, что он повторил путь Истома, при полном отсутствии реалий его путешествия далее Двины, могу понять только как нежелание сообщать чужеземцу лишнее. Стоит вспомнить, что тогдашний государь Василий Иванович был категорически против допуска иноземцев на Русь. На этом фоне несколько удивляет словоохотливость Власия при описании пути по русским рекам к Двине. Возможно, здесь Герберштейн переписал сведения из русского «дорожника» – что он ими пользовался, известно.

5. Отзвуки Русского Устья

1. *О докладной записке Е.Ф. Скворцова* читаем в сб. [Никитина, с. 63]:

Исследователь обращал внимание на отсутствие медицинской помощи, неграмотность, упадок промыслов вследствие плохого снабжения их орудиями, неразвитость почтовых сообщений.

И в качестве неотложных мер Скворцов предлагал организовать запасные казенные продовольственные магазины на случай голода; обеспечить орудиями промысла (конским волосом для плетения сетей, ружьями), создать

сеть медицинских учреждений с проведением широкой вакцинации населения, построить школы («он разогнал бы тот мрак, в котором живут они – это сделало бы их, быть может, не такими упорными в смысле новшеств, могущих облегчить их же жизнь»), обучить более совершенным приемам ловли рыбы и способам ее сохранения. Доклад Скворцова завершался словами о необходимости облегчить жизнь населения далекого Севера, «лишенного самых важных предметов первой необходимости».

Последствий записка, видимо, не имела – возможно, из-за чиновной неповоротливости. А вскоре началась Мировая война.

2. О судьбе Станчика

Незнание имени церкви в Станчике довольно обычно. Недавно митрополит Климент не смог назвать имен ни одной из церквей ВСЭ, да и священников смог всего двух – Феофила и Дамаскина [Капалин, 2010]. Оба были весьма заметны, к тому же Феофил был важной фигурой в «бунте» на зимовке 1735 года⁶⁷ (см. Ч-15 и Ч-20), а имена иных пропали. Сейчас Станчика нет, тундра вокруг церкви пуста, но Валентин Распутин, выдавший в Станчике еще стоявшие тогда гниющие избы, записал:

«возле одной из изб приткнута заржавленная пила, на “козлы” для пилки накинута бревешко. В стенах разваленная обиходь, промокшие под сквозящими крышами и окнами одеяла, матрацы, шкуры, в амбарах – изопревшая лопоть. Всё, чем жили, кормились, обогревались, оставлено почему-то по великому спеху».

Увы, могу ответить Распутину. Ученый-полярник Федор Романенко, изучавший сталинские лагеря Арктики, рассказывал мне, как жутко выглядят мгновенно покинутые пристанища (с ложками, например, в мисках – несъеденную пищу затем съели

⁶⁷ Лишь теперь с изумлением узнаю, что «20 июля 1736 года он был арестован по доносу и отправлен сначала в Тобольск, а потом в Москву, в тайную канцелярию, и только 3 февраля 1740 года был “освобожден без всякаго штрафа и наказания”» [Капалин, 2010, с. 221]. Т.е. провел 3½ года в тюрьме без вины. (Священник!) И почти 300 лет никто из историков не писал об этом. Даже Дорриан Романов [1978], единственный, кто писал о «бунте» и притом с теплотой к Феофилу.

грызуны). Там можно догадаться было – охранники повыгнали эков без вещей, и некому было вернуться. А здесь кто?

Секрета и тут нет: в 1942 году (немцы подошли к Сталинграду!) власти вдруг озаботились (и отнюдь не только здесь) «облегчением снабжения жителей» – вернее, упрощением приемки пушнины, а также рыбы для рыбзавода. И служивые (того же творческого почерка, возможно, тоже из НКВД), повыгнали всех в новое место, в поселок Полярное, не дав даже взять вещи. Почему никто не вернулся впоследствии за вещами? Никто не выжил или там объявили запретную зону и строго ее охраняли? Не знаю.

Странно, что в Русском Устье тогда кое-кто остался, что позволили, поскольку транспорт в Полярное ходил по реке мимо. Так что еще через сорок лет была там жилая изба. Немногие РУ жили на старом месте и даже частушки сочиняли о переселении и о голоде в Полярном, где выдавали, судя по ходившей тогда частушке, одну овсянку [Чикачев, 1990]. Значит, улов там забирала весь или почти весь.

3. Церковь в Русском Устье

Построенная первыми РУ церковь (Знамения Божией матери) не сохранилась, как не сохранились и ее преемницы. Есть снимок ее поздней преемницы, XIX века, она была похожа на ту, что в Станчике, но над ее притвором был колокол на треноге, а крест был восьмиконечным, «над яблоком» (т.е. на деревянном шаре). Церковь в Станчике – того же возраста и стилия.

Крест церкви в Русском Устье барон Герард Майдель (из Дерпта, ныне Тарту; служил в Якутии, объездил ее восток и часть Чукотки) видел в янва-

ре 1866 года торчащим из снега. (Почти как у барона Мюнхаузена.) А дома обозначились ему в снегу лишь огнями из труб. Этот барон не лгал, его слова подтвердил через 46 лет Зензинов [1914, с. 9]: «Зимой здесь часты жестокие пурги, во время которых снег может засыпать дом». В таком виде застал предоставленное ему жильё (казенную избу) и Скворцов, притом, что удивительно, в начале мая.

Скворцов отснял ту церковь издали, с южной стороны, то же сделал через два года и Зензинов, но с северной стороны и немногим ближе. Всё лучше видно на советском снимке с южной стороны, но церковь уже мертвая. Вскоре красный комиссар спилил ей крест, на что жители робко смотрели – не привыкли к хамству. В здании, пока оно совсем не стнило, помещалась начальная школа.

Сейчас в селе действует школа-девятилетка.

6. От Русского Устья к Аляске

Можно полагать, что европейские (норвежские?) мореходы оставили русских поселенцев и с ними пару самых поврежденных кораблей в низовье Индигирки, перезимовали где-то на арктическом берегу и затем прошли из Арктики через Аниан (Берингов пролив) в Тихий океан. Однако было бы удивительно, если бы они сумели своими силами дойти до Китая и дать знать о себе, на свою родину известие через моряков или купцов из Европы. Корабли их были наверняка весьма изношены и, вернее всего, арктическим мореходам пришлось, если они туда добрались, обосноваться где-то на Беринговом берегу, строя дома – в Азии, либо в Америке, – куда занесла непогода.

От исследователей Аляски о поселениях европейцев сообщений поступало много. Так, миссионер Герман, монах из Валаамского монастыря, писал в 1795 году с Аляски, с острова Кадьяк (что при выходе из залива Кука, на широте Петербурга), своему настоятелю Назарию на Валаам о неведомых русских поселенцах:

«Здесь слухи об них носят такие: что они Новгородцы и во время царя Ивана Васильевича ушли в Сибирь и, по Лене спустившись, пришли на Колыму, сделали семь судов, называемых кочами, из Колымы перешли на Анадырь. ... а шестой девался без вести, то и думают, что непременно то судно принесло в Америку, и живут тут» [Бронников, 2016, с. 36-37].

Это соединение легенд о Русском Устье и о Дежневе замечательно.

Но, увы, ни Герман, ни кто другой в то время, сами таковых селений не видели, а названный ими залив слишком далек от Берингова пролива и к тому же отделен от Берингова моря длинным полуостровом – очевидно, что «новгородцы» или норвежцы осели бы не там, а много ближе к Аниану. Видно, что рассказ Германа включает пересказ рассказов РУ и мифа Г.

Миллера о Дежневеве, будто бы оплывшем вокруг Чукотки (о чем см. Очерк 5 в книгах Ч-15 и Ч-20); только как их узнали на Аляске в XVIII веке?

Ответ довольно прост: слухи шли от служителей якутской компании Павла Лебедева-Ласточкина, работавших тогда в заливе Кука, а среди лиц, искавших в это время на Аляске русское поселение, был «ученый чукча» Николай Дауркин, прежде работавший на востоке от устья Индигирки [Федорова, 2011, гл. 1]. Этого достаточно, чтобы допустить, что на северо-востоке Якутии знали рассказы о новгородском появлении РУ и перенесли их на Аляску. Нам это интересно только как свидетельство того, что такие рассказы имели хождение в самой Сибири за 120 лет до Скворцова и Зензинова.

Относительно письма монаха Германа Виталий Бронников, тогда студент СПбУ, писал (опираясь на давнее мнение А.Л. Биркенгофа):

«даже если принять за истину, что новгородцы спаслись от опричного террора в Сибири, далее спустившись по Лене, достигли Колымы, то, как известно, первым на Лену вышел Василий Бугор в 1628 г., значит и события, о которых писал Герман, надо относить к этому времени» (с. 37).

Это типичная *обратная эвристика*⁶⁸: то, что надо доказать или отвергнуть, взято за исходный факт. На самом деле о путях русских в Сибири неизвестно ничего, кроме служебных записей, обычно весьма кратких и во многом утраченных⁶⁹. Если даже принять, что Василий Бугор был первым русским на Лене, это не прояснит ничего, поскольку никаких сведений о новгородцах на Лене ни за какие годы нет. Привожу это забавное место потому, что обратная эвристика, обычно лишь подразумеваемая, высказана тут открыто. Как не раз уже сказано, обратные эвристики губят всякое исследование. Впрочем, статья Бронникова весьма полезна как обширный аннотированный список русскоязычной досоветской и советской литературы о поисках русских поселений на Аляске, а та прелюбопытна.

Сообщений о русских поселениях на Аляске, притом с реальными данными, столь много, что полагать их все голой фантазией неразумно⁷⁰, хотя

---

⁶⁸. Это понятие ввел английский методолог Питер Кларк, и его работу [Clark, 1976] цитируют по сей день, о чем см. статью Ч-11. О нем же шла речь в п. 5 Очерка 3 и в п. 6 Очерка 5 книги Ч-20.

⁶⁹ Они часто, за отсутствием бумаги, писаны на бересте и затем в массе шли в приказных избах на растопку [Зензинов, 1914, с. 16]. А от вольных странников, первых и истинных первопроходцев, не дошло почти ничего. В Приложении 1 к Очерку 7 книги Ч-20 кратко рассказано, что, например, открытие пути на Амур сделано (притом мирно) русскими одиночками раньше Е.П. Хабарова и других официальных «открывателей», жестоких до нелепости.

⁷⁰ «...само по себе обилие в расспросных сведениях указаний на русское поселение свидетельствует, что Аляска в XVII и первой половине XVIII века была, вероятно, объектом заселения русскими выходцами» [Савельев, 2012, с. 29].

ни одно впоследствии не подтвердилось. Единственное, на мой взгляд, объяснение состоит в том, что русские или иные европейцы, занесенные в такую даль непогодой или отвагой, были всегда крохотной горсткой (20 - 30 человек, команда коча, а то и меньше), притом одних мужчин. Вскоре такая группа неизбежно растворялась в местном населении. То, что РУ не растворились, ясно показывает, сколь отличен был их путь от привычных – географически, исторически и демографически.

Русская Америка выходит за рамки нашей темы, и укажу лишь обстоятельное исследование Светланы Федоровой [2011], первая глава которой отведена как раз истории поисков древнего русского селения на Аляске. Там мы узнаём, что единственные два хорошо локализованных места неиндейских поселений принадлежат не русским, а эскимосам.

Отдельная главка уделена «чириковцам» – группе в 15 человек с корабля капитана Чирикова, направленных им на обследование берега и пропавших без вести (июль 1741 г.). О них как раз рассказать следует.

То было первое достоверное посещение северо-запада Америки европейцами (произведено немного южнее Аляски), и более никто в ходе той экспедиции (ВСЭ) на материк не высаживался. Чириков и другие писали тогда, что уверены – их убили либо пленили; но позже многими обсуждалось совсем иное: допускали, что «чириковцы» могли попросту сбежать.

В самом деле: отряд «чириковцев» был хорошо вооружен, имел даже фальконет (малую пушку) и две сигнальные ракеты, так что мгновенное, без сигналов, полное уничтожение двух групп, притом в разные дни, было сомнительно. Зато отряд был снабжен подарками для индейцев, и версия добровольного ухода (для властей это было бегством и изменой присяге) не могла не возникнуть. В России и Европе ее много обсуждали.

Сравните: днем почёт, как богам, сошедшим в чудо-корабле с небес, вечером пир у костров, ночью девушки (будущие жёны) в постель; а на корабле – днем палка унтер-офицера, вечером сухари с водой (изредка и порка плетью); ночью невероятная теснота в духоте трюма. На обратном пути неизбежна цынга, и никаких видов на будущее, поскольку плавучую казарму предстояло сменить на обычную, только просторнее. Виды есть только на нищую одинокую старость, если не повезет умереть на службе. О чем могли, проспавшись, думать утром «чириковцы»?

Они могли не бояться погони, поскольку отряд ушел на шлюпке и ялике, и плавсредств на корабле не осталось. Дозэкономились. (О недопустимо жестокой экономии в экспедиции см. Ч-15 и Ч-20.) Позже на корабле сколотили плотик из запасного рангоута – плавать за пресной водой.

Возник полувековой спор о судьбе «чириковцев». Если они не погибли, а основали поселение, то Россия могла претендовать на занятую ими территорию как на российскую факторию. Другие страны (Испания, Англия, а вскоре и США) с этим вроде бы даже глухо соглашались, ибо просторов

Америки всем тогда хватало. В конце XVIII века велись активные поиски «чириковцев», и даже сообщалось о белокурых бородатых людях среди индейцев – их видели испанские моряки в 1774 и 1788 годах [Савельев, 2012, с. 27-28]. В те годы им действительно могли еще встретиться дети и внуки «чириковцев». Увидеть их позже не удалось никому, и общество успокоилось мыслью, что вся история вымышлена.

Однако легко понять и их исчезновение: уже правнуки «чириковцев» (если они в самом деле были) слились обликом и поведением с индейцами. Замечу, кстати: РУ потому сохранили себя, что уплыли с семьями и что было их более ста человек – достаточно, чтобы долго не вырождаться.

Правда, настораживает количество обнаруженных европейцев: испанский капитан Де Аро доносил, что их было 462 [Савельев, 2012, с. 28]. Чтобы так размножиться за 47 лет, все «чириковцы» сами и все их дети должны были иметь по 5-6 взрослых детей, что при высокой детской смертности сомнительно, особенно для дочерей моряков (сыновья могли иметь по несколько жён). Но тут возможно, что к русским примкнул за почти полвека еще кто-то из беглецов или потерпевших крушение.

Еще немного удивляет, что сбежали (если сбежали) и оба старших унтер-офицера, командиры пропавших групп – штурман и боцман. Ведь их судовая жизнь была намного легче. Но и она, видать, вчистую проиграла девушкам в объятиях. Хотя не исключено, что как раз эти двое, а может быть, и еще кто-то, верные присяге, сопротивлялись и были убиты.

Вот так. Всё это всерьез обсуждалось. Хотя Алексей Иванович Чириков, по общему мнению современников и историков, был лучшим из офицеров экспедиции Беринга, образцом справедливости, однако участники дискуссии, как видим, не сомневались, что и у него на корабле мог быть привычный тогдашний ад.

7. Открытия, которые не понадобились

Добавлю, что в донесениях англичан сведения о нижнем Енисее перепутаны со сведениями о его среднем течении и даже о верхнем. Для истории полярных исследований рассказы о верхнем Енисее несущественны, но для нашей темы тоже важны: ведь англичане искали путь в Китай. И если не о самом Китае, то о китайцах, об их присутствии в Средней Сибири, им в Пустозерске они кое-что сообщали.

Анализ этих донесений (приведены в сб. [Алексеев, 1941]) – отдельная трудная работа, еще ждущая своего исследователя. Читая донесения, надо иметь в виду, что в беседе с ненцами через русских толмачей англичане не всегда могли различить существенные подробности – например, выражения вроде «она течет с юга» и «по ней можно попасть на юг».

Наиболее интересное сообщение в Лондон послал Джосиас Логан [Алексеев, 1941, с. 216-219]. Любопытно, что он знал только один путь из Баренцева моря на Обь – путь вокруг Ямала. (Этот путь остальные мореходы, видимо, молодые, даже не называли.) Устьем Оби он полагал нынешний вход в Обскую губу, и это было англичанам заманчиво.

Один русский помор говорил Логану о Енисее:

«На расстоянии пяти или шести дней плавания к востоку от Оби имеется еще река, такая же большая, как Обь. Она очень глубока и течет с юга, но протяжение ее еще неизвестно... С восточной стороны в нее впадает другая река, называемая Тунгуской, и народ, живущий на ней, называется также тунгусами. Потому я полагаю, что она недалеко от города Тангут в Катае. Эти тунгусы говорят, что есть еще другая огромная река, которая течет на юг и которую полоса земли отделяет от Тунгуски. По той реке ходят большие корабли, похожие на русские, имеющие много мачт и пушек... Эти корабли принадлежат, по-видимому, китайцам, которые торгуют там летом и возвращаются до наступления зимы».

То есть: уже при Борисе Годунове русские знали не только о Енисее, но и о Нижней Тунгуске. Сравните это с данными карты Ремезова (гл. 4, п. 1). Похожее вскоре сообщил пленный князец в Енисейске (Ч-20, с. 31), эти источники не взаимодействовали, и сомневаться не приходится. Но что такое «другая огромная река»? Реки там на юг не текут, это явная ошибка перевода, и кое-кто полагал, что это – Лена, однако на ней тогда не могло быть огромных кораблей с пушками.

Если русские кочи несли по одной мачте (даже у М.И. Белова – по две, и никак не на реках), причем у тогдашних первопроходцев они не имели пушек, то китайские джонки могли нести много мачт и много пушек. Очевидно, что похожими на русские названы китайские суда. Тогда неназванной рекой могла быть только Ангара, хоть она и течет с юга. По ней китайцы (попав на нее с Селенги через Байкал) возили тогда свои товары на Енисей и далее, через волоки, на Обь. (Около 1610 г. в Сургуте (на средней Оби) торговали купцы из Китая. Оттуда в Россию их товары везли уже русские купцы [Алексеев, 1941, с. 284].)

Назад китайцы везли, в основном, соболей, которых сбывали как в самом Китае, так и в торговле с купцами Западной Европы. Вверх суда шли бечевой, но откуда и куда, информатор не знал [Purchas, 1906, с. 194; Алексеев, 1940, с. 239]. Как видим, реальный путь в Китай был всё же Западу указан, но, увы, никто уже не пробовал им пройти – МЛП обогнал англичан и голландцев как минимум лет на 70.

Словом, своими запретами правители старались зря, принеся стране много бед без всякой пользы. Традиция живет, крепнет, и страдаем от секретности мы по сей день.

Литература

- Алексеев Мих. Пав.* [сост-ль и комментатор]. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей... Иркутск, 1941, 2-е издание. 62 + 424 с.
- Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб. ун-т, 2009. 464 с.
- Альбанов В.И.* На юг, к Земле Франца-Иосифа! (1917) М., Paulsen, 2007. 169 с.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. 308 с.; указатель [переиздано: Рязань, 2007, без указателя].
- Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Новосибирск, Наука, 1997. 774 с.
- Аникин А.Е.* Из лексического комментария к русской колонизации Сибири // Гуманитарные науки в Сибири, серия Филология, лингв., 2000, № 4, с. 74-77.
- Баданин А.В.* (Епископ Митрофан). Кольский Север в Средние века. В трех томах. Том 1. Север как феномен. .... СПб., Ладан, 2017. – 266 с.
- Баданин А.В.* То же, т. 2, 2018; т. 3, 2018.
- Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII веках. Л., Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 91 с.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Материальная культура... Часть 2. М., Наука, 1981. 147 с.
- Берг Л.С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.– Л., изд. АН, 1949. 465 с.
- Блон Дж.* Великий час океанов. Полярные моря. М., Мысль, 1984. 192 с.
- Бойцов М.А.* Какими русские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? // История, 2013, т. 4, вып. 6 (эл. журнал), с. 162-198.
- Бородай Т.Ю.* Симпликий и его комментарий // Философия природы в Античности и в Средние века. Часть 1. М., Ин-т философии РАН, 1998, с. 101-104.
- Браткова Т.В.* Русское Устье // Новый мир, 1998, №4, с. 143-161.
- Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, Полиграмма, 1993. 124 с.
- Бронников В.Л.* Курьезный эпизод... // Содружество (Российско-Китайский науч. журнал, Новосибирск), 2016, № 10, с. 30 – 49.
- Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI XVII веках. М., Соцэкгиз, 1962. 308 с.
- Велувенкамп Ян Виллем.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550-1785. М., 2006. 312 с.
- Вторая Камчатская экспедиция. Документы. Морские отряды. Том 1. М., 2001; т. 2, СПб., 2009; т. 3, СПб., 2013; т. 4, СПб., 2015.
- Гайворонский К.Я.* Тени истории. События прошлого, которые помогают понять настоящее. М., Альпина паблишер, 2020. 228 с.
- Гамель И.Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья первая. СПб., 1865. 179 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии (1549). СПб., 1866. 229 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М., Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1, 776 с.; т. 2, 656 с.
- Головнёв А.В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, УрО РАН, 2015. 592 с.

- Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли (1979). М., АСТ, 2003. 557 с.
- Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. М., Наука, 1976. 240 с.
- Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., Тип. Пантелеевых, 1884. 568 с.
- Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. М., 2-е дополнен. изд., 1914.
- Зензинов В.М. Русское Устье. (Из дневника ссыльного) // Современные записки (Париж), 1920. Кн. I, с. 67 – 80.
- Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., Мысль, 1982.
- Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М.: Географгиз, 1954. 476 с.
- Каневский З.М. Загадки и трагедии Арктики. М., Знание, 1991. 191 с.
- Капалин Г.М. (митрополит Климент). К вопросу об участии священнослужителей во Второй Камчатской экспедиции // Вестник Тамбовского ун-та, 2010, Гуманитарные науки, вып. 2, с. 219-224.
- Кардаш О.В. Надымский городок XV-XVI вв. ... // Археологич. вести, 2011, вып. 17, с. 193-202.
- Клименко В.В. и др. Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в Средние века // История и современность, 2012, № 2, с. 130-163.
- Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. [М.], Университ. тип., [1867]. 34 с.
- Книга Большому Чертежу / ред.: К.Н. Сербина. М.-Л., Изд. АН, 1950. 232 с.
- Кордт В.А. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631г. СПб., 1902 // Сб. Импер. Рус. Историч. общества, т. 116, с. III – XLIX.
- Корякин В.С. Плавания В. Баренца в свете космической информации // Природа, 2014, № 2, с. 64-70.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, Наука, 1992.
- Кунин С.А. Тайна тундрового озера // Уральский следопыт, 2013, № 9.
- Леви Г.К., Воронин В.И. и др. Малый ледниковый период. Часть 2. // Известия Иркут. гос. ун-та, серия «Археология и геоэкология», 2014, т. 9, № 1, с. 2-33.
- Линсхотен Я.Г. Путешествие на корабле... // Записки по гидрографии, т. 39, вып. 3 (в 1594 г.) и 1595 (вып. 4). П.-д, 1915.
- Лисниченко В. В. Экология помора. Архангельск, Правда Севера, 2007. 96 с.
- Майдачевский Д.Я. В.Н. Шерстобоев: «Внутренняя» история Великой северной экспедиции // Иркутский историко-экономич. ежегодник, 2014, с. 5-14.
- Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., Наука, 1986. 230 с.
- Мыглан В.С., Ваганов Е.А. К вопросу о датировке исторических памятников на Таймырском полуострове: дендрохронологический и исторический аспекты // Вестник Красноярского университета, 2005, № 5(?).
- Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Том 1. М., 2010. 374 с.
- Никитина С.Е. (отв. ред.) Русские арктические старожилы Якутии (сб.). Якутск, Якут. отдел СО РАН, 2019. 288 с.

- Новикова Маргарита.* Край света // Вокруг света, 2020, № 4, с. 30-39.
- Обручев С.В.* Русские поморы на Шпицбергене. М., Наука, 1964, с. 79 – 82.
- Орлова Н.С.* (сост.). Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. ... Сб. докум. / А.В. Ефимов (ред. и вступ. статья). М., Географгиз, 1951. 620 с., 20 л. карт.
- Островский Б.Г.* Великая Северная экспедиция. 1733-1743 гг. Второе изд., дополненное. Архангельск, Севгиз, 1937. 206 + 2 с. (Первое: Архангельск, 1935.)
- Первалова Е.В.* Обдорские князья Тайшины (историко-этногр. очерк) // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург- Салехард: УрО РАН, 2000, с.152-190.
- Перцев Н.В., Рябкова О.В., Сабаров А.Н.* «Газовский разбой» в пересказе Географической чертежной книги // Известия Русского географич. общества, 2019, № 5, с. 77-90.
- Пестерев В.В.* «Большой чертеж»: возвращаясь к проблеме авторства и времени возникновения генеральной карты Московского государства // Российская история (журнал, препринт), 2020.
- Платонов С.Ф.* Строгановы, Ермак и Мангазей // Русское прошлое. Историч. сб. № 3. Петроград, 1923, с. 3-8.
- Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: конец XVI - XVII вв.: СПб., Алетейя, 2010. 431 с.
- Распутин В.Г.* Явь и Навь Русского Устья // Общеписательская Литературная газета, 2018, № 2, с. 6 – 7.
- Романов Д.М.* Хараулахская трагедия // Полярный круг, 1978. М., Мысль, 1978, с. 142-148.
- Савельев И.В.* Ранние русские поселения на Аляске: миф или реальность // Вестник Северного (Арктич.) федер. университета (Архангельск), Гуманитар. и социальные науки, 2012, № 5, с. 24-30.
- Скворцов Е.Ф.* В прибрежных тундрах Якутии // Труды Комиссии по изучению Якутской АССР, т. 15. Ленско-Колымская экспедиция 1909 года. Л., Изд. АН, 1930, с. 1-244.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 1, Л.: Наука, 1988.
- Смута в Московском государстве. Россия начала XVII столетия в записках современников. М., Современник, 1989. 462 с.
- Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики, т. 2. М., 1998.
- Старков В.Ф.* Оленекское зимовье ... // Вестник Томского ун-та. История. 2013, № 3, с. 289-298.
- Строгова Е.А.* Этнографические и археологические исследования русских арктических старожилов Якутии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3 (15), с. 156 – 160.
- Тельнов Егор.* Сестры из Русского Устья // Якутия (газета), 2009, 7 марта.
- Тельнов Егор.* В селе Русское Устье обнаружена шахматная фигура времен Ивана Грозного // Якутия (газета), 2012, 8 августа.
- Фёдорова С.Г.* Русская Америка. М., Ломоносов, 2011. 276 с.
- Фольклор Русского Устья. Л., Наука, 1986. 384 с.
- Чекин Л.С.* Открытие арктического острова русскими мореплавателями эпохи Колумба // Вопросы истории естествозн. техн, 2004, № 3.

- Чикачёв А.Г.* Русские на Индигирке. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, Наука, 192 с.
- Щерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Том 2. Иркутск, 1957. 679 с.
- Шмидт С.О.* (ред.) Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа за 1614 год. М., Изд. вост. лит-ры, 1960. 196 с.
- Яцуцкий В.К. Историческая география. М., изд. АН, 1955. 331 с. + 17 карт.
- [*Bordone B.*] Libro di Benedetto Bordone nel qual si ragiona de tutte l'Isole del mondo con li lor nomi antichi & moderni... . Vinegia (Венеция) per Nicolo d'Aristotile, 1528. 74 стр. + карты.
- Chekin L.S.* A Russian discovery in the Arctic ocean at the time of Columbus // Nordlit, 2017, No 39.
- Christiansen B., Ljungqvist F. C.* The extra-tropical Northern Hemisphere temperature in the last two millennia..., // Clim. Past, 2012, Vol. 8, p. 765–786.
- Clark P.* Atomism versus thermodynamics // Method and appraisal in the physical sciences. Cambridge, Cambr. Univ. Press, 1976, p. 41 – 104.
- Nordenskjöld A. E.* Facsimile-Atlas to the early history of cartography. Stockholm, Norstedt, 1889. 141 p., 51 maps, in folio.
- Orbini M.* Il Regno de gli slavi... . Pesaro, Appresso Girolamo Concordia, 1601. 473 p.+Index.
- [*Purchas S.*] Hakluyts posthumus or Purchas his piligrimes containing a history of the world in sea voyages and land travells by Englishmen and others (1625). Glasgow, Vol. 13, 1906.
- Roeslin H.* Mitternächtige Schiffarth. Oppenheim, Joh. Theod. de Bry, 1611.
- Simplicius*, sa vie, son oeuvre, sa survie. Berlin – N.Y., Walter de Gruyter, 1987. 409 p.
- Werner J. P. et al.* Arctic temperature variability // Climate of the Past, 2018, v. 14, p. 527 – 557.

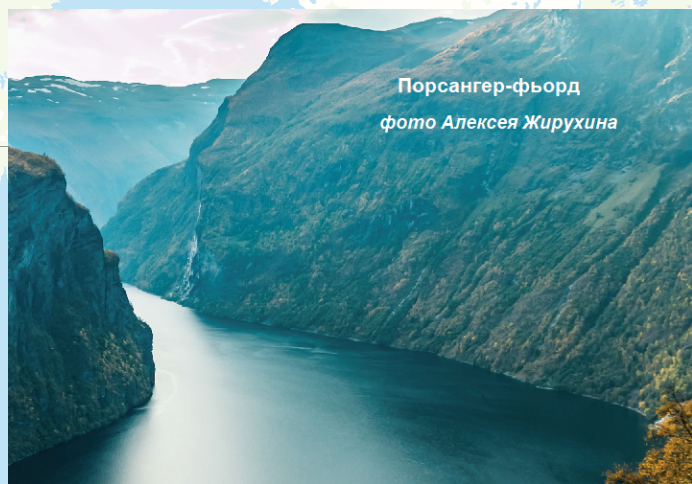
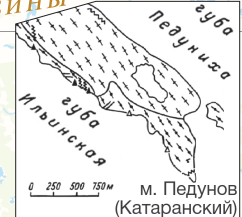
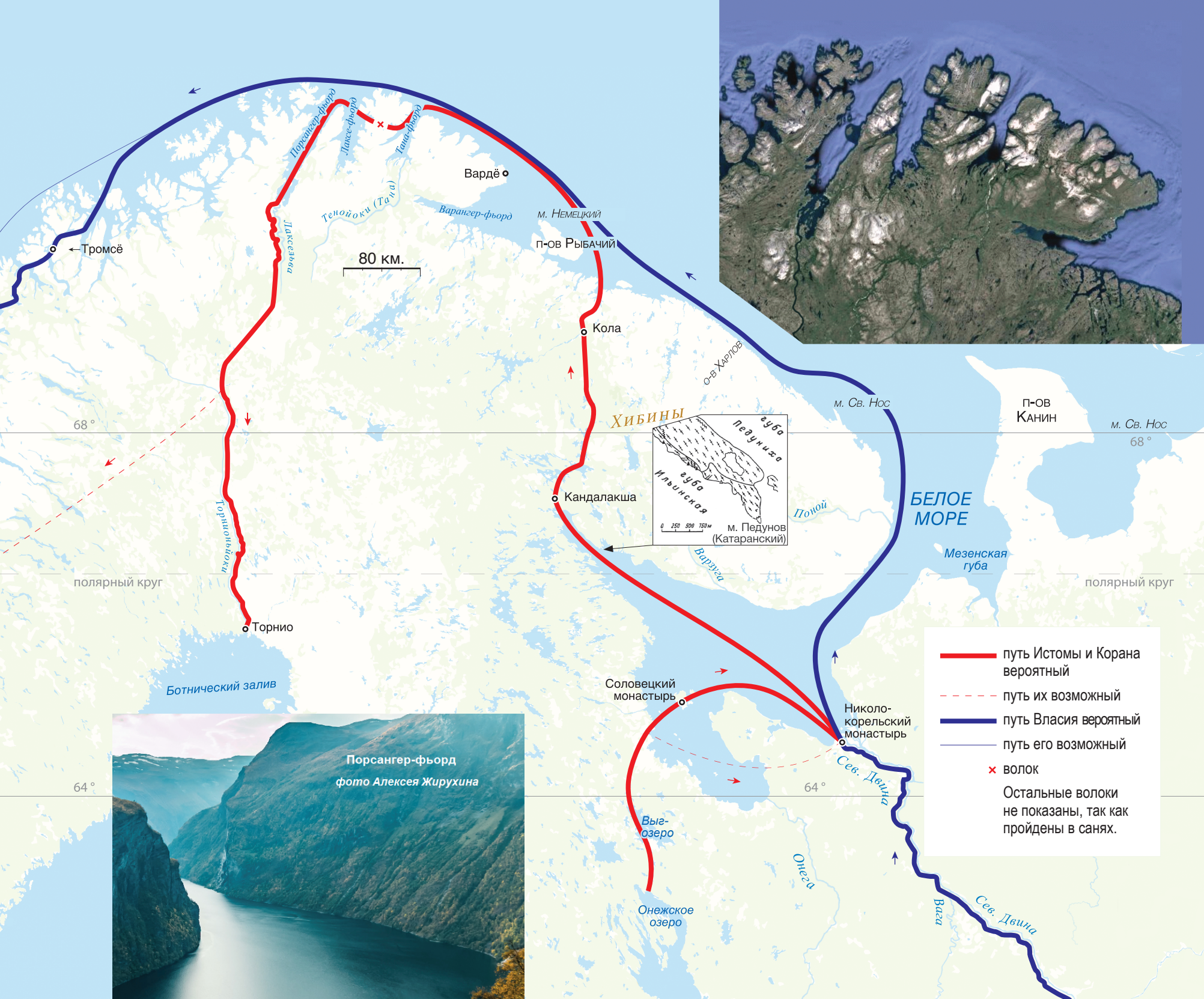
Работы автора, упомянутые в тексте

- Ч-91. Гранит во льдах // Вокруг света, 1991, №№ 1 и 2. [Об А.В. Колчаке и Э.В. Толле.]
- Ч-06. Остров Груланда и Северо-восточный проход, или Сопоставим загадки // Вопросы истории естествозн. и техн., 2006, № 1, с. 211 – 217.
- Ч-11. Будем осторожны с уверениями авторитетов (как устроена наука) // Вопросы истории естествозн. и техн., 2011, № 4, с. 57 – 70.
- Ч-12. Лекции о доплатоновом знании. М., КМК, 2012. 483 с.
- Ч-15. Мысы Ледовитого напоминают. 2-е изд. М., КМК, 2015. 400 с.
- Ч-19. У Арктики долгая память. М., КМК, 2019. 88 с.
- Ч-19а. Эволюционное братство // Российский палеоботанический журнал, 2019а, том 19, с. 88-108.
- Ч-20. Взгляд из Арктики на историю России. М., КМК., 2020. 352 с.

Ямальский волок, Обь, Таз, Тазовский городок и волок на Енисей
фрагмент карты Исаака Массы, 1612 г. (Всю карту, от Северной Норвегии до Пясины, см.: Ч-20, с. 27. Тайно скопирована для Массы в Москве не позже 1609 года – вероятно, с «Большого Чертежа», он был завершен около 1600 г.). В те времена Обь и Енисей рассматривались вместе с их заливами как единые водотоки

— путь Истомы и Корана вероятный
- - - путь их возможный
— путь Власия вероятный
- - - путь его возможный
x волок
 Остальные волоки не показаны, так как пройдены в санях.